

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

С.Г.Исаков

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА
В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ЭСТОНИИ
XVIII - XIX СТОЛЕТИЙ

II

ТАРТУ 1974

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

С.Г.Исаков

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА
В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ЭСТОНИИ
XVIII - XIX СТОЛЕТИЙ

Спецкурс для студентов-русистов

Выпуск II

1860-1880-е годы

ТАРТУ 1974

Утверждено Советом филологического факультета 19 октября
1973 года.

Глава I. Обстановка в крае и правительственные меро-
приятия по усилению преподавания русского языка в учеб-
ных заведениях Прибалтики 1860-1880-х гг.

В следующих разделах нашей работы будет рассмотрена история преподавания русского языка и словесности в учебных заведениях Эстонии в последней трети XIX в., точнее, в 1860-1880-е гг., до начала русификации прибалтийских школ.

В первой части спецкурса мы уже отмечали, что конец 1850-х - начало 1860-х гг. ознаменованы рядом уступок остзейцам в отношении изучения русского языка. Министр народного просвещения в 1861-66 гг. А.В. Головинин вообще мало интересовался положением в Прибалтике. Как отмечает даже официальный историк министерства, для него "вопрос о постановке учебного дела на окраинах не имел такого выдающегося принципиального значения, как в эпоху графа Уварова. Так ярко выраженное тогда стремление сделать школу орудием сплочения окраин с коренной Россией с течением времени ослабело и не поддерживалось с прежней энергией и последовательностью".¹

Однако А.В. Головинину и его преемнику на посту министра Д.А. Толстому все же пришлось заняться большим вопросом о русском языке в Прибалтике. Это было вызвано, с одной стороны, представленным императору отчетом рижского архиепископа Платона о произведенном им в 1864 г. обозрении своей епархии², с другой стороны, - резкими нападками рус-

¹ С.В. Рождественский. Цит. соч., стр.460.

² ЦГА СССР, ф. 908, оп.2, ед. хр. 16.

ской прессы на всю учебную систему Прибалтики.¹ Более же глубокой причиной этого была по-прежнему оставшаяся неудовлетворительной постановка преподавания русского языка в учебных заведениях Остзейского края, незнание его остзейцами, затруднявшее исполнение ряда правительственных распоряжений, в частности закона 1850 г. о ведении официального делопроизводства в прибалтийских губерниях на русском языке.

В своем отчете архиепископ Платон, указав на игнорирование русского языка остзейцами, выдвинул ряд предложений, ставивших целью усилить знание его воспитанниками местных учебных заведений. Он рекомендовал увеличить число русских учителей в школах Прибалтики и поручать обучение русскому языку и словесности непременно "природным русским", а также более тщательно преподавать этот предмет во всех учебных заведениях, не исключая и частных пансионов.

С 1864-65 гг. резко усиливаются нападки русской консервативной и либеральной прессы на остзейские порядки. Одним из основных объектов нападков становится прибалтийская школа, являющаяся главным орудием германизации коренного населения края. Московские и петербургские газеты, борясь за сближение остзейских губерний с Россией, решительно требуют введения русского языка в официальное делопроизводство и школу. В многочисленных статьях "Московских ведомостей", "Голоса", "Москвы" и других органов печати рассматривается вопрос о том, чем объяснить слабое знание русского языка остзейцами и какие меры необходимо принять, чтобы положение изменилось к лучшему. Основную причину неудач в изучении русского языка местными школьниками газеты видят в нежелании остзейцев учиться ему, в систематическом сопротивлении последних всякому распространению русского языка в остзейских провинциях. Подробно разбираются в печати и доводы остзейцев против усиления преподавания русского языка в школе. Как отметил Ю.Ф. Самарин, эти доводы обычно сводятся к следующему: 1) в Прибалтике нет достаточного количе-

¹ См. об этом в нашей книге: С.Г. И с а к о в. Остзейский вопрос в русской печати 1860-х годов. Тарту, 1961, стр. 56-57, 131-135.

ства хороших учителей; 2) всякое усиление преподавания русского языка отрицательно скажется на учебном процессе, сократит объем изучения других (более важных) дисциплин и понизит уровень местного образования в целом¹; 3) остзейцам нет и необходимости изучать русский язык, ибо официальным языком края является немецкий; 4) всякое усиление его преподавания вызывает у молодежи лишь чувство глубокой ненависти ко всему русскому.² Русские публицисты доказывали ошибочность всех этих доводов, особенно подчеркивая, что русский язык, как государственный, должны знать все жители Российской империи и именно на нем должно вестись официальное делопроизводство.

Была разработана и целая программа действий по преобразованию всей системы учебного дела в Прибалтике. Авторы статей в русских газетах требовали подчинить сельские школы министерству народного просвещения и начать в них изучение русского языка, организовать обучение народных учителей этому предмету: уездные училища и гимназии надо перевести на русский язык преподавания, создав в интересах коренного населения параллельные младшие классы с преподаванием на местных языках с тем, чтобы постепенно подготовить эстонцев и латышей к обучению на русском, и т.д.³

¹Так, еще в 1859 г. конференция рижских учителей, обсуждавшая вопрос о слабых познаниях учащихся в законе божием и математике, вину за это возложила на русский язык: возрастание требований по русскому языку, будто бы, наносит ущерб преподаванию всех остальных предметов (ЦГА СССР, ф. 733, оп. 193, ед.хр.187, л.81). В прибалтийской печати открыто делались попытки противопоставить изучению "чужого" русского языка древние языки. См. статью: R a s c h d r [A.Riemenschneider]. Die Erweiterung der Gymnasien in den Ostsee-Provinzen. - "Dörptsche Zeitung", 31.X 1860, Nr.128. Ср. E. W. . k y. Eine Anmerkung zum Aufsatz: "Die Erweiterung der Gymnasien in den Ostsee-Provinzen". - "Das Inland", 5./17.XII 1860, Nr.49, S.888-889.

²Д.Ф. С а м а р и н. Окраины России. Вып. I. Прага, 1868, стр. III-III2.

³См. "Московские ведомости", 25.XI 1869, № 256, 13.XII 1869, № 271; "Голос", 22.VIII 1869, № 231, и многие другие.

Одновременно русская печать подчеркивала, что все эти меры могут быть успешными лишь при условии, что они будут подкреплены общей русификацией Прибалтики. В связи с этим раздаются и откровенные призывы к обрусению коренного населения края.¹

Всё это не могло не привлечь внимания высших правительственных кругов. Для рассмотрения предложений архиепископа Платона по приказанию Александра II был создан специальный комитет, в состав которого вошли председатель Комитета министров П.П. Гагарин, шеф жандармов В.А. Долгоруков, петербургский генерал-губернатор А.А. Суворов, министры внутренних дел и государственных имуществ, обер-прокурор Синода, статс-секретарь князь С.Н. Урусов и прибалтийский генерал-губернатор. Комитет затребовал мнения последнего и министра народного просвещения. А.В. Головнин в свою очередь запросил попечителя Дерптского учебного округа А.Кейзерлинга и в своем докладе императору от 8 марта 1865 г. попросту повторил его донесение, из которого явствовало, что обучение русскому языку в остзейских губерниях поставлено хорошо, что оно сделало за последние годы большие успехи и никаких специальных мер тут не требуется. Министр вслед за Кейзерлингом не возражал против увеличения числа учителей русского языка и просил повысить жалование преподавателей этого предмета в уездных училищах.²

По приказанию Александра II вопрос был передан для рассмотрения в Комитет министров, который на своем заседании 18 мая 1865 г. не согласился с доводами А.В. Головнина и нашел, " что для усиления обучения русскому языку жителей Прибалтийских губерний необходимо принять особые деятельные меры и что меры эти должны быть изысканы Министерством народного просвещения совокупно с местным генерал-губернатором".³ Дело, казалось, стало приобретать серьезный обо-

¹ См. М.П.П о г о д и н. Остзейский вопрос. М., 1868, стр. 108.

² ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 193, ед.хр. 187, лл. 11-19 об., 20-46 об.

³ Там же, л. 62 об.

рот.

9 июня 1865 г. министр народного просвещения обратился к прибалтийскому генерал-губернатору с просьбой представить свои соображения по этому поводу. Генерал-губернатор П.А.Шувалов в ответе министру 14 сентября 1865 г. пришел к весьма пессимистическому "заключению, что все меры, предпринятые правительством с 1820 года, не достигли цели ... Изыскивая причины малоуспешности всех вышеизложенных мер правительства, я признал таковыми: а) пассивное к этим мерам отношение местных учебных властей и даже противодействие им со стороны <местных> деятелей и б) господство немецкого языка в здешних училищах".¹ П.А. Шувалов находил, что меры, предлагаемые архиепископом Платоном и А. Кейзерлингом, ничего не изменят: аналогичные меры предпринимались уже неоднократно и всегда без успеха. Со своей стороны он предлагал организовать русские классические гимназии в Риге и Ревеле?

Прежде, чем принять решение по всем этим вопросам, министр народного просвещения решил в сентябре 1865 г. командировать чиновника министерства М.М. Могилянского в Остзейские губернии для осмотра местных учебных заведений, главным образом, в отношении преподавания русского языка. М.М. Могилянский осенью 1865 г. посетил свыше пятидесяти учебных заведений в Тарту, Таллине, Пярну, Риге, Митаве и Вольмаре (Вальмиере) и весьма основательно ознакомился с состоянием учебного дела в Прибалтике и с положением русского языка. Он представил министру большой отчет, который был напечатан в виде отдельной брошюры. В нем Могилянский утверждал, что изучение русского языка в учебных заведениях края поставлено все же мало удовлетворительно и ученики не овладевают

¹ ЦГА СССР, ф. 733, оп. 193, ед.хр.187, лл.80 об. - 81 об.

² В проекте этих гимназий предусматривалось, между прочим, и преподавание местных - латышского и эстонского - языков в качестве факультативных (ЦГА СССР, ф. 733, оп.193, ед.хр.187, лл.90-90 об., 95-95 об.). Идея создания русских гимназий в крае, по-видимому, принадлежала С.Н. Шафранову (см. его "Записку", там же, лл.300-307). Одним из важных аргументов в ее пользу была необходимость подготовки на месте чиновников, владеющих русским языком.

языком практически, не в состоянии разговаривать на нем и не понимают порою даже простых вопросов, хотя и знают грамматику (подробнее об этом у нас еще пойдет речь ниже).

В заключение Могилянский изложил свои соображения о "мерах, предлагаемых для усиления успехов в русском языке". Он выступил против плана Шувалова, считая, что его проект может только дискредитировать дело русского образования в Прибалтике и что таким образом все равно нельзя воспрепятствовать онемечению коренного населения края, представители которого в гимназии почти не поступают. По мнению Могилянского, внимание надо обратить прежде всего на сельские школы, где русский язык вовсе не преподается: "В них для того, чтобы извлечь эстов и латышей из невежества и предупредить их онемечение, должно бы преподавать русскую грамоту, — конечно, это потребует немало усилий и денежных средств, но они не будут потеряны, если таким образом удастся прикрепить к русской семье более полутора миллиона туземного населения. Цель эта заслуживает того, чтобы для достижения ее были приняты соответственные меры".¹

Что касается гимназий и уездных училищ, то тут М.М.Могилянский предлагал:

1) Увеличить количество часов на русский язык, отделив от него преподавание русской истории (оно должно было по-прежнему вестись по-русски, но в качестве самостоятельной дисциплины).

2) Ввести также преподавание всеобщей истории на русском языке.

3) Несколько изменить методику преподавания русского языка, усилив роль выразительного чтения и обратив особое внимание на "образцовые произведения" русских классиков, прежде всего на стихи. В обучении русскому языку надо добиться более тесной связи теории с практикой.

4) Улучшить состав преподавателей русского языка и истории, назначая их преимущественно из числа "природных русских". Остзейских же уроженцев, желающих стать преподава-

¹ М.М. М о г и л я н с к и й. Цит. соч., стр. 58-59.

телями этих предметов, отправлять на один или два года для усовершенствования в языке в Россию.

5) Завести в гимназиях и уездных училищах постоянные русские библиотеки.

6) В трех или четырех низших классах местных учебных заведений создать параллельные отделения для лучшего изучения русского языка; для этого ввести в них дополнительно еще одну должность учителя русского языка.

7) Назначать русских на посты директоров и инспекторов гимназий.

8) Регулярно проводить проверку преподавания русского языка в учебных заведениях края; для этой цели использовать профессора русского языка и словесности Дерптского университета.

9) Назначить специального помощника попечителя округа (из русских) для наблюдения за преподаванием русского языка.¹

А.Кейзерлинг, естественно, выступил против большинства предложений М.М. Могилянского, вместе с тем, соглашаясь на некоторое увеличение числа часов на русский язык, на организацию параллельных классов и усиление контроля за преподаванием русского языка.² Прибалтийский генерал-губернатор счел предложения Могилянского "несущественными", продолжая настаивать на организации русских гимназий в крае.³ Единственным, кто поддержал Могилянского, был архиепископ Платон, не возражавший, впрочем, и против идеи организации русской гимназии в Риге. Архиепископ Платон пошел даже несколько дальше, требуя преподавания ряда предметов гимна-

¹ М.М. М о г и л я н с к и й . Цит. соч., стр. 61-67.

² <А.К е й з е р л и н г>. Соображения попечителя Дерптского учебного округа по отчету члена Совета Министра Народного Просвещения, тайного советника Могилянского об осмотре учебных заведений Дерптского учебного округа. <Б.г., б.м.>, стр. 26-28.

³ ЦГА СССР, ф. 733, оп. 193, ед.хр.187, лл. 228-243.

этического курса, например, греческого, математики или географии на русском языке; он же рекомендовал сделать русский язык обязательным в женских учебных заведениях Прибалтики и требовать знания русского языка от сдающих экзамен на звание домашней учительницы.¹

Некоторые предложения М.М. Могилянского позже были претворены в жизнь.

А. Кейзерлинг был и против шуваловского проекта и, между прочим, пугал начальство тем, что русские гимназии, при их изолированном положении в Остзейском крае, легко могут сделаться средоточием "вредного направления", до сих пор там "отсутствовавшего".²

Сам А.В. Головинин склонен был в конце концов признать необходимость преподавания в гимназии некоторых предметов на русском языке. Он также считал желательным для привлечения в Прибалтику хороших русских преподавателей назначить им 50 % прибавки к жалованию и, наконец, высказался за учреждение в крае народных училищ для латышей и эстонцев с русским языком преподавания; для управления ими должны были быть созданы особые дирекции, подчиняющиеся попечителю округа.³

Последний пункт предположений Головинина сомкнулся с еще одним сложным вопросом: сельские народные школы не находились в ведении министерства народного просвещения, которое, таким образом, лишено было возможности оказывать на них какое-либо влияние, в частности в деле преподавания русского языка.

В связи с неоднократно выразившимися опасениями, что сельские народные школы, руководимые немецкими помещиками и местной лютеранской церковью, являются рассадниками германизации эстонцев и латышей, в середине 1860-х гг. встал вопрос об их подчинении министерству. 9 апреля 1866 г.

¹ ЦГА СССР, ф. 733; оп. 193, ед.хр. 187, лл. 272-290.

² Там же, л. 309 об.

³ С.В. Рождественский. Цит. соч., стр. 475.

А.В. Головин писал о желательности этого министру внутренних дел. В декабре того же года новый министр народного просвещения Д.А. Толстой запросил об этом мнение остзейского генерал-губернатора.

Но генерал-губернатор П.П. Альбединский, по-видимому, уже тогда выступил против подчинения сельских школ министерству народного просвещения. В своей более поздней записке он указывал, что местное рыцарство в случае подчинения школ министерству решило отказаться от какой-либо их поддержки. Без финансовой же поддержки помещиков школы существовать не могут. К тому же без участия помещиков и пасторов будет невозможен какой-либо контроль над сельскими учебными заведениями. Генерал-губернатор рекомендовал обратить внимание на православные народные школы.¹ Вопрос о подчинении лютеранских народных школ Прибалтики министерству народного просвещения неоднократно вставал и в дальнейшем, но каждый раз финансовые соображения (необходимость для казны выделить большие средства на содержание этих школ), как и трудности эффективного надзора над ними без участия помещиков, оказывались непреодолимым препятствием для его претворения в жизнь.²

Д.А. Толстой в представлении Комитету министров от 7 марта 1867 г., подводящем итог обсуждению данного вопроса, вынужден был вообще отказаться от каких-либо требований относительно народных школ. Он по-прежнему считал нецелесообразным организацию русских гимназий в Прибалтике и со своей стороны рекомендовал лишь: 1) организовать при каждом из 4 низших классов прибалтийских гимназий параллельные русские классы и соответственно увеличить число учителей русского языка в каждой гимназии; 2) определить учителя русского языка в Дерптскую учительскую семинарию и утвердить в ней

¹ Lembit A n d r e s e n. Eesti rahvakooli arenguhooni 19. sajandil. Tallinn, 1971, lk. 12-15.

² См. Helmut S p e e r. Das Bauernschulwesen im Gouvernement Estland vom Ende des achtzehnten Jahrhunderts bis zur Russifizierung. Tartu, 1936, S. 298 ff.

4 стипендии исключительно для русских уроженцев; 3) создать специальную комиссию из преподавателей округа для составления программы и инструкции по преподаванию русского языка; 4) с августа 1868 г. ввести в виде опыта в одной из гимназий преподавание всеобщей истории на русском языке.¹ Эти куцые предложения министра не включали даже того, с чем соглашался проостзейски настроенный А.Кейзерлинг, в частности, увеличения числа часов на русский язык. Забегая вперед, заметим, что и попытка преподавать всеобщую историю на русском языке закончилась неудачей.

Комитет министров, обсуждавший на своем заседании 9 мая 1867 г. записку министра народного просвещения, с одной стороны, решил, исходя из нужд подготовки русских чиновников для края, присоединиться к мнению Шувалова и сменившего его на посту генерал-губернатора Альбединского и санкционировал организацию русской классической гимназии в Риге (она получила название "Александровской"); с другой же стороны, Комитет министров утвердил и предложения Д.А.Толстого, впрочем, поручив ему "изыскать еще и другие средства, ведущие к успешнейшему и скорейшему достижению указанной цели".² 13 июня 1867 г. Александр II утвердил это решение Комитета министров.³

Для претворения его в жизнь и для изыскания новых мер по усилению изучения русского языка в Прибалтику был командирован чиновник министерства народного просвещения А.Тихомандрицкий, который с июля по октябрь 1867 г. побывал во всех основных городах Остзейского края и принял участие в работе Комиссии по пересмотру и исправлению программ по русскому языку. А.Тихомандрицкий пришел к выводам, весьма близким к тем, к которым за два года до него пришел и М.Могилянский. Он отметил, что дальнейшие успехи изучения русского языка в Остзейских губерниях зависят, главным об-

¹ ЦГА СССР, ф. 733, оп. 193, ед.хр. 187, лл. 383-386.

² ЦГА СССР, ф. 1263, оп. I, ед.хр. 3271, лл. 126-127.

³ ЦГА СССР, ф. 733, оп. 193, ед.хр. 187, л. 392-392 об.

разом, от факторов общественно-политических, в частности от той линии, которой будут придерживаться в крае власти, правительство. Он предлагал ввести русский язык в качестве обязательного предмета преподавания в сельские школы и назначить специального инспектора из числа образованных эстонцев и латышей для наблюдения и руководства этими школами. А. Тихомандрицкий вслед за архиепископом Платоном считал необходимым сделать русский язык обязательным предметом в женских учебных заведениях и требовать его знания от желающих стать гувернантками или домашними учительницами. Он предлагал также установить более тесную связь учителей русского языка в гимназиях и уездных училищах между собой, устраивать общеприбалтийские съезды или совещания преподавателей этого предмета, отделить русскую историю от русского языка и преподавать ее в качестве отдельной дисциплины. По мнению А. Тихомандрицкого, все выпускники Дерптского университета, желающие стать учителями, должны прочесть пробную лекцию на русском языке; в университете надо ввести преподавание ряда дисциплин по-русски и т. д.¹ А. Кейзерлинг, конечно, вновь выступил против всех предложений А. Тихомандрицкого, которым, судя по всему, так и не был дан ход.

Вопрос о дополнительных мерах по усилению преподавания русского языка в Остзейском крае, таким образом, остался висеть в воздухе. Между тем, он некоторое время еще продолжал быть актуальным. Согласно "высочайшему повелению" от 21 октября 1869 г., все казенные учебные заведения Дерптского округа обязаны были вести официальную переписку с другими государственными учреждениями на русском языке. Им же было подтверждено старое "повеление" 1836 г. "об определении в должности директоров и инспекторов гимназий и прогимназий, а равно и смотрителей уездных училищ, лиц, которые, при требуемых для того качествах и способностях, будут основательно знать русский язык".²

¹ ЦГА СССР, ф. 733, оп. 193, ед. хр. 187, лл. 420-437 об.

² Сборник постановлений по МНП. Т. IV. СПб., 1871, стлб. 1422-1423.

Д.А. Толстой, перечислив во "Всеподданнейшем отчете министра народного просвещения за 1869 год" все меры, предпринятые за последние два года для усиления преподавания русского языка, тем не менее, вынужден был признать, что "успехи в русском языке в гимназиях Дерптского округа не могут быть признаны удовлетворительными и в настоящее время стоят даже на низшей степени против той, на которой они поставлены были лет двадцать тому назад, когда гимназисты, окончивающие курс, без затруднения читали и понимали все произведения новейшей русской литературы в прозе и в стихах, писали грамматически большую часть верно и отчетливо и изъяснялись устно без особых усилий. Теперь же состоящие на выпуске воспитанники гимназий только за немногими исключениями в состоянии понять и передать по-немецки предлагаемый им русский текст, хотя бы он был заимствован из обыкновенной повествовательной прозы, почти совсем незнакомы с содержанием известнейших произведений русской словесности и пишут неправильно и с грубыми ошибками".¹

Трудно сказать, насколько был прав Д.А. Толстой в своей апологетике "доброе старое время"; но современное положение он характеризовал, видимо, верно. Понижение уровня знаний по русскому языку и словесности выпускниками остзейских гимназий Д.А. Толстой объяснял антирусскими настроениями в среде балтов, равнодушием к русскому языку директоров гимназий и неудовлетворительным составом учителей этого предмета, как правило, лиц немецкого происхождения, недостаточно владевших русским языком. Впрочем, в этом отношении, как считал министр, уже приняты действительные меры, в частности слабые учителя из числа остзейцев заменены лицами русского происхождения или немцами родом из внутренних губерний.

"Успехи в русском языке, — продолжал далее министр, — более или менее удовлетворительны только в начальных училищах; в уездных же училищах большую часть русский язык

¹ Извлечение из всеподданнейшего отчета Министра Народного Просвещения за 1869 год. СПб., 1871, стр. 30.

идет плохо".¹ В этом Д.А. Толстой опять обвиняет учителей-немцев.

Особенно печально положение в частных женских учебных заведениях, где обучение русскому языку вообще не считается обязательным и ведется крайне плохо, тем более, что преподаватели сами не знают этого языка. Министр считал необходимым сделать русский язык обязательным и в женских училищах.

Столь неудовлетворительное состояние преподавания русского языка, естественно, требовало мер по его улучшению.

В октябре 1869 г. свои предложения об усилении преподавания русского языка внес И.Николич, помощник попечителя Дерптского учебного округа, специально отвечавший за этот предмет.² Они же легли в основу специального плана дополнительных мер по усилению преподавания русского языка, представленного новым попечителем Дерптского учебного округа П.К. Жерве министру 14 мая 1870 г.³ Этот план предусматривал: 1) Определять учителями русского языка в будущем лишь природных русских или же немцев, выросших и получивших образование во внутренних губерниях России. 2) Не переводить учеников из класса в класс при оценке ниже "удовлетворительно" (3 1/2) и не подвергать таких учеников переэкзаменовке; отменить оценки I^a и I^b на экзамене по русскому языку на аттестат зрелости, поскольку последняя оценка является лазейкой для незнающих его; не выдержавшим экзамена по русскому языку не допускать переэкзаменовки ранее, чем через год, и только по всем предметам. 3) Сделать русский язык обязательным в женских учебных заведениях. 4) Для получения пра-

¹Извлечение из всеподданнейшего отчета Министра Народного Просвещения за 1869 год. СПб., 1871, стр. 48.

²См. Временная инструкция об обязанностях помощника попечителя Дерптского учебного округа по вверенной ему части управления, утвержденная 28 декабря 1868 года. - Сборник распоряжений по МШ. Т. IV. СПб., 1874, стлб. 674-678.

³В 1869 г. А. Кейзерлинг из-за противодействия мерам, принимавшимся министерством в отношении учебного дела в Прибалтике, вынужден был выйти в отставку с поста попечителя (см.: К.К. Жерве. Воспоминания. - "Исторический вестник", 1898, ноябрь, стр. 484).

ва на открытие частного училища требовать от лиц, ищущих такого права, познаний в русском языке по программе уездного училища. 5) Требовать хотя бы элементарного знания русского языка (в объеме программы второго класса уездных училищ) от лиц, экзаменуемых на домашнего учителя или учительницы. 6) Все экзаменуемые на звание учителей уездных училищ и гимназий должны дать один пробный урок на русском языке. 7) Русскую историю сделать самостоятельным предметом преподавания с отдельным экзаменом.¹ 8) Ввести в университете преподавание некоторых предметов на русском языке.²

В этом проекте были учтены также предложения М.Могилянско-го, А.Тихомандрицкого и архиепископа Платона. Однако на полях плана П.К. Жерве видна пометка, по всей вероятности, принадлежащая министру: " В настоящее время нет никакой возможности давать ход этим предположениям".³

В чем тут дело? В чем причина этого, на первый взгляд, странного решения: министр только что признал совершенно неудовлетворительным положение с русским языком и тут же неожиданно отказывается от каких-либо дополнительных мер по усилению его преподавания?

Здесь необходимо учесть энергичное сопротивление и контр-действия остзейцев. Балты с крайним возмущением встретили даже очень умеренные меры по усилению роли русского языка в крае, принятые во второй половине 1860-х гг. Остзейские публицисты в заграничной печати прямо называли их варварством и тиранией. " Навязывание русского языка наполняет сердца учащейся немецкой молодежи, сознающей свое превосходство над русскими, глубочайшей к ним ненавистью", - патетически восклицал В.Бок.⁴ Даже в подцензурной пе-

¹ Включение в проект этого пункта вызывает некоторое удивление: как показывают ежегодные печатные отчеты о деятельности отдельных прибалтийских гимназий, русская история была сделана самостоятельным предметом гимназического курса и отделена от русского языка еще в 1868 г.

² ЦГИА СССР, ф.733, оп. 193, ед.хр. 187, лл. 498-504.

³ Там же, л. 498.

⁴ "Livländische Beiträge". Bd.I.Zweiter Beitrag. Berlin, 1867, S.259 [Beilage G].

мецкой прессе в Прибалтике поднялся столь большой шум ("Нарушение всех прав остзейских провинций", "акт преследования немецкого языка" и т.д.), приобретший к тому же откровенный антиправительственный характер, что Главное управление по делам печати решило запретить всякую критику в прибалтийских газетах правительственных распоряжений, касавшихся русского языка.¹ Особое возмущение остзейцев вызвало введение русского языка в официальное делопроизводство.

В конце 1869 г. лифляндское, а затем и эстляндское дворянство решило выступить с демаршем перед императором. В мемориале лифляндского дворянства, относящемся к началу 1870 г., в числе прочего, указывалось и на "незаконные" попытки "русификации" прибалтийской школы. В частности, лифляндское дворянство обращало внимание на то, что за последние десятилетия количество уроков русского языка резко возросло и сейчас занимает почти 1/5 часть общего числа уроков, что крайне отрицательно сказывается на всем учебном процессе, на усвоении учащимися других дисциплин да и не способствует изучению русского языка. Вину за слабые успехи остзейских учащихся в овладении русским языком мемориал лифляндского дворянства возлагал на учителей этого предмета. В заявлении лифляндского рыцарства опротестовывались и другие распоряжения министра народного просвещения.² С аналогичным обращением к императору в марте 1870 г. выступило и эстляндское дворянство.³ Правда, эти акты не привели прямо к отмене распоряжений начальства и вызвали неудовольствие императора (депутация лифляндского дворянства не осмелилась даже официально передать свой мемориал Александру П⁴), но, без сомнения, они оказали влияние на дальнейшее

¹ См. Материалы для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати. Ч. II. СПб., 1870, стр. 247.

² "Livländische Beiträge". Neue Folge. Bd. I, N.V, Leipzig, 1871, S. 268-271.

³ Там же, стр. 318-321.

⁴ См. Alexander v. T o b i e n. Die livländische Ritterschaft in ihrem Verhältnis zum Zarismus und russischen Nationalismus. Riga, 1925, S. 365-373.

развитие правительственной политики в отношении Прибалтийского края, тем более, что Александр II всегда склонялся на сторону столь любимых им остзейцев. С 1870/71 г. вообще заметно некоторое изменение этой политики. Д.Ф. Самарин так характеризовал его в 1871 г.: "Всемирно известно, что именно в последнее время управление Балтийским краем в значительной степени упростилось и, так сказать, сузилось преднамеренным устранением или отсрочкой на неопределенный период всех крупных задач, недавно еще стоявших на ближайшей очереди. Твердой инициативы со стороны правительства не видно ни в чем, и теперешняя его программа действий (буде таковая имеется), по-видимому, заключается в систематическом воздержании от всякого серьезного действия".¹

В высших столичных кругах восторжествовал взгляд, нашедший выражение в записке П.А. Валуева "Балтийский вопрос с правительственной точки зрения",² намечавшей программу на будущее. В записке высказывалось мнение, что для остзейцев необходима полная свобода немецкого языка при широком распространении русского среди латышей и эстонцев. Автор записки исходил из того, что от остзейцев для русской государственности нет никакой опасности; единственная реальная опасность — возможное онемечение коренного населения, создание компактного немецкого большинства в крае. Именно последнему надо противиться, и лучшее средство для этого — широкое распространение русского языка среди эстонцев и латышей. Надо ввести русский язык уже в систему первоначального образования, в систему эстонских и латышских народных школ. Для этого необходимо: 1) организовать русские учительские семинарии вместо ныне существующих немецких; 2) ввести преподавание русского языка в народных школах при полном исключении немецкого; 3) за пасторами оставить только закон божий; 4) создать инспекцию министерства народного просвещения, следящую за преподаванием русского языка; 5) доставить средства латышам и эстонцам продолжать свое обра-

¹ Д. Самарин. Окраины России. Вып. III. Берлин, 1871, стр. V.

² ЦГА СССР, ф.908, оп.2, ед.хр.45, ч.II, лл.125-176 об.

зование - среднее и высшее - на русском языке; отсюда необходимость организации русских гимназий в крае (это лучше, чем введение русского языка преподавания в немецких гимназиях) и системы стипендий в Петербургском университете.

Русский язык как официальный должен быть введен в административные и судебные учреждения края. Но, как утверждал П.А. Валуев, надо категорически отказаться от каких-либо насильственных мер по утверждению русского языка среди немцев. Он должен быть обязателен не для всех немцев, а только для тех, кто состоит на русской службе. Итак, мы видим здесь очень мягкое отношение к остзейцам при сравнительно жесткой политике русификации по отношению к коренному населению края.¹

Последнее находит прямую параллель в некоторых других правительственных документах той поры. Ко 2 февраля 1870 г. относится официальное предписание министерства народного просвещения "О мерах к образованию населяющих Россию инородцев."² Оно, правда, не касалось Прибалтийского края, но очень важно по исходным руководящим установкам: в этом документе получает развитие мысль, что надо использовать школу для обрусения инородцев.³ "Конечно, целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть обрусение их и слияние с русским народом", - утверждалось в нем.⁴ В этом документе излагалось 2 точки зрения на то, как можно сблизить национальные меньшинства с Россией: 1) обучение должно быть на языке инород-

¹См.: С.Г. И с а к о в. Остзейский вопрос в русской печати 1860-х годов, стр. 180.

²Сборник распоряжений по МНП. Т. IV, стлб. 828-846.

³Эта мысль, собственно, была не нова. Еще в докладе министра народного просвещения А.С. Норова Александру II 5 марта 1856 г. цель политики министерства определялась как "слияние всех местных и провинциальных патриотизмов и влечений", "сближение умов, племен и сословий единством внутренних начал, которые зависят от одного общего плана воспитания и от одной системы управления в сфере народного образования" (С.В. Р о ж д е с т в е н с к и й. Цит. соч., стр. 380). Но в первые годы царствования Александра II эти декларации не имели особых практических последствий.

⁴Сборник распоряжений по МНП. Т. IV, стлб. 835.

цев и религиозным по своему характеру, не с широким преподаванием русского языка; 2) для инородцев необходимы школы, где все предметы преподаются по-русски. Пока что министерство признало желательным первый путь (за исключением тех местностей, где имеется смешанное русско-инородческое население и инородцы уже знакомы с русским языком).

Всем этим нетрудно объяснить и правительственную политику в отношении русского языка в системе учебных заведений Прибалтики в 1870-е гг. После весьма скромных мер, принятых в 1867-69 гг., никаких новых шагов по усилению преподавания русского языка в немецких гимназиях, уездных и элементарных училищах Остзейского края фактически уже больше не предпринималось. Нельзя при этом не отметить, что Д.А. Толстому, откровенному реакционеру, ярому стороннику классических гимназий, в которых первенствующая роль отводилась древним языкам, была близка система классического образования, принятая в средних учебных заведениях Остзейского края, и он не склонен был поэтому кардинально ее изменять.¹

В 1868-71 гг. в Риге и в Таллине были, правда, открыты русские мужские гимназии, а в Риге (позже и в Таллине) также и женская, но в них обучались преимущественно дети местных русских, и поэтому их значение в истории местного образования в рассматриваемый нами период невелико. Следует лишь отметить, что в этих мужских гимназиях, действовавших по общероссийскому уставу, все же было назначено на русский язык и словесность большее число уроков, чем в гимназиях внутренней России. Это было сделано в интересах обучения ему немцев, латышей и эстонцев. С этой же целью в гимназиях был предусмотрен и специальный подготовительный класс.² Кроме того, в 1873 г. две русские начальные школы в Таллине были преобразованы в трехклассное городское училище с рус-

¹ Мы не касаемся здесь более широкого и сложного вопроса, каково было отношение Д.А. Толстого к Особому остзейскому режиму вообще и к балтам на ниве народного просвещения, в частности. Любопытные факты об этом приводит Е.М. Фескитов (см. М.М. Д у х а н о в. Остзейцы. Явь и вымысел. Рига, 1970, стр. 26).

² См.: Об учреждении в г. Ревеле гимназии. - Сборник постановлений по МНП. Т. У. СПб., 1877, столб. 186, 187. Ср. там же, столб. 1726-1741.

ским языком преподавания, а в 1877 г. Тартуская русская начальная школа - в четырехклассное городское училище. В этих учебных заведениях с русским языком преподавания, в основном, также занимались дети местных русских, но известный контингент учащихся составляли и представители других национальностей, в частности эстонцы.

Хотя политику министерства народного просвещения в отношении Прибалтийского края в 1870-е гг. можно охарактеризовать как проостзейскую, тем не менее, балты в эти годы неоднократно выражали недовольство положением, которое занимал русский язык в учебном процессе.¹ Антирусские настроения, господствовавшие в прибалтийском немецком обществе в 1860-80-е гг., как и ранее, были основной причиной слабых успехов учеников остзейских гимназий и уездных училищ в русском языке. Эти настроения, поддерживаемые средой, общественным мнением, родителями и даже большинством учителей, оказывали сильнейшее влияние на отношение учеников к предмету. А. Штримпель, учившийся в Тартуской гимназии в 1863-69 гг., вспоминал: "В число основных воззрений школьников уже младших классов входило, что уроки русского языка предназначены не для учения, а для всевозможных бесчинств, какие только можно было придумать".² Он же отмечает, что "даже пугавшее всех испытание по русскому языку <на выпускных экзаменах - С.И.> с помощью дружески настроенного правительственного уполномоченного прошло хорошо".³

Отношение учащихся к русскому языку, трудное положение

¹ См., например, требование уменьшить число уроков русского языка в гимназиях в брошюре директора Пярнуской гимназии Х. Ливена (Hugo L i e v e n .Die Revision des Lehrplanes der Gymnasien des Dorpater Lehrbezirks nach ihren allgemeinen Gesichtspunkten erörtert. Riga, 1880, S.14-15).

² Adolf S t r ü m p e l l . Aus dem Leben eines deutschen Klinikers. Erinnerungen und Beobachtungsa. Leipzig, 1925, S. 17. Ср. в воспоминаниях О. Гриневальда, учившегося в конце 1870-х - начале 1880-х гг. в Домском училище в Таллине: на уроках русского языка "мы занимались всем чем угодно, только не русским языком, литературой или историей" (Otto von G r ü n e w a l d .t. Kindheitsparadies und Domschule. Reval, 1928; S.127).

³ A. S t r ü m p e l l . Op. cit., S.18.

учителя этого предмета в местных учебных заведениях привлекло к себе даже внимание канцарского ведомства. 1 ноября 1877 г. III отделение по приказанию Александра II передало в министерство народного просвещения агентурное донесение следующего содержания: "Из Дерпта сообщают, что положение тамошних русских учителей весьма плачевно в отношении сослуживцев и занятий. Ученики смотрят на русского учителя весьма недружелюбно, стараются делать ему всевозможные неприятности, крайне неохотно учатся русскому языку и в 7-м классе не знают русских склонений".¹

Все это происходило при попустительстве местного учебного начальства, особенно заметном в 1880-83 гг., когда попечителем Дерптского учебного округа был А. Штакельберг. С устной санкции попечителя в некоторых гимназиях преподавание русской истории стало вестись на немецком языке. Начальство, как и в прежние годы, смотрело сквозь пальцы на всяческие " послабления " по части русского языка. В женских учебных заведениях он вообще считался необязательным, и многие ученицы освобождались от его изучения по ... состоянию здоровья.²

Нет ничего удивительного, что в 1882 г. ревизия сенатора Н. А. Манасейна вновь констатировала крайне слабое знание русского языка выпускниками прибалтийских учебных заведений и неудачу всех прежних мер, предпринятых с целью усиления его роли в учебном процессе. В отчете о ревизии указывалось: " В последнее время правительство предпринимало также различные меры, направленные к усилению преподавания русского языка в прибалтийских учебных заведениях, но, к сожалению, большинство таких мер не принесло ожидаемых от них плодов, частью по неумелости или нежеланию местных

¹ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 200, 1875 г., ед. хр. 16, л. 1.

² Сторонний наблюдатель. Характеристика прибалтийской школы. Корреспонденция из Дерпта. - "Русь", 15. УП 1884, № 14, стр. 25-30.

исполнителей, частью вследствие пассивного противодействия со стороны высших немецких классов, а также в известной степени еще и потому, что, при различных взглядах на коренные вопросы народного образования, однозначные меры проводились без достаточных последовательности и настойчивости и многие благие распоряжения преждевременно отменялись, не успев принести надлежащей пользы".¹

Н.А. Манасеин здесь не прав лишь в одном: балты оказывали не только "пассивное противодействие", но нередко и активное сопротивление мерам по усилению роли русского языка в учебных заведениях края и в учреждениях. В значительной мере именно благодаря их противодействию оказались невыполненными многие предписания высшего учебного начальства в 1870-е гг. относительно введения русского языка в сельские начальные школы, улучшения положения православных училищ и т.д.

Как мы выше отмечали, новая политическая линия министерства народного просвещения 1870-х гг. предусматривала прежде всего усиление роли русского языка в народных школах, предназначенных для эстонцев и латышей. В первую очередь, внимание учебного начальства было обращено на православные школы, влачившие крайне жалкое существование. В 1868-69 гг. для них было исходатайствовано пособие от казны. В 1869 г. был учрежден Совет по делам православных сельских народных школ для наблюдения за ними и оказания им необходимой помощи; он возглавлялся генерал-губернатором. В 1870 г. были утверждены новые "Правила для православных сельских народных училищ Прибалтийских губерний".² В том же году открылась русскоязычная Прибалтийская учительская семинария в Риге, готовившая учителей, главным образом, для православных приходских школ.³ В ней до 1880 г. получило образова-

¹ Manaseina revizija. Rīgā, 1949, 180-181. lpp.

² Сборник распоряжений по МНП. Т. IV, стр. 817-827.

³ О ней см.: Baltijas skolotāju seminārs. 1870-1919. Rīgā, 1940.

ние и 47 эстонцев, преимущественно с Сааремаа. С 1 июля 1873 г. православные школы были подчинены министерству народного просвещения.¹ В 1874 г. была утверждена "Инструкция учителям православных сельских народных училищ Дерптского учебного округа" и определен объем преподавания в них отдельных предметов. Всеми этими актами, о которых у нас подробнее пойдет речь ниже, была заложена, по крайней мере, твердая юридическая и финансовая основа существования православных школ, в программе которых большое место занимал и русский язык.

В 1872-74 гг. при обсуждении в Комитете министров ежегодных отчетов ливляндского и эстляндского губернаторов было обращено особое внимание на положение русского языка в народной школе. В 1874-75 гг. были утверждены положения о сельских евангелическо-лютеранских народных школах Ливляндской, Курляндской и Эстляндской губерний, в соответствии с которыми в них было предусмотрено и преподавание русского языка² (правда, "повеление" императора от 25 апреля 1875 г. о создании общего единообразного "Положения о евангелическо-лютеранских школах Прибалтийского края" выполнено не было). Эти меры в значительной степени были вызваны тем, что в высших правительственных сферах в середине 1870-х гг. был поднят вопрос о применении и к Прибалтийским губерниям закона о всеобщей воинской повинности. В 1878 г. в Тарту была создана новая учительская семинария с русским языком обучения. От губернаторов с 1879 г. стали требовать отчетов о том, как идет преподавание русского языка в сельских школах. Однако из-за отсутствия подготовленных учителей и учебников, а также из-за противодействия местных властей, помещиков и пасторов дело продвигалось вперед крайне медленно, несмотря на то, что коренное население края - эстонцы и латыши - всячески поддерживали введение русского языка в число учебных предметов народных школ, требовали расширения

¹ Сборник постановлений по МНП. Т.У, стр.б. 1859-1883.

² См.: L. A n d r e e n. Eesti rahvakoollide seadused XIX saj. Tallinn, 1966, lk. 35, 38, 93, 95.

его преподавания.

На этом явлении следует остановиться подробнее, ибо оно в высшей степени характерно для Эстонии и Латвии 1860-1880-х гг.

Основными врагами эстонцев и латышей на протяжении многих веков были прибалтийские немцы и утверждённый ими Особый остзейский режим, отдававший всю власть в крае в руки немецких баронов, бюргеров и лютеранского духовенства. В борьбе с остзейцами эстонцы и латыши с давних пор искали поддержки у русских. Русская "внешнеполитическая ориентация" уже с XVIII в. характерна для коренного населения края.¹ Она стала одним из основных моментов в программе, тактических и стратегических установках буржуазно-демократического крыла эстонского национального движения,² сформировавшегося в 1860-е гг. и достигшего кульминации к началу 1880-х гг. Эстонские радикалы во главе с К.Р.Якобсоном и Й.Кёлером сознательно ориентировались в своей борьбе на Россию и русских, видели в них своих союзников, требовали сближения с Россией. Одним из важнейших пунктов их программы стало также требование введения преподавания русского языка в народные школы. Оно вошло уже в один из первых программных документов эстонского национального движения - в петицию эстонских крестьян императору 1864 г. В § 12 петиции была изложена просьба: "Дабы для вящего преуспевания и увеличения числа наших сельских школ, заведения эти приняты были под непосредственное ведение министерства народного просвещения, причем желательно, чтобы в оных преподаваем был также русский язык, знакомство с которым облегчало бы торговые и другие сношения наши с внутренними губерниями, а рекрутам

¹ См. об этом: Hans Kr u u s. Eesti talurahva "välispoliitilisest orientatsioonist". - "Ajalooline Ajakiri", 1928, nr. 1, lk. 1-20.

² См. об этом: H. Kr u u s. Eesti rahvuslik liikumine 1860-80-ndail aastail Venele lähenemist taotlemas. - Rmts.: H. Kr u u s. Eesti ajaloost XIX sajandi teisel poolel. Tallinn, 1957, lk. 244-267; E. J a n s e n. Rahvusliku liikumise demokraatlik suund taotlemas Eesti tihedamat liitumist Venemaaga. - Rmts.: Eesti ühendamisest Venemaaga ja selle ajaloolisest tähtsusest. Tallinn, 1960, lk. 204-230.

из этов - изучение военной службы; кроме того, оно дало бы нам возможность искать себе работы или места вне родины".¹ Здесь, как мы видим, приведена и аргументация в пользу преподавания русского языка, которая будет повторяться во многих выступлениях и газетных статьях.

Указанное требование вошло и в другие, более поздние программные документы эстонского национального движения: в петицию эстонских депутатов Александру III 19 июня 1881 г.,² в петицию эстонских обществ и ряда волостей Вильяндиского и Тартуского уездов в 1882 г. сенатору Н.А. Манасину³ и т.д.

Это требование многократно высказывалось и в эстонской прессе,⁴ оно звучало в устных выступлениях на всевозможных собраниях и вечерах.⁵ Вяйке-Маарьяский пастор, жалуясь в 1874 г. на равнодушные крестьян к образованию, замечал, что многие родители хотели бы отдать детей в школу только для того, чтобы они выучились русскому языку.⁶

Среди тех, кто выступал за введение русского языка в число предметов преподавания в эстонской народной школе, был и основоположник эстонской национальной литературы, ее виднейший классик Ф.Р. Крейцвальд. К этому вопросу он возвращался неоднократно и неизменно доказывал, что обучение

¹ "Русская старина", 1899. т. 100, декабрь, стр. 664. В 1866 г. в статье, посвященной эстонской школе, это же пожелание высказал вождь национального движения К.Р. Якобсон (см. С.Р. J < a k o b s o n > . Meie külla ja kihelkonna kolid (Veel üks sõnna keigile meistlikkuile). - "Eesti Postimees" 1.VI 1866, nr. 22, lk. 173).

² Venestamise tulekul. Mälestused ja dokumendid [Eesti Ajaloo Arhiiv. Nr. 2. Korraldanud A. Kruusberg]. Tartu, 1922, lk. 44.

³ Hans K r u u s. Eesti ajaloo lugemik. III. Tartu 1929, lk. 294-295.

⁴ Из многочисленных статей на эту тему отметим хотя бы: R < e i n v a l d ? > . Sakala maalt: Rahva koolid kroonu alla. - "Tartu Eesti Seitung" 19.I 1880, nr. 3.

⁵ См., напр. Vene keele kätteõpimiseks (13 juunil 1878 a. pidanud koolipoiss A. Veisberg). - "Valguse Lisaleht" 29.I 1881, nr. 7.

⁶ Väike-Maarja kihelkonnakool, praegune algkool. 1873-1923. < Rakvere 1923 > , lk. 8.

русскому языку — насущнейшая необходимость для эстонцев,¹ хотя в то же время всегда выступал против того, чтобы русский стал языком преподавания всех предметов в эстонской школе.²

Все эти выступления с требованием ввести русский язык в число изучаемых в народной школе предметов вызвали большие опасения у остзейцев и резкий отпор с их стороны, в особенности со стороны немецких пасторов. Это связано и с изменением тактики остзейцев в борьбе с "русским началом". До середины 1860-х гг. балты особенно не стремились распространять немецкий язык среди коренного населения края и сближаться с ним. Считалось необходимым поддерживать солидную дистанцию во всем, в том числе и в языке и степени образования, между привилегированными сословиями края — немцами и бесправной крестьянской массой — эстонцами и латышами. Но страх перед русификацией, опасность ликвидации Особого остзейского режима заставили балтов изменить свою тактику и "культурную политику". Они теперь начинают выступать за германизацию, онемечение коренного населения края с тем, чтобы создать в Прибалтике монолитное немецкое большинство, способное успешно противостоять "русским началам". Это изменение в тактике остзейцев ярко проявилось в выступлении лифляндского суперинтендента Ф. Вальтера на открытии ландтага в 1864 г., в котором он выдвинул лозунг онемечения "туземцев". В распространении русского языка среди коренного населения края остзейцы, естественно, увидели опасность для своих планов, тем более, что их вообще пугало всякое сближение эстонцев и латышей с русскими: оно означало, что "туземцы" уходят из-под их влияния, в изоляции же края и его населения от России и русских они видели залог дальнейшего существования Особого остзейского режима. Пасторы к тому же еще

¹ См. Ф. Р. Крейцвальд. Избранные письма. Таллин, 1953, стр. 138, 149, 195, 201, 208-209. В письме к эстонскому обществу "Калевипоэг" в Раквере от 20.X 1878 г. Ф. Р. Крейцвальд писал: "Русский язык необходим нашим детям, как хлеб насущный" (там же, стр. 208).

² См. Fr. R. Kreutzwaldi kirjavahetus. IV. Tallinn 1959, lk. 215.

боялись, что русский язык принесет с собой и православие. Всё это и привело к тому, что остзейцы и их представители в органах местной власти повели решительную, хотя и скрытую борьбу против введения русского языка в народные школы и вообще против изучения его эстонцами. Они даже попытались организовать контрпетиции. В 1869 г. в Пыльтсамаа (Оберпалене) пастор и подчиненные ему школьмейстеры убеждали крестьян подписываться под петицией, направленной против введения русского языка в школу и против подчинения народных школ общерусскому министерству народного просвещения. При этом пастор пугал крестьян тем, что введение русского языка поднимет плату за обучение, собираемую с поселян.¹

Пасторы не утверждали в должности учителя лиц, способных преподавать русский язык. Широкий резонанс получила, в частности, история в Талькгофском (Курси) лютеранском приходе, где пастор Тёпфер в 1867 г. обозвал крестьян дураками за то, что они хотят изучать русский язык, и отказался утвердить в должности учителя, избранного крестьянами на сходе, потому что тот знал русский язык и намеревался его преподавать.² Впоследствии выпускники Второй (русскоязычной) Тартуской учительской семинарии часто не могли найти места, потому что пасторы и помещики противились их назначению в школы.³

Показательна в интересующем нас вопросе и история создания эстонского Александровского училища, как известно, сыгравшая очень важную роль в развитии эстонского национального движения. Уже в первоначальном его проекте было предусмотрено и преподавание русского языка. Это сразу же вызвало опасения остзейцев. На обсуждении проекта в апреле 1863 г. в Ученом Эстонском обществе один из ведущих остзейских идеологов проф. К. Ширрен прямо спросил его авторов, не хотят ли

¹ См. Эстонец - крестьянин И.Т. Из Лифляндии. - "Московские ведомости", 15. IV 1869, № 83.

² См. "Рижский вестник", 5. II 1873, № 28; 1. III 1873, № 47; 2. III 1873, № 48; 22. III 1873, № 65.

³ Tartu Õpetajate Seminar. 1828-1928, lk. 72. Cp. стр. 196-201.

они таким образом превратить эстонцев в русских, и тут же добавил, что лучший выход для эстонцев — онемечиться. В представленном начальству летом 1863 г. проекте Александровского училища вновь было предусмотрено преподавание русского языка с тем, чтобы выпускники его могли составлять на нем прошения и вести беседу на повседневные темы. Хотя русский язык предполагалось преподавать в меньшем объеме, чем немецкий, тем не менее, местное немецкое учебное начальство которому проект был выслан на просмотр, выступило за еще большее его ограничение. Оно потребовало исключить из проекта школьной программы письменные упражнения в русском языке. Но авторы проекта продолжали настаивать на своем. Тогда и близко стоявший к делу пастор К. Маурах порекомендовал уменьшить удельный вес русского языка в программе. Пасторы и местное учебное начальство всячески стремились превратить будущую школу в немецкую, где большинство предметов преподавалось бы на немецком языке. Один из вождей эстонского национального движения Й. Кёлер, принявший близко к сердцу идею создания национального училища, решительно выступил против этого и в июне 1865 г. писал Я. Хурту: "Если что-либо нельзя преподавать по-эстонски, то это должно происходить на русском языке, но ни в коем случае нельзя давать немецкому языку большие права, чем русскому". В 1870 г. один из авторов идеи создания Александровской школы Я. Адамсон, защищая его проект, еще раз повторил, что русский язык необходим эстонцам несравнимо больше, чем любой другой язык (кроме, естественно, родного); он не возражал и против преподавания в будущей школе истории и географии России на русском языке, чего требовало министерство народного просвещения.¹

Эстонские училища, в которых уделялось большее внимание преподаванию русского языка, в 1870-е — начале 1880-х гг. подвергались откровенным преследованиям со стороны местных властей и немецкой общественности. В этом отношении показа-

¹ См. об этом: Hans K r u s . Eesti Aleksandrikool. Tartu, 1939, lk. 20-46.

тельна судьба школы общества "Калевипоэг" в Раквере.

Обычные доводы остзейцев против изучения русского языка эстонцами сводились к тому, что русский язык им, в сущности, не нужен: в Остзейских губерниях он неупотребителен; все учебные заведения высшего типа — немецкие, следовательно, если сын крестьянина захочет продолжить образование, то ему важнее знать немецкий язык, нежели русский; ради тех, кому предстоит пойти в солдаты, русский язык также учить не стоит: в армии эстонцы и латыши и без того выучатся всем необходимым командам.¹ Эти доводы были подвергнуты критике и даже высмеяны в статье "О русском языке" известного эстонского писателя Д. Вейценберга,² помещенной в 1874 г. в газете "Ээсти Постимеэс".³ Д. Вейценберг строит свою статью в форме разговора с одним пастором, выступавшим против обучения эстонцев русскому языку. В ответ автор приводит убедительные доводы о необходимости для эстонцев знания государственного языка (это облегчит им военную службу, ведение судебных процессов, общение с русскими в обозах и при переселении) и о желательности именно о б у ч е н и я ему, так как самостоятельно выучить язык трудно. В заключение Д. Вейценберг обращается с призывом к пасторам дать возможность эстонцам учиться русскому языку в школе, постепенно подготовить для этого учителей.

Иногда остзейцы, доказывавшие первостепенную важность изучения немецкого языка, выдвигали и еще один аргумент против русского: немецкая культура несравненно выше русской, на немецком языке созданы великие творения Гёте и Шиллера, между тем как русская литература бедна и неразви-

¹ См. "Рижский вестник", 16. II 1873, № 38 (Письмо в редакцию).

² Д. Вейценберг, многие годы проживавший в Нарве, хорошо владел русским языком (в ту пору это было еще большой редкостью в среде эстонских литераторов) и даже намеревался в 1868 г. вместе с К. Р. Якобсоном составить русско-эстонский словарь.

³ J. W e i t z e n b e r g . Vene keelest. — "Eesti Postimees" 27. XI 1874, nr. 48, lk. 280.

та. Эти аргументы также опровергались в эстонской печати. Х.Р., автор статьи в "Сакала", отвечая остзейцам, писал, что и у русских есть великие мужи, давшие миру образцы величия духа.¹

Подводя итог, можно сказать, что, благодаря нерешительному курсу властей и активности остзейцев, балтам до начала 1880-х гг. удавалось более или менее успешно сдерживать распространение русского языка в учебной системе края.

Но положение стало меняться вскоре после вступления на престол в 1881 г. Александра III, когда в высших правительственных кругах восторжествовали сторонники решительной русификации окраин и лозунг обрусения национальных меньшинств стал одним из основных в правительственной политике. Подготовкой будущих реформ в Прибалтике, ставивших целью сближение края с Россией, унификацию его с остальными частями империи и ликвидацию Особого остзейского режима, явилась уже ревизия сенатора Н.А. Манасеина в 1882-83 гг., которая выявила в числе прочего, как мы уже отмечали, низкий уровень преподавания русского языка в учебных заведениях края, слабое знание его выпускниками. Выяснилось также, что русский язык фактически еще не введен в большинстве народных училищ. На повестку дня в высших правительственных сферах встал вопрос о коренном преобразовании всей системы учебного дела в Остзейских губерниях с целью сближить ее с общерусской. Первым шагом к этому должно было стать усиление роли русского языка в учебном процессе с тем, чтобы подготовить переход всех школ и гимназий края на русский язык преподавания. В 1883 г. попечителем Дерптского учебного округа был назначен М.Н. Капустин, который с достаточной последовательностью и решительностью стал проводить в Прибалтике новую правительственную политику.

М.Н. Капустин обратил внимание на местные средние учебные заведения. Он пришел к выводу, что допущение оценок I^а и I^б на выпускных экзаменах по русскому языку и разрешение

¹ H. R. Vene keelest. - "Sakala" 10.XI 1884, nr. 45.

переэкзаменовок в гимназиях привели к "нежелательным" последствиям: преподаватели русского языка "склонны были к снисходительности, тем более, что объем требований от экзаменуемых не подлежал точному определению".¹ М.Н. Капустин разработал новые "Правила для испытаний по русскому языку и русской истории в гимназиях и реальных училищах Дерптского учебного округа", которые 30 апреля 1884 г. были утверждены министром и введены в действие с нового учебного года. Этими правилами были узаконены оценки № 1 и № 2 (т.е. "отлично" и "хорошо") на выпускных экзаменах по русскому языку, но зато точно определен и при этом явно повышен объем требований по этому предмету. "При окончательных испытаниях по русскому языку, как письменных, так и устных, экзаменуемый должен доказать, кроме знания грамматики, способность без затруднений переводить с немецкого языка на русский и обратно, а также уметь владеть живым разговорным языком". Отметку № 2 предлагалось выставлять тем экзаменуемым, которые помимо выполнения прочих требований смогут "правильно переводить с немецкого языка на русский без предварительного приготовления статьи описательного или повествовательного содержания"; отметку же № 1 — тем, кто кроме того "в состоянии без ошибок и правильно написать по-русски сочинение на заданную тему" и докажут "умение владеть разговорным русским языком".²

Новый циркуляр попечителя вызвал взрыв возмущения в среде остзейцев и совместный демарш предводителей дворянства трех прибалтийских губерний, которые 2 февраля 1885 г. обратились с официальной просьбой к министру народного просвещения отменить указанное распоряжение как слишком строгое и практически невыполнимое.³ Ходатайство предводителей дворянства было отклонено.

По инициативе М.Н. Капустина 28 февраля 1885 г. Александр-

¹ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 165, ед. хр. 185, л. 2.

² Там же, л. 28-28 об.

³ Там же, лл. 18-21.

ром III был утвержден доклад, которым подтверждалось, что обучение русскому языку в мужских и женских частных учебных заведениях Прибалтики должно быть обязательным для всех русских подданных и что все желающие получить право на обучение, публичное и частное, не исключая и иностранцев, должны подвергаться испытанию по русскому языку.¹

М.Н. Капустин настоятельно рекомендовал не увлекаться на уроках изучением грамматики, а обращать больше внимания на практическую разговорную речь.² Он также рекомендовал до пределов ограничить переводы с русского на немецкий, но зато по возможности чаще переводить с немецкого (а позже — и с латинского и греческого) на русский.³

С 1885/86 уч. г. вновь было введено преподавание географии России на русском языке, отмененное в 1860-е гг.

Но, собственно, со второй половины 1880-х гг. начался новый период в истории прибалтийской школы, который привел к полной реорганизации всей учебной системы края.

Глава II. Преподавание русского языка в сельских школах и учительских семинариях Эстонии

1860-1880-х гг.

Как же шло преподавание русского языка в рассматриваемый нами период в начальных, средних и высших учебных заведениях края?

Остановимся прежде всего на сельских школах.

Примерно до середины 1870-х гг. русский язык преподавался — за малым исключением — только в православных сельских школах (в народе их называли "русскими"), число которых в рассматриваемый период значительно возросло. В 1869 г. в Лифляндии было 102 приходских и 267 вспомогательных православных школы с 9000 учащихся. В Эстляндии в 1869 г. было

¹ Сборник постановлений по МНП. Т. X. СПб., 1894, стлб. 30-32.

² М. П. Русский язык в прибалтийских училищах. — "Рижский вестник", 2. IY 1884, № 76.

³ ЦГИА ЭССР, ф. 386, оп. 4, 1873 г., ед. хр. 25, л. 125 об.

всего 5 православных школ.¹ В 1880 г. в Прибалтике насчитывалось 395 приходских и вспомогательных училищ (из них 265 эстонских) с 11 876 учениками.² В 1887/88 уч. г. число школ возросло до 465, а число учащихся — до 17 000.³ Школы были предназначены для детей православных крестьян, но в них учились и отдельные лютеране, причем во все возрастающем количестве. Основной причиной этого было отмеченное выше стремление эстонских крестьян научиться русскому языку. В лютеранских сельских школах не преподававшемуся или преподававшемуся несравненно хуже, чем в "русских" православных училищах.

Однако положение православных школ, особенно в первое десятилетие рассматриваемого периода, оставалось очень тяжелым; большинство из них, как нам уже приходилось отмечать, влачило жалкое существование: многие школы не имели собственных зданий,⁴ они прозябали в случайных, не приспособленных для учебных занятий помещениях, отталкивавших своим видом даже многих повидавших крестьян; нехватало подготовленных учителей и подходящих учебников; уровень обучения был низок, учебные программы не выполнялись; школы были материально не обеспечены. Главная причина этого — постоянное преследование православных школ со стороны местных властей, помещиков и пасторов,⁵ а также бедность и неустроенность самих православных крестьян, которые были не в состоянии содержать школы, оплачивать труд педагога. Помещики не давали земли и помещений под православные школы, изгоняли их

¹ Сборник постановлений по ММП. Т. IV, стлб. 1514, 1523.

² ЦГА СССР, ф. 733, оп. 203, ед.хр. 2558, лл. 20 об.-21.

³ М. Столяров. Православные школы в Прибалтийском крае. — ЖММП, ч. СССТ, 1895, ноябрь, стр. 40.

⁴ Еще в начале 1880-х гг. из 252 вспомогательных школ только 49 имели свои помещения (М. Столяров. Цит. соч., стр. 35).

⁵ Большой материал об этом собран Ю.Ф. Самаринным (см. Окраины России. Вып. IV. Берлин, 1874, стр. 173-364). Ср.: Эсто-латвийские православные школы перед всемогуществом прибалтийских немцев. — "Голос", 28. и 29. XI 1869, № 329-330.

из арендуемых зданий, запрещали своим крестьянам-арендаторам предоставлять им помещения, облагали православных крестьян двойным налогом: и на лютеранские, и на православные школы, причем все жалобы крестьян и православного духовенства местным властям на эти акты, как правило, не имели последствий.

При таком положении православные школы не могли успешно выполнять и одну из основных своих функций — обучение детей эстонских и латышских крестьян русскому языку. В "Отчете о состоянии православных сельских училищ в Прибалтийских губерниях за 1870/71 учебный год" отмечалось, что многие учителя вспомогательных школ "по-русски или совсем не знают или читают с трудом, вяло, останавливаясь после двух-трех слов, с крайне неправильным произношением и почти вовсе не понимая того, что читают. Пишут по-русски без всякого навыка, знают только несколько самых обыкновенных русских слов, но и из этих слов ни одного сколько-нибудь грамматически правильного выражения составить не могут. Не понимают самого обыкновенного русского выражения, если оно не подходит под склад местного наречия".¹ Естественно, что и обучение детей русскому языку такими учителями было на крайне низком уровне. В приходских школах дело обстояло немногим лучше, тем более, что священники почти не участвовали в преподавании, передоверив обучение не очень-то грамотным причетникам. "По русскому языку успехи учеников могут быть определены так же, как определен выше уровень знаний школьмейстеров. То же вялое с неправильным произношением чтение, то же отсутствие навыка к правописанию, то же незнакомство со складом русской речи и то же неумение составить грамматически правильное предложение. Грамматически русский язык нигде не преподается, ни в одной школе он не сделан языком преподавательским".² Сам процесс обучения русскому чтению в православных школах, отмечалось далее в отчете, носит

¹ Сборник постановлений по ММП. Т.У, стлб. 1872.

² Там же, стлб. 1874. Ср. ЦГА ЭССР, ф. 384, оп.1, ед.хр. 1102, лл. 3-4 об.

чисто механический характер. "Ни в одной школе ни одному мальчику ничего кроме учебника, по которому учится читать, т.е. азбуки или Священной истории, ничего для чтения не дается, нигде учащихся не заставляют отдавать отчета в прочитанном".¹

Конечный вывод, к которому пришли авторы отчета, весьма пессимистичен: "Характеризуя одним словом обучение в лучших православных сельских училищах, его можно назвать бесцельным, так как оно не развивает учащихся, не уясняет им применимости сообщаемых сведений, и вся польза его для населения в образовательном отношении сводится к бессознательной грамотности, а познания, приобретаемые собственно по русскому языку, решительно недостаточны для той цели, которая, главным образом, обуславливает потребность сельского населения в его изучении. Непрочно и неправильно усвоенный русский язык будет забываться по выходе из школы, да и учившиеся ему в православных сельских училищах едва ли будут в состоянии понимать простую разговорную речь".²

Меры, предпринятые в 1870-74 гг., несколько улучшили положение православных школ. Согласно "Правилам для православных сельских народных училищ Прибалтийских губерний", утвержденным 26 января 1870 г., во вспомогательных школах полагалось обучать детей чтению и письму на русском языке. При этом как в вспомогательных, так и в приходских школах считалось необходимым "практическое, живое упражнение в разговорах на русском языке".³ Избираемое на должность учителя лицо должно было сдать специальный экзамен в собрании приходского училищного попечительства; при испытании от него требовалось, "сверх достаточных познаний в православном катехизисе и других предметах, предназначенных для преподавания в вспомогательных школах, свободное объяснение на русском языке".⁴

¹ Сборник постановлений по МНП. Т.У, стлб. 1875.
² Там же.

³ Сборник распоряжений по МНП. Т.ІУ, стлб. 821.

⁴ Там же.

Срок обучения детей в школе был установлен четырехлетний, однако, на практике оно продолжалось чаще всего три года. Занятия в школе были предусмотрены с 1 ноября по 1 апреля.¹

При переходе православных сельских училищ в 1873 г. в ведение министерства народного просвещения были учреждены специальные должности инспекторов этих школ. Но на всю эстонскую часть Дерптского учебного округа, охватывавшую Эстляндию и южную часть Лифляндии, был положен лишь один инспектор, которому подчинялось около 300 школ. Совершенно очевидно, что действенный контроль за ними и оказание им какой-либо практической помощи со стороны инспекторов были почти исключены.

В 1874 г. был объявлен конкурс на составление руководств к изучению русского языка и латышских и эстонских хрестоматий для православных сельских училищ.² В 1870-е гг. появляется ряд учебников русского языка.

В 1874 г. более точно определяется объем преподавания всех учебных предметов, в том числе и русского языка. Требования по русскому языку в церковно-приходских училищах были следующие:

1. Правильное, свободное и осмысленное чтение статей, содержащихся в одной из книг для чтения, утвержденных для употребления в начальных училищах Дерптского учебного округа.

2. Знание общеупотребительных слов и умение соединять их в простые предложения.

3. Умение различать главные части простого предложения и главные части речи. Склонение и спряжение правильно склоняемых и спрягаемых частей речи.

4. Четкое письмо под диктовку без грубых ошибок в написании".³

¹ Впрочем, по инструкции 1874 г. учение в школе должно было оканчиваться не ранее 1 мая (см. "Инструкция учителям православных сельских народных училищ Дерптского учебного округа", Рига, 1874, стр. 3).

² ЦГИА Латв. ССР, ф. 7454, оп. 1, ед. хр. 2, лл. 13-18 об.

³ Объем преподавания учебных предметов в православных церковно-приходских училищах Дерптского учебного округа. Рига, 1874, стр. 4.

И во II (низшем) и в I (высшем) отделении приходской школы полагалось по 4 часа в неделю на русское чтение "с объяснением и упражнением в разговоре" и столько же часов на русское письмо со списыванием с книги во втором отделении и диктовкой в первом. В последнем еще дополнительно полагалось 2 часа в неделю на церковно-славянское чтение¹, что было уже совершенно излишним и лишь обременяло учащихся (впрочем, вскоре и начальство вынуждено было признать бесполезность этого предмета для местных школьников).

Однако состояние учебного дела, в том числе и преподавания русского языка, в православных школах улучшалось медленно, что и не удивительно, поскольку старые факторы, мешавшие их развитию, оставались в полной мере в силе. Программные требования по русскому языку сплошь и рядом не выполнялись; по-прежнему нехватало учителей, и на их должности не только в 1870-е, но и в 1880-е гг., как и раньше, во вспомогательных школах избирались лица, к этому неподготовленные и не владевшие русским языком.² Еще в начале 1880-х гг. подавляющее большинство учителей вспомогательных школ - 196 из 252 - имели образование лишь в объеме приходской школы.³ "Изучение русского языка в вспомогательных школах, притом не только теоретическое, но и практическое, было так же трудно осуществимо мечтой, как и назначение в эти школы учителей, свободно объясняющихся на русском языке", - признается историк православных училищ в Прибалтике М. Столяров.⁴ Многие вспомогательные школы вообще фигурировали только в отчетах, на деле же не функционировали.⁵ На развитии православных школ отрицательно сказывалось их

¹ Там же, стр. 6.

² См. Отчет о состоянии учебных заведений Дерптского учебного округа за 1874 год (ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 203, ед. хр. 2555, лл. 93 об. - 94); М. С т о л я р о в. Цит. соч., стр. 29-41.

³ ЖМНП, т. СССІ, 1895, ноябрь, стр. 36.

⁴ Там же, стр. 29.

⁵ См. донесение попечителя Дерптского учебного округа министру народного просвещения от 15 октября 1876 г. (ЦГИА СССР, ф. 384, оп. 1, ед. хр. 1120, л. 82 об.).

двойное подчинение, с одной стороны, министерству народного просвещения в лице инспекторов, с другой, — православному духовенству. Причетники, преподававшие в приходских школах, по существу, бесплатно и получавшие жалованье за исполнение своих церковных обязанностей, смотрели на учительскую деятельность как на нечто второстепенное. С точки зрения священников, последняя лишь отвлекала причетников от их прямых обязанностей. В связи с этим попечитель Дерптского учебного округа еще в 1876 г. просил полностью подчинить православные школы министерству, оставив за духовенством лишь заботу о хозяйственной стороне училищ.¹ Однако его ходатайство не было удовлетворено.

Лучше обстояло дело лишь в тех приходских училищах, где преподавали более подготовленные учителя, в первую очередь, выпускники Прибалтийской, а позже и Второй Тартуской учительской семинарии. Число таких школ значительно увеличилось в 1880-е гг., и в эти же годы православные школы стали уже значительным фактором в деле распространения русского языка среди эстонцев, привлекавшим и крестьян-лютеран: достаточно сказать, что в 1890/91 учебном году число лютеран во всех православных школах Прибалтики составляло 28% от общего числа учащихся.²

По каким же учебникам шло обучение русскому языку в православных школах?

Как мы видели, вплоть до 1880-х гг. положение с учебниками было тяжелым: их не хватало, да и вышедшие в свет пособия были неудовлетворительными. Делались попытки — правда, чаще всего малоуспешные — использовать азбуки и элементарные книги для чтения, выпускавшиеся для русских сельских училищ. В 1876 г. в православных школах употреблялись уже знакомое нам руководство к первоначальному обучению

¹ ЦГА ЭССР, ф. 384, оп. 1, ед. хр. 1120; л. 9 об.

² М. Столяров. Цит. соч., стр. 64. М. Столяров приводит любопытные данные: в 1892 г. в Вырусской приходской школе было 9 православных и 31 лютеранин, в Тартуской — 30 православных и 166 лютеран, в Раквереской соответственно — 10 и 66, в Пайдеской — 3 и 17, в Рынгуской — 16 и 61 и т.д. (там же, стр. 64-65).

русскому языку Ф. Голотузова (в этом году вышел и эстонский вариант учебника), аналогичное руководство Д. Мевеса, "Русская азбука для эстов" П. Михкельсона и книга для чтения Е. Козива.¹ Первые три книги использовались и в других эстонских народных училищах, поэтому мы рассмотрим их ниже вместе с прочими учебниками для сельских школ. Для преподавания элементов русской истории применялась книга Я.Линденберга "Русский народ и русское государство"² (1872) на эстонском языке.³

Как отмечает современный исследователь истории эстонской народной школы Л. Андресен, очень трудно выяснить, когда именно началось введение русского языка в число предметов школьного обучения в волостных и приходских училищах, подчиненных лютеранской церкви (именно они составляли большинство учебных заведений, предназначенных для эстонских крестьян).⁴ До 1860 г., по официальным данным, русский язык не преподавался ни в одной эстонской волостной школе в Лифляндии и лишь в 6 приходских (Отепя, Курси, Ряпива, Вяндра, Пылтсамаа, Пайсту).⁵ Точных данных по Эстляндской губернии нет, но, принимая во внимание, что последняя в развитии крестьянского образования вообще отставала от Лифляндии и приходских школ в ней было мало, можно предполагать, что там дело обстояло еще хуже. В 1860-е гг. русский язык, по тем же официальным данным, был введен в 10 приходских (если считать и Валгаскуу, то в II) и в II

¹ ЦГИА Латв. ССР, ф. 7454, оп. I, ед. хр. 3, л. 2.

² ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 203, ед. хр. 2555, л. 97.

³ Venne rahvas ja Venne riik. Kirjapannud J. Lindenberg. Riija linnas 1872. Эта книга долго употреблялась в эстонских народных школах для преподавания истории России. В ней содержались и краткие сведения о крупнейших русских писателях: Ломоносове, Державине, Фонвизине, Карамзине, Пушкине и Крылове.

⁴ L. A n d r e s e n . Eesti rahvakooli arengujooni 19. saaj. , lk. 33.

⁵ Материалы к изучению положения евангелически-лютеранских земских народных школ в Лифляндии. Рига, 1884, стр. 79-93. Эта цифра не внушает полного доверия.

волостных из более чем 500 эстонских школ Лифляндии.¹ В 1860-е же годы в некоторых местах делаются попытки начать знакомить учителей с русским языком.² В то же время в ряде приходских школ преподавание велось на немецком языке.³

По-видимому, известный сдвиг намечается с 1866 г. (до этого преподавание русского языка в народных школах было явлением крайне редким и случайным). В этом году генерал-губернатор Э. Баранов переслал министру внутренних дел одну из крестьянских петиций, в которой содержалась просьба ввести русский язык в число преподаваемых в сельской школе предметов. Ответом на это явилось предписание министра внутренних дел П. Валуева остзейскому генерал-губернатору от 23. VI 1866 г., в котором указывалось, что крестьянские общества при желании и при наличии для этого необходимых условий могут начать преподавание русского языка в сельских школах. Вслед за тем в начале 1870-х гг. вопрос о введении русского языка в школы становится предметом обсуждения в губернских высших школьных комиссиях, как и в других местных учреждениях, ведавших школьным образованием в Остзейском крае.⁴ Прямо выступать против русского языка они, естественно, не осмеливались.

Сохранившиеся учебные планы отдельных школ показывают, что преподавание русского языка несколько расширяется с 1872/73 учебного года. Этот предмет изучался во вторую или третью зиму. Обучение русскому языку состояло, в основном, в написании букв, чтении отдельных слов и заучивании их наизусть. Обычно один час в неделю был посвящен письму, второй - чтению. К концу 1874 г. русский язык преподавался в 104 народных школах Эстляндской губернии.⁵

¹ Там же.

² K. R u u t . Koorküla vallakooli ajalugu. - "Postimehe Lisaleht" 1901, lk. 92.

³ См., напр., описание Ругеской школы: P. O r g. Minu mälestused. - "Eesti Kirjandus" 1909, nr. 7, lk. 269 jj.

⁴ H. S p e e r . Op. cit., S. 290-291, 314-316.

⁵ L. A n d r e s e n . Eesti rahvakooli arengujooni 19. saaj., lk. 33.

В 1874-75 гг. преподавание русского языка официально вводится в учебные планы народных училищ. По утвержденному в 1874 г. "Положению о лютеранских сельских школах Лифляндии" русский язык вместе с немецким был включен в программу приходских школ. В число обязательных предметов обучения в волостных школах он, правда, не входил, но в примечаниях к "Положению" было указано, что в них можно преподавать русский и немецкий языки, если крестьянское общество этого пожелает, а учитель будет в состоянии обучать этим предметам.¹

В выпущенных вслед за тем учебных планах лифляндских сельских училищ в волостных школах предусматривалось 2 часа русского языка в неделю в третьем (старшем) отделении, в приходских же школах - 3 часа в неделю в каждом из двух классов. Программы по русскому языку должны были быть одинаковыми как в волостных школах, так и в приходских, однако, указывалось, что цель обучения в приходских училищах - расширить и дополнить то, что начато в волостной школе, подготавливая учащихся к поступлению в высшие по своему типу учебные заведения. Программа приходских училищ предусматривала: во 2 (младшем) классе - упражнения в беглом чтении и в письме под диктовку преимущественно таких предложений, которые легко перевести на родной язык, заучивание наизусть наиболее употребительных слов и оборотов речи (2 часа), из русской грамматики - склонение существительных и прилагательных (1 час); в I (старшем) классе - дальнейшие упражнения в чтении и в письме под диктовку (2 часа), из грамматики - спряжение регулярных глаголов (1 час). Особо было подчеркнуто, что в процессе обучения главное внимание надо обращать "на хорошее произношение и на приобретение большого запаса слов."²

В начале 1880-х гг. в тех волостных школах Лифляндии, где русский язык преподавался, на него было положено, если верить официальным данным, в среднем 3 часа в неделю.³

¹Liivimaa Lutheri usu Maakoolide Säädus. (Viljandi, 1875), lk.4.

²Liivimaa Lutheri usu Maakoolide õpetuse plaanid. (Viljandi, 1877), lk.3, 8, 10, 12.

³Материалы к изучению положения евангелическо-лютеранских земских народных школ в Лифляндии, стр. XVI.

В утвержденном 25 апреля 1875 г. положении "О сельских евангелическо-лютеранских народных школах и учительских семинариях Эстляндской и Курляндской губернии" русский язык предусматривался в числе предметов волостных школ "по мере учебных средств, но с тем, чтобы преподавание его было введено во всех сельских школах непременно в течение пяти лет."¹ В приходских же училищах он стал обязательным. В последних было предусмотрено и преподавание русской истории и географии на родном языке учащихся.²

Однако в утвержденном в 1878 г. распорядке занятий в народных училищах Эстляндия русский язык в волостных школах уже почему-то не фигурировал. В приходских же школах было предусмотрено 5-6 часов русского языка в неделю. Программой русского языка от учеников требовалось чтение текстов из русской хрестоматии, четкое и ясное произношение русских звуков, переложение легких русских текстов на эстонский и немецкий языки, заучивание наизусть наиболее употребительных русских слов и выражений, склонение и спряжение (правильные формы) и, наконец, знание основ орфографии.³

Однако претворение в жизнь всех этих положений и предписаний было в высшей степени затруднено тем, что сами учителя волостных и приходских школ русского языка не знали. Отсутствовали и хорошие учебники по этому предмету, да и учебное начальство в лице пасторов и представителей помещичьей власти не обращало на него внимания⁴ и - более того - противодействовало его введению в школы. Как отмечает Л. Андресен, предписания 1874-78 гг. даже не были известны всем учителям и преподавание в школах часто велось по-старому.⁵

¹ПСЗ. Собрание второе. Т. L. Отделение первое. 1875.СПб., 1877, стр. 434.

²Там же, стр. 435, 437.

³Koolipidamise Seadus Eestimaa Evangeliumi Luteruse usu maakoollidele. Tallinnas 1878, lk. 14,16.

⁴А. Дргенштейн отмечал в своих мемуарах, что при инспектировании школ на знание русского языка внимания не обращалось (A. J ü r g e n s t e i n. Minu mälestused. I. Tartu, 1926, lk. 128).

⁵L. A n d r e s e n. Eesti rahvakoollide seadused XIX saj., lk. 15-16.

Правда, формально число народных школ, в которых было введено обучение русскому языку, постоянно возрастало,¹ и, по официальным данным, в 1882 г. он преподавался в 790 школах Лифляндии из 1085, при этом во всех приходских училищах.² Но сенатор Н.А. Манасеин имел все основания усомниться в достоверности этих цифр. Он отметил, что громадное большинство сельских учителей "или почти вовсе не знают русского языка, или не понимают русской разговорной речи и с трудом разбирают печатные русские учебники, вследствие чего ученики не имеют никакой пользы от русских уроков у таких учителей. Все преподавание сводится к одной бессодержательной формальности, имеющей целью посредством громадной цифры училищ, в коих дети, будто бы, учатся по-русски, успокоить правительство и отклонить его от всякого вмешательства в дело народного образования".³

У нас есть достаточно данных, подтверждающих правоту Н.А. Манасеина. В опубликованном в 1881 г. в газете "Сакала" письме из одной волости в Вирумаа указывалось, что в здешних школах русский язык до сих пор не преподается. Правда, пастор велел всем приобрести учебники русского языка (кстати, нигде не годное учебное пособие П. Лопенове), но ему никто не обучает. Учебник благополучно лежит дома, за печкой, где его штудируют одни только сверчки. До это и не удивительно, так как учитель в волостной школе по-русски не понимает и преподавать его не в состоянии. Но в отчетах школьного правления, вероятно, и эта школа числится в числе тех, где учат русскому языку.⁴ Из Харгла в 1882 г. сообщали, что лишь с осени

¹ См. Материалы к изучению положения евангелическо-лютеранских земских народных школ в Лифляндии, стр. ХУІ.

² Manaseina revizija, 186. lpp. Л.Андрезен приводит иные данные; по его подсчетам в 1880 г. русский язык преподавался лишь в 41% всех эстонских сельских школ (L. A n d r e - v e n. Eesti rahvakooli arengujooni 19.saj., lk. 35), что, вероятно, ближе к истине.

³ Manaseina revizija, 186. lpp.

⁴ Virumaalt. Kuidas venekeelt koolis õpetatakse. - "Sakala" 10.I 1881, nr.2. Cp. Virumaalt. Ikka jälle saksastamisest. - "Sakala" 31.XII 1880, nr.52.

этого года в здешних школах стали изучать русский язык.¹ В сельской школе в Нээрути русский язык был введен в 1883 г.² и т.д., и т.д.

В газетах часты жалобы на крайне низкий уровень преподавания русского языка даже в приходских школах.³ И, действительно, во многих школах русский язык преподавали лишь "номинально", учащиеся выучивали "кое-как читать по-русски, переводить несколько фраз с русского ... склонять несколько существительных, спрягать 2-3 глагола... Конечно, эти познания бесследно исчезали за пределами школы"⁴ Сохранились яркие зарисовки того, как шло "обучение" русскому языку в одной приходской школе повышенного типа, где "из русской грамматики всю зиму учили склонения имен существительных, но весной не могли просклонять "дом".⁵ Или вот как учили русскому языку в Падаской школе: учитель предлагал одному мальчику читать вслух русский текст, другие слушали, ничего не понимая, так же, как и учитель (он был не в состоянии перевести прочитанное). Для облегчения запоминания русских слов учитель заставлял повторять такого рода рифмованные фразы: "Püksinõõr on pugovits, labakinnas - rukovits; must lehm on korova, kaevutsee - doroga".⁶

Показательна и та дискуссия, которая разгорелась в эстонской печати в 1884 г. по вопросу о самой возможности преподавания русского языка в волостной школе. Выступивший на страницах газеты "Ээсти Постимеэс" учитель одной из волостных школ Й.Р., полностью признавая необходимость обучения эстонских детей русскому языку, тем не менее, пришел к выводу, что при настоящих условиях преподавать русский язык в

¹ "Olevik" 28.XII 1882, nr.53, lk.2.

² J. I l l a k .Nääruti Kooli aea lugu. - "Eesti Kirjandus" 1910, nr.4, lk. 134.

³ См., напр.: K.S. Vene keel koolis. - "Eesti Postimees" 2.II 1883, nr.5, lk.2.

⁴ Н.З а й о н ч к о в с к и й. К истории сельской инородческой школы в Прибалтийских губерниях и ее реформы. Рига, 1902, стр. 17-18.

⁵ М.С. Из воспоминаний о сельской школе. - "Рижский вестник", 6.VI 1875, № 126.

⁶ Н. S p e e r . Op.cit., S.404-405.

волостной школе практически невозможно и бесполезно: в многолюдных классах за короткий срок, в течение которого дети посещают школу, учитель просто не в состоянии выучить их даже основам языка. Это было бы возможно лишь при условии, если в волостных школах будет введена вторая должность учителя и увеличен срок обучения.¹ Почти все участники дискуссии поддержали И.Р.² Они доказывали, что преподавание русского языка в волостных школах в настоящее время превращается в пустую зубрежку³ и в лучшем случае ограничивается тем, что школьники выучивают русские буквы и могут кое-как читать по-русски, впрочем, большего сейчас и нельзя требовать.⁴ В то же время почти все участники дискуссии (за исключением автора статьи в газете "Вирулане"⁵), как и И.Р., признавали необходимость знания русского языка эстонцами. Где же выход? По мнению авторов, он в коренном улучшении народной школы (в том числе и состава преподавателей), но поскольку это дело будущего, то в настоящее время надо перенести при изучении русского языка центр тяжести в приходские училища и учебные заведения высшего типа.⁶ Многие участники дискуссии, между прочим, указывали и на то, что училищное руководство, состоящее из немцев, очень неохотно берет в школы преподавателей, хорошо владеющих русским языком.⁷

Как мы уже неоднократно отмечали, лютеранские сельские школы не были подчинены министерству народного просвещения,

¹ J. R. kas en võimalik praegusel ajal külakoolides Vene keelt õpetada? - "Eesti Postimees" 7.III 1884, nr.10.

Статья вызвала возражения в "Рижском вестнике" (13.III 1884, № 59), весьма внимательно следившем за эстонской прессой.

² "Virulane" 27.III 1884, nr.13; "Valgus" 21.IV 1884, nr.24; "Olevik" 2.IV 1884, nr.14, и др.

³ "Virulane" 27.III 1884, nr.13.

⁴ "Eesti Postimees" 25.IV 1884, nr.17.

⁵ "Virulane" 3.IV 1884, nr.14.

⁶ "Eesti Postimees" 2.V 1884, nr.18; 6.VI 1884, nr.23; "Virulane" 11.IV 1884, nr.15.

⁷ См., напр., "Valgus" 4. V 1884, nr.26.

которое поэтому не могло принимать никаких мер к улучшению в них преподавания русского языка. В середине 1880-х гг. оно делает первые попытки в противовес лютеранско-евангелическому народным школам организовать в Прибалтике министерские школы, одноклассные и двухклассные, с русским языком преподавания. Они должны были функционировать на основании общероссийского положения о министерских школах от 4 июня 1875 г. и подчиняться министерству. Одноклассные министерские школы, рассчитанные на три года обучения, должны были заменить волостные, а двухклассные с пятилетним сроком обучения — приходские. Но в рассматриваемый нами период таких школ в Прибалтике было еще очень мало, что избавляет нас от необходимости подробнее остановиться на их программе.¹

Вопрос о введении русского языка в сельские школы в значительней мере упирался в другой — о подготовке учителей, способных преподавать этот предмет. Кадры учителей волостных школ готовились, главным образом, в приходских училищах и частично в семинариях. Преподавателей же приходских школ готовили, в основном, именно последние. Как же было поставлено обучение русскому языку в учительских семинариях?

В начале рассматриваемого периода в народной школе работали учителя, в лучшем случае получившие образование в семинариях в Атасте (1837-54) и Ядивере (Jädivere, 1844-64), где русский язык вовсе не преподавался, или же в Кууда (1854-87). В Куудаской семинарии в первые десять лет ее существования (1854-64) русский язык (как, впрочем, и немецкий) также не изучался. С 1864 г., правда, вводится его преподавание, а с 1870 г. он становится обязательным предметом семинарского курса, однако, как признавались выпускники семинарии, учили ему мало и плохо по учебникам Медера и Пилемана, предназначенным для немецких школ, так что позже многие выпускники были не в состоянии обучать русскому

¹ См. Программы преподавания учебных предметов в сельских двухклассных училищах ведомства Министерства народного просвещения. — Сборник распоряжений по МНП. Т. VI. СПб., 1901, стлб. 1445-1450. Ср. Каталог книг для употребления в низших училищах ведомства Министерства народного просвещения. 1875 г. — Там же, стлб. 1541-1592.

языку в школе. Только с конца 1870-х - начала 1880-х гг. объем преподавания русского языка в Куудаской семинарии был увеличен. По учебному плану 1878 г. преподавание русского языка предусматривало чтение, орфографические упражнения, знакомство с морфологией и главными правилами синтаксиса, понимание более трудных отрывков, по возможности значительный словарный запас и в какой-то мере способность изъясняться по-русски. На русский язык полагалось 6 часов в неделю в каждом из трех классов. На экзамене от выпускников требовалось умение читать с возможно более правильным и ясным произношением, понимание до некоторой степени более легких отрывков, выполнение отдельных упражнений по орфографии и знание наиболее употребительных в повседневной жизни слов и выражений.¹ Но, как отмечает хорошо осведомленный историк семинарии, обучение русскому языку носило более теоретический, чем практический характер: грамматические правила тщательно заучивались наизусть, но никаких русских книг, если не считать учебников Пилемана и Голотузова, читать не давали.² "Вероятно, это было следствием того, что рыцарство желало, дабы семинаристы со временем забывали русский язык, - пишет тот же историк; - и те его, действительно, забывали, если не заботились сами о приобретении русской литературы".³

Учителей для приходских школ готовила семинария в Валга, руководимая Я. Цимзе (впрочем, основной контингент ее учащихся составляли латыши).⁴ По первоначальному учебному плану в семинарии было предусмотрено преподавание русского языка в двух старших классах, но до 1872 г. этот предмет считался необязательным. В 1860-е гг. ему обучали по книгам Голотузова и Пилемана. По новому учебному плану, принятому в

¹ Entwurf eines Lehrplanes für das Ehstländische Lehrer-Seminar in Kuda. Reval, 1878, S.4-7.

² О преподавании русского языка в семинарии см.: Mihkel Neumann. Kuuda seminar ja tema kasvandikud. Tallinn, 1928, lk. 18, 30-33, 111, 124 jt.

³ Там же, стр. 31.

⁴ Семинария была основана в 1839 г. в Вольмаре и в 1850 г. переведена в Валга (Валк).

1870-е гг., русский язык был сделан обязательным и количество часов на него увеличено. Цель обучения русскому языку формулировалась следующим образом: "Быть способным преподавать русский язык в той мере, в какой это необходимо в приходской школе".¹ Программа его преподавания предусматривала: в IУ классе - 3 часа в неделю: склонение имен существительных и прилагательных по Пилеману, упражнения в чтении по хрестоматии Голотузова, этимология (до глагола) и устные и письменные упражнения в переводе. III класс - 2 часа²: глагол, упражнения в чтении по Голотузову с устным пересказом прочитанного и переводом. II класс - 2 часа: синтаксис, краткий обзор всей грамматики, беседы на русском языке. I класс - 2 часа: руководство к преподаванию русского языка по книге К. Гаага, предназначенной для немецких элементарных училищ, и русский лектор.³ Хотя эта программа, как будто, должна была обеспечить сравнительно высокий уровень знаний семинаристов по русскому языку, но до середины 1880-х гг. роль этого предмета в учебном процессе все же была незначительна. Как вспоминал А. Юргенштейн, обучавшийся в семинарии в 1878-82 гг., грамматические правила семинаристы знали хорошо - они заучивались наизусть, но живым разговорным языком выпускники не владели.⁴

В 1871-1910 гг. существовала еще небольшая семинария в Каарма, которая готовила учителей для волостных и приходских школ острова Сааремаа. По уставу 1870 г. на старшей ступени этой трехгодичной семинарии полагалось обучать семинаристов чтению и письму по-русски, этим преподавание и ограничивалось. Уставом 1875 г. предусматривалось уже умение читать, понимание прочитанного, письмо, знание основ грамматики, перевод на эстонский язык и обратно легких фраз.

¹ C. Peterson, J. Bach, E. Inselberg. Das ritterschaftliche Parochiallehrer-Seminar in Walk, seine Lehrer und Zöglinge. 1839-1890. Riga, 1898, S. 79.

² Впрочем, по сетке часов должно бы быть 3 часа (см. там же, стр. 92).

³ C. Peterson, J. Bach, E. Inselberg. Op. cit., S. 79-80.

⁴ A. Jürgenstein. Op. cit., lk. 128.

Эта программа почти без изменений была повторена и в уставе 1882 г. В 1883 г. русский язык в семинарии преподавался 6 часов в неделю. Серьезное внимание на него было обращено лишь с начала русификации.¹

Это же можно сказать о преподавании русского языка и в семинарии Ф.Холлмана в Тарту (1873-87), готовившей учителей прежде всего для волостных школ. В конце 1870-х - начале 1880-х гг. на русский язык в семинарии было положено 2 часа в неделю (для сравнения: на немецкий язык в первый год обучения полагалось 4-5 часов, на второй год - 4 часа в неделю). Занятия по русскому языку предусматривали чтение, перевод, заучивание слов и выражений и грамматику по учебнику К.Х. Нигголя "Vene keele õppimise raamat". Цель обучения сводилась к тому, чтобы выпускники могли правильно читать и писать, овладели основными морфологии и усвоили бы определенный запас слов, на основе чего были бы в состоянии понимать обыкновенные простые выражения и нетрудные отрывки для чтения.² Труднее представить, как могли семинаристы достичь этого при двух часах русского языка в неделю за два года обучения.

Лишь в преддверии русификации количество часов на русский язык было увеличено в низшем классе до 4 часов в неделю (в старшем - по-прежнему осталось 2); к тому же теперь история и география России (по 2 часа в неделю в каждом классе) также велись на русском языке. При изучении русского языка использовалась хрестоматия К.Х. Нигголя и грамматика Г.Блесфельда.³

Что касается I Тартуской учительской семинарии, о которой шла речь в предыдущем выпуске, то она готовила учителей преимущественно для немецких городских элементарных училищ.

¹ J. K i r o t a r . Kaarma seminar kui Eesti kultura tegur. 1871-1910. - Rmt-s: Eesti Kultura. I. Tartu, 1911, lk. 43, 51, 54, 75 jt.

² Lehrplan für das Estnische Gemeindeschullehrer-Seminar zu Dorpat. < Riga, 1879 >, S. 6-7.

³ См. J. K i v i s a a r. Tartu Eesti vallakooliõpetajate (Hollmanni) seminar. 1873-1887. Tartu, 1932, lk. 16-17.

В 1860-е гг. семинария перестает быть местом подготовки учителей русского языка для учебных заведений края, каким она была в 1840-1850-е гг. Правда, в 1869 г. в семинарии была восстановлена должность учителя русского языка и даже назначено 4 казенных стипендии специально для русских, которые должны были оставаться после ее окончания работать в Дерптском учебном округе, но места стипендиатов чаще всего оставались незанятыми.

По учебному плану, действовавшему в 1873 г., в семинарии на русский язык полагалось всего 10 часов (по 4 часа в неделю в третьем и втором классах и 2 часа в старшем первом классе). Программа по русскому языку включала переводы с немецкого на русский по учебнику И. Пидемана, чтение и пересказ по хрестоматии К. Ушинского, повторение грамматики, диктанты и письменные упражнения. В семинарии также преподавалась география (2 часа в неделю в третьем классе) и история России (по 2 часа во втором и первом классе).¹

Немецкоязычная I Тартуская учительская семинария была в значительной мере немецкой и по духу.² Это объясняет и отношение в ее стенах к русскому языку, и степень знания его выпускниками.

Впрочем, в преддверии русификации и здесь происходят кое-какие изменения. Известно, например, что в феврале 1880 г. воспитанники семинарии под руководством учителя русского языка Гуйского поставили " Ревизора " и " Женитьбу " Гоголя, причем, к вящему удивлению присутствующих, текст комедии был заучен исполнителями очень точно.³

Как видим, уровень подготовки выпускников местных учительских семинарий по русскому языку в целом был весьма низок. В отчете Н.А. Магасеина, вероятно, справедливо указывалось, что в учительских семинариях Прибалтики " русский

¹ Programm des Elementarlehrer-Seminars zu Dorpat. Als Einladung zum Entlassungsfeier. Dorpat, 1873, S. 60, 66-71.

² Tartu Opetajate Seminar. 1828-1928, lk. 21-27.

³ И.И. З м и г р о д с к и й. Гоголь на сценах города Дрьева Лифляндской губернии. Дрьев, 1902, стр. 14-15.

язык преподается крайне неудовлетворительно и настолько неуспешно, что оканчивавшие в них курс ученики, как я лично вполне убедился, решительно не в состоянии говорить по-русски и почти не понимают ни русской разговорной речи, ни предлагаемых им для чтения статей по русскому языку, а потому, становясь сами учителями, ни в каком случае не могут обучать сколько-нибудь удовлетворительно этому языку учеников волостных и приходских школ.¹

Положение несколько изменилось к лучшему лишь с открытием в 1878 г. Второй Тартуской учительской семинарии.

Вопрос об учителях для сельских школ Эстонии, способных преподавать русский язык, естественно, не мог не волновать представителей высшей власти. Прибалтийская учительская семинария в Риге, основанная в 1870 г., готовила учителей, в основном, для латышского края, поэтому эстляндский губернатор еще в 1873 г. обратился с просьбой организовать во вверенной ему губернии специальную семинарию для подготовки учителей эстонских народных школ.² Но дело затянулось, и новая семинария была открыта только в 1878 г. в Тарту.

Она вначале была трехгодичной, но в 1880 г. был добавлен еще подготовительный класс и, таким образом, срок обучения в ней удлинился до четырех лет. Программа II Тартуской семинарии была весьма широка, приближаясь (за исключением древних и новых языков) к гимназическому курсу, но особое внимание в ней уделялось изучению русского языка, тем более, что на этом языке велось преподавание. Большая часть учеников получала казенную стипендию и жила на полном казенном иждивении. Это привлекало в семинарию многих эстонцев, так что в ней был постоянный конкурс, в то время как в немецких семинариях, напротив, ощущалась нехватка учеников. Во главе семинарии встал очень образованный, умный и тактичный педагог Л. Жданович, преподававший ранее в Киевском университете и Нежинском лицее. Правда, уже в 1883 г.

¹ *Manaseina revizija*, 193. lpp.

² Сборник постановлений по МНП.Т.6.СПб., 1878, стлб.1792.

его сменил Ф. Тихомиров, откровенный русификатор, пытавшийся превратить семинарию в очаг обрусения инородцев.¹ Уровень преподавания в семинарии был сравнительно высоким, и выпускники ее, действительно, овладевали русским языком, знакомились с русской литературой и могли успешно преподавать эти предметы в школе. Преподаватели семинарии разделяли взгляд одного из учеников К.Д. Ушинского, который считал, что "самое лучшее средство научить инородцев русскому языку — это заинтересовать их в известные годы сокровищами литературных богатств его".²

Программа основного семинарского курса по русскому языку и словесности в середине 1880-х гг. была следующей: "Первый класс проходит этимологию русской речи. Учебником для него служит первый курс грамматики Говорова, пособием — первая часть учебной хрестоматии Полевого. Из последней берутся статьи, отрывки для классного чтения, грамматического разбора, пересказа, для заучивания наизусть. За год она прочитывается почти вся без пропусков. В первом классе положено восемь недельных уроков: в один из дней два урока поставлены непосредственно один после другого — ради удобства в классных письменных работах. Второй класс имеет пять недельных уроков. В нем проходит синтаксис русской речи и начинается краткий курс теории словесности. Учебниками служат: синтаксис Говорова и учебник словесности П.Смирновского, пособием — вторая часть хрестоматии Полевого. Раз в неделю также назначаются два урока подряд... Последний класс имеет четыре урока в неделю. В нем заканчивается словесность, проходит краткий курс истории новой русской литературы и методика первоначального обучения грамоте, грамматике-правописанию и методика объяснительного чтения. В этом же году необходимо бывает хотя бегло повторить пройденную в первые годы грамматику".³ "Классные работы заключаются: в занятиях

¹ Подробнее об этом см.: Tartu õpetajate Seminar. 1828-1928,

² И. В. Шагал о в. Русский язык в Дерптской П-й учительской семинарии. <СПб., 1886> [отдельный отпечаток из журнала "Русский начальный учитель", 1886, № 6/7], стр. 2.

³ Там же, стр. 2-3.

чтением, письмом под диктовку, грамматическим разбором, изложением грамматики, словесности, истории литературы и методики первоначального обучения".¹

В семинарии устраивались литературные вечера, в которых принимал участие и профессор Тартуского университета П.А. Висковатов. На них ученики читали наизусть стихи и отрывки из прозы русских классиков, разыгрывали небольшие сценки из драматических произведений.² Известно о постановке семинаристами "Ревизора" и "Женитьбы" Гоголя, одной из комедий Грибоедова.³ Заучивание наизусть стихотворений и прозаических отрывков широко практиковалось в классной и внеклассной работе так же, как и разбор прочитываемых образцов русской классики.

Курс теории словесности начинался с разбора произведений по руководству В.Я. Стоянина, за ним следовали общие замечания о художественной литературе. Во втором классе проходила стилистика и виды прозаических сочинений, а в третьем - виды поэтических произведений. Одновременно ученики писали ряд работ, в основном сочинений, описательных и повествовательных.⁴

В курсе истории русской литературы проходил лишь новый период, начиная с Ломоносова. Впрочем, во вступительной беседе преподаватель давал краткий обзор и древней русской словесности, а также эпохи Петра I. В этом курсе более подробно рассматривались биография и творчество Фонвизина, Державина, Карамзина, Пушкина, Крылова, Лермонтова, Жуковского и Гоголя, причем при их характеристике обращалось внимание и на такие историко-литературные явления, как сентиментализм, романтизм, байронизм. Ученики обязаны были прочитать или перечитать главнейшие произведения перечисленных писателей. "Курс этот очень интересует учеников. Они охотно читают указываемые отрывки, главы,

¹ Там же, стр. 3.

² См. там же, стр. 4-5.

³ Там же. *Общественный семинар. 1828-1928*, лк. 185.

⁴ И. Ш а т а л о в. *Цит. соч.*, стр. 12-13.

целые сочинения. Не довольствуясь учебником Галахова (краткая история), они стараются прочитать полную его историю, книгу Порфирьева, Полевого".¹ "Историей русской словесности" И. Порфирьева пользовался и преподаватель при характеристике литературы XVIII—начала XIX вв.

Как видим, русская словесность изучалась во Второй Тартуской учительской семинарии весьма основательно. В "Учебной русской хрестоматии" П. Полевого, которой пользовались семинаристы, были представлены в достаточно большом и в целом удачном выборе лучшие произведения русских писателей XVIII—XIX столетий. Книжки же А. Галахова и П. Смирновского ("Пособие при изучении русской словесности", "Теория словесности"), которые были основными учебниками по литературе для семинаристов, давали весьма подробный и стоявший на уровне литературной науки того времени, хотя и выдержанный в официальном духе, обзор истории и теории словесности. Они широко употреблялись также в тогдашних гимназиях. Если учесть, что учащиеся семинарии усваивали еще и материал солидной "Истории русской словесности" И. Порфирьева, которой по обилию фактических данных в пору было стать пособием для высших учебных заведений, и прекрасного труда В. Стоянина "Руководство для исторического изучения замечательнейших произведений русской литературы", то уровень изучения словесности в семинарии нельзя охарактеризовать иначе, как высокий. К тому же и преподаватели этого предмета, если верить воспоминаниям семинаристов, были знатоками своего дела, хотя откровенного русификатора И. Шаталова, который вел в семинарии русский язык и словесность в 1883—97 гг., ученики и не любили.²

Конечно, веяния русификации, особенно усилившиеся в семинарии с середины 1880-х гг., да и вся атмосфера реакции той поры, еще более сильно дававшая себя знать на окраинах, не могла не сказываться и на преподавании литературы, на ее "усвоении" семинаристами. Преподавание словесности явно

¹ Там же, стр. 13—14.

² См. о нем: Tartu õpetajate Seminar. 1828—1928, lk. 104—107.

было обращено к прошлому, современные же авторы, тем более представители демократического лагеря русской литературы, сознательно игнорировались. Более того, учебное начальство откровенно неодобрительно относилось к попыткам семинаристов познакомиться с творчеством современных писателей. Характерен эпизод, приведенный в воспоминаниях Э.Петерсона-Сяргава: он осмелился попросить у Шаталова, исполнявшего одновременно обязанности и библиотекаря, почитать Л.Н.Толстого; в ответ возмущенный педагог обругал ученика и вместо "Анны Карениной" бросил ему брошюру "Олений мох". О Л.Толстом в семинарии вообще не говорилось.¹ Но все же не это было главным и не это определяет значение семинарии. Не случайно именно из стен Второй Тартуской учительской семинарии вышло много крупных переводчиков русской литературы на эстонский язык, ее популяризаторов в эстонской печати конца XIX - начала XX вв., таких, как выдающийся эстонский поэт Якоб Тамм, Г. Вульф-Цйс, Т.Куузик и др. Солидные познания в русской словесности получил в семинарии другой ее замечательный воспитанник - классик эстонской литературы Э.Петерсон-Сяргава, а также Х.Адамсон и пр.

Глава III. Учебники по русскому языку и словесности, употреблявшиеся в сельских школах Эстонии 1860-1880-х гг.

Какие же учебники употреблялись в эстонских сельских школах при изучении русского языка? Какой материал по русской литературе можно было найти на их страницах?

В 1860 г. вышел "Русский букварь" Г.Пороменского,²

¹ Ernst Särgava. Minu esimene tutvumine L.N.Tolstoi teostega. - "Looming" 1960, nr.11. lk. 1728-1731.

² Vene keele Abitse raamat. Русский букварь. Составил Г. Пороменский. Tartus, 1860. Второе, исправленное и дополненное издание - Тарту, 1865 (автор здесь именуется Втором Пороменским); третье исправленное издание - Тарту, 1871. Перу Г. Пороменского принадлежит еще "Руководство к практическому изучению эстского языка. Juhataja Vene-keelt väljõppida" (Rijas, 1861), одновременно предназначенное и для обучения эстонцев русскому языку.

преподавателя Рижской духовной семинарии. Это — весьма примитивно составленное пособие для первоначального обучения эстонцев русскому языку. Основной методический прием автора — перечисление русских слов и выражений (с параллельным переводом их на эстонский язык), которые должны заучиваться наизусть учениками. В конце книги даны связные тексты для чтения, также с подстрочным переводом на эстонский. В первом разделе — "Басни" — представлены прозаические пересказы русских басенных сюжетов, нередко крыловских ("Осед и собака", "Муравей и голубь", "Волк в овечьей шкуре", "Собака и тень ее", "Муравей и стрекоза" — с отдельными крыловскими фразами в пересказе, "Лисица и ворона" и др.). Во втором разделе — "Рассказы и анекдоты" — приведены маленькие рассказы с нравоучительной тенденцией, позаимствованные из русских книг для детского чтения. Произведений известных писателей здесь, судя по всему, нет. Хотя у нас нет точных сведений о том, в какой мере учебник Г.Пороменского использовался в эстонских школах, но тот факт, что он вышел тремя изданиями при сравнительно больших тиражах,¹ заставляет предполагать, что все же он нашел там применение.

Совершенно безграмотным было пособие Я. Вальтнера, вышедшее в 1869 г.²

Лишь в 1870 г. выходит первый более или менее удачный учебник русского языка для эстонцев. Это было "Руководство к первоначальному обучению русской грамоте. Для эстонских народных училищ Прибалтийского края" Дмитрия Васильевича Мевеса,³ с 1868 г. старшего учителя русского языка в Аренбургской (Куресаарской) гимназии, а позже, с 1874 г., в реальной гимназии в Риге; в 1880-е гг. Д. Мевес был инспектором эстонских народных училищ, из-под его пера вы-

¹Третье издание, например, вышло тиражом в 3000 экземпляров.

²Tõik, eestikeele tähtiga vennekeeli väljäkõnne, kirjutaja Jaan V a l t n e r. Перевод, эстонскими буквами русский выговор, Яна Вальтнера. Dorpat, 1869.

³Üks juhataja venne keele esimesseks õppetuseks. Eesti rahva kolides Paltimaal. Kirja pannud Dimitrij' M e v e s. Välja antud Rija õige-ussu Peetri-Paulusse Vennasteselt-si kulloga. Rigas 1870.

шло еще несколько учебников.¹

Новый учебник был составлен при участии священников-эстонцев Я. Линденберга, преподавателя Рижской духовной и Прибалтийской учительской семинарии, Е. Тootса, А. Рамуля и др. В учебнике Д. Мевеса видна известная система и понимание тех трудностей, которые ожидают учителя и ученика эстонских школ при изучении русского языка. В нем имеется специальный раздел - "Рассказы, басни, описания и сказки" (стр. 75-104), тексты в котором - их всего 37 - позаимствованы, главным образом, из очень популярных и широко употреблявшихся в русской школе книг для чтения И. Паульсона, а также из "Подснежника", "Сельского чтения" и детских книжек Плещеева и Берга. В этом разделе, предназначенном для практики в чтении, пересказе, переводе и заучивании наизусть, встречаются и художественные произведения известных авторов, в частности 10 басен Крылова, а также сказки из сборников А. Н. Афанасьева. Тексты снабжены постатейным русско-эстонским словариком. В разделе "Пословицы и поговорки из повседневной жизни" приведено 96 образцов этого рода фольклора с переводом на эстонский язык.

В 1871 г. в Риге выходит учебник П. Михкельсона "Русская

¹ Еще в 1867 г. в Дерпте было издано учебное пособие Д. Мевеса "Литературные гости в России", где собраны иностранные заимствования в русском языке. В 1868 г. в Аренсбурге вышел его учебник "Отечественное слово. Руководство к первоначальному чтению и письму... Первый год", предназначенный для немецких начальных училищ. В июле 1870 г. он был рекомендован Ученым комитетом МНЦ к употреблению в школах Прибалтийского края (Сборник распоряжений по МНЦ. Т. IV. СПб., 1874, столб. 927), на него появилась положительная рецензия в МНЦ (1870, ч. CLII, декабрь, отд. III, стр. 211-214). В 1876 г. в Риге Д. Мевес выпустил "Словарь употребительнейших слов и выражений в русском и эстонском языках" - один из первых в этом роде. В 1888 г. вышла его "Книга для чтения и практических упражнений в русском языке. Руководство для народных школ. С русско-эстонским словарем. 2-е дополн. и испр. изд." В виде приложения к ней отдельным изданием был опубликован в том же 1888 г. "Разбор и объяснение статей, вошедших в состав "Книги для чтения с русско-эстонским словарем". Перу Д. Мевеса принадлежит также исследование по фонетике эстонского языка.

азбука для эстов" (2-е изд. - Рига, 1875; 3-е - Митава, 1876; 4-е - Митава, 1878; 5-е дополн. изд. - Рига, 1882). Автор новой книги - П.М. Михкельсон (1842-1914), выпускник Московской духовной академии, - работал преподавателем физики и математики и инспектором Рижской духовной семинарии. Он перевел на эстонский язык и отредактировал много православных книг; в частности, П.Михкельсон в течение нескольких лет издавал православный календарь для эстонцев.¹

Как и "Руководство" Д. Мевеса, пособие П.Михкельсона явно выделяется в лучшую сторону на фоне тогдашних учебников русского языка для эстонских школ. В конце книги имеется специальный раздел "Статьи для чтения" (всего 19 номеров) с параллельным переводом на эстонский язык. Среди приведенных здесь текстов есть и образцы русской художественной литературы, в том числе и произведения (или отрывки из них) известных писателей-классиков: притча И.И. Дмитриева "Муха", басня И.А. Крылова "Две бочки", рассказ В.И. Даля "Что знаешь, о том не спрашивай", стихотворения Д.В. Ладовской "Нива" и А.В. Кольцова "Что ты спишь, мужичок". Остальные рассказы также позаимствованы из популярных русских школьных хрестоматий тех лет. Правда, авторы их в книге не указываются. В пятом издании раздел "Статей для чтения" был значительно увеличен - до 31 номера. Из новых произведений отметим басню И.А. Крылова "Волк и кот".

Учебники П.Михкельсона, выходявшие довольно большими тиражами (1-ое изд. - 3550 экз., 5-ое - 10 000 экз.), получили сравнительно широкое распространение в православных сельских школах.

¹ О П.М. Михкельсоне см.: Двадцатипятилетний юбилей П.М. Михкельсона. - "Рижский вестник", 28.IX 1892, № 213; Двадцатипятилетний юбилей учебно-воспитательной деятельности преподавателя Рижской духовной семинарии П.М. Михкельсона. - "Рижские епархиальные ведомости", 15.X 1892, № 20, стр. 765-767 (см. также, стр. 767-776); некрологи - "Рижский вестник", 24.X 1914, № 245; "Рижские епархиальные ведомости", 1.XI 1914, № 21, стр. 629-631; 15.XI 1914, № 22, стр. 652-662; "Nääl" 22.XI 1914, nr.86.

Вслед за тем учебники русского языка для эстонцев начинают выходить один за другим,¹ но многие из них были очень невысоки по качеству. Укажем хотя бы на учебник П. Лопенове, вышедший в свет в 1877 г. и затем переизданный в 1878 и 1888 гг. Автор его — Пауль Лопенове, финн по национальности, — был пастором и учителем сначала в Нарве, а затем в Йыелехтме. Устарелое по методу, полное грубых ошибок, странных пропусков и фраз, способных привести в ужас каждого, кто хоть немного владеет русским, демонстрирующее одновременно слабое знание его автором и эстонского языка пособие П. Лопенове, тем не менее, было утверждено Эстляндской консисторией в качестве единственного учебника русского языка для эстонских лютеранских школ в Эстляндской губернии и продержалось в них до конца 1880-х гг. Один из рецензентов прямо писал, что худшего учебника невозможно придумать; появление в свет при отеческой поддержке консистории третьего его издания заставляет усомниться в том, действительно ли мы живем в XIX веке.² От такого учебника, скорее, можно рехнуться, одуреть, чем выучить русский язык, — писал другой автор.³ Но ничто: ни протесты учителей, ни уничтожающие отзывы в печати, появлявшиеся на протяжении многих лет,⁴ —

¹ J. N e b o s a t >. Venekeele Grammatik kõnelemistega. Kõige kergem viis lühikese ajaga iseõpetuse läbi venekeelt õppida. Rakvere 1872; Uus Vennekeele Oppimise-ramat. Essimiseks õppimiseks iseärranis lastele ja kõikile neile, kes Vennekeelt soovivad õppida räkima, luggema ja kirjutama. Maakeele ümberpannud W. N <ormann>. Tartus 1873 (2. tr. — 1880; учебник был переведен Виллемом Норманном (1812-1906), учителем в Симуна, с немецкого, см. об этом: "Postimees" 24.II 1906, nr.45); <E. W. S c h n e i d e r >. Lühikene Vene keele lugemise õpetus. Tartus 1876 (2. täiend. tr. — 1885; см. отрицательную рецензию на учебник: —o—. Uued kooliraamatud. — "Eesti Postimehe lisaleht" 1876, nr.49, lk. 300).

² "Oma Maa" 1889, nr.1, lk. 59.

³ "Virulane" 3.IV 1884, nr.14.

⁴ "Valgus" 18.XI 1883, nr.86, 29.XI 1883, nr.89, 16.IV 1884, nr.23, 10.XII 1887, nr.50; "Kündja" 27.VI 1884, nr.26, lk. 305.

- не помогло: консистория продолжала настаивать на употреблении в школах именно пособия Лопенове и в то же время за-
прещала пользоваться несравненно лучшими учебниками К.Х.Ниг-
голя.¹ Образцов русской художественной литературы в книге
П. Лопенове не было.

В 1876 г. выходит эстонский перевод известного учебника
Ф.Голотузова для немецких школ "Leitfaden zum ersten Unter-
richt in der russischen Sprache",² к этому времени
выдержавшего уже 13 изданий. Перевод был сделан еще в конце
1873 г. на таллинское "наречие" и затем издан в переработан-
ном виде.³ Учебник должен был дать материал для обучения
русскому языку в народных школах на протяжении всего курса.
Второй отдел учебника представлял собой хрестоматию, книгу
для чтения, и состоял из нескольких подразделов: "Описание
самых обыкновенных предметов" ("Земля", "Вода", "Страны
овета, времена года и части дня", "Поле и луг", "Лес", "Ди-
кие животные" и т.д.), "Басня, анекдоты, описания и расска-
зы" (в этом подразделе есть прозаические пересказы крыло-
вских басен) и "Стихотворения". В последнем подразделе
приведено 12 стихотворений, в их числе "Весенние воды"
Ф.Тютчева, "Рыбка" А.Фета, "Сенокос" А. Майкова, "Змея и
пиявица" И. Дмитриева, две басни А.Измайлова. Все тексты
снабжены ударениями; и в подстрочных примечаниях дан пере-
вод незнакомых слов. Учебник завершает русско-эстонский
разговорник.

Учебник Ф. Голотузова вызвал противоречивые отклики в
эстонской печати: наряду с положительными отзывами⁴ появи-

1 "Valgus" 28.I 1884, nr.7, 15.XII 1888, nr.51;

Русский язык в эстляндских лютеранских школах. -

"Рижский вестник", 13.IV 1882, № 80.

2 Juhataja Vene keele õpetusele. Kirjutamise ja lugemise
õpetusele pruugitav õpetuse viis. Rahvakoolidele kirja
pannud F. G o l o t u z o v. Tallinnas 1876. 2.tr.-1883.

3 -.-. Mõni sõna Golotusovi ümbertulgiat. - "Eesti Posti-
mees" 2.II 1877, nr. 5, lk.28.

4 "Perno Postimees" 26.XI 1876, nr.48, lk. 413.

лись и весьма критические. Один из рецензентов отмечал, что азбука в учебнике слишком растянута, не подготовлен переход прямо от азбуки к чтению связанных текстов, минуя грамматику, нет текстов для перевода с эстонского на русский, и, наконец, учебник плохо переложен с немецкого языка на эстонский. Хотя эта критика и вызвала возражения, принадлежность, видимо, переводчику книги на эстонский язык,² но она в значительной мере справедлива. Простой перевод на эстонский язык учебника, предназначенного для немцев, не оправдал себя, тем более, что в немецких школах, кроме "Leitfaden" Ф. Голотусова, имелись еще и отдельные учебники русской грамматики. Надо было создавать специальные оригинальные учебники русского языка для эстонских школ, и они начинают появляться с середины 1870-х гг.

Заслуга создания первых основательных оригинальных учебников русского языка для эстонцев принадлежит К.Х. Нигголю.

Карл Хейрих Нигголь (1851-1927) после окончания в 1870 г. Тартуской учительской семинарии работал преподавателем русского языка и математики в начальных школах Тарту. Позже он сдал экзамен на учителя уездного училища и с 1880 г. преподавал в Тартуском уездном училище до его закрытия в 1888 г. в связи с русификацией. По совместительству он уже с 1870-х гг. преподавал русский язык и в Холманиновской учительской семинарии, готовившей учителей для эстонских сельских школ. К.Х. Нигголь принимал деятельное участие в эстонском национальном движении, примыкая к его умеренному, либерально-клерикальному крылу, возглавляемому Я.В. Янсенем и Я. Хуртом.³

¹ -о-. Uued koolliraamatud. - "Eesti Postimehe lisaleht" 1876, nr.49, lk. 300.

² "Eesti Postimees" 2.II 1877, nr.5, lk.28. Cp.: -о-. Vastuseks selle pääle, mis "E.P." Nr.5 Golotusovi ümbertulgist kõneldi. - Ibid., 16.II 1877, nr.7, lk. 42.

³ О К.Х. Нигголе см.: Carl Heinrich Niggol. - "Linda" 30. IV 1889, nr.3, lk.136; C.H.H i g g o l .Minu mälestused varemast ajast (alates 1851.a.). - "Eesti Kirjandus" 1926, nr.nr. 9-12; К.Е. С ö ö в. Carl Heinrich Niggol. †. - Ibid., 1927, nr.3, lk. 139-143; A.J.Ü r g e n s t e i n). Carl Heinrich Niggol. †. - "Postimees" 1.III 1927, nr.59.

В 1874 г. К.Х.Нигголь приступил к работе над специальным учебником русского языка для эстонских народных школ, который и вышел в свет в 1876 г. /фактически в 1875 г./ в виде отдельного выпуска "Записок Общества эстонских литераторов"¹. Вслед за этим учебник большими тиражами переиздавался много раз. В 1892 г. вышло его 8-е издание. Начиная с 5-го издания /1887/, учебник был несколько дополнен. Он сразу же стал применяться в школах².

Книга открывается обширным введением, в котором К.Х.Нигголь дает ценные методические советы учителям о том, как лучше преподавать русский язык учащимся эстонских школ и как рациональнее пользоваться учебником. Кстати, это была едва ли не первая подобного рода методическая разработка. К.Х.Нигголь выступает в ней за сознательное и наглядное обучение языку, против голой зубрежки. Он требует от учеников осмысления всего, что проходит на уроках и дома. Грамматика должна изучаться не ради самой грамматики /этим нередко грешили в ту пору в школе, где заучивание грамматических правил превращалось в самоцель/, а ради овладения языком. К.Х.Нигголь всячески подчеркивает, что чужой язык можно выучить лишь при помощи показа, постоянных упражнений и разъяснений, ни на минуту не забывая о повторении и сравнении. За этими общими указаниями следуют конкретные практические советы о том, как должны проходить в классе отдельные разделы учебника, на что учитель должен обращать особое внимание и какие трудности подстерегают его.

¹ Vene keele õppimise raamat. Eesti rahvakoolidele kirja pannud C.H.Niggol. Tartus 1876 [Eesti Kirjameeste Seltsi Toimetused, Nr. 2].

² Напр., в Отепяской приходской школе учебник К.Х.Нигголя был в употреблении уже в 1876 г. (см. "Neue Dorptsche Zeitung", 18.XI 1876, № 269); этим в значительной мере объяснялись и успехи учеников этой школы в русском языке.

Сам учебник состоит из трех частей. Первая часть - "Азбука". При ее изучении главное, - считает автор, - чтобы ученики овладели произношением русских звуков, а также научились русскому письму. Вторая часть - "Отдельные предложения" - должна дать учащимся определенный словарный запас, закрепить навыки правильного русского произношения и письма и одновременно обучить их основам русской грамматики. Наконец, третья часть - "Отрывки для чтения, стихотворения и разговоры" - дает материал для чтения, перевода, пересказа и заучивания наизусть. Этот раздел включает 57 текстов, позаимствованных из русских школьных хрестоматий и книг для чтения /в первую очередь, из книги Ф.Голотузова/. Первые 30 текстов - прозаические; это, главным образом, небольшие занимательные рассказы с нравоучительной тенденцией, редко принадлежащие перу известных авторов. За этим следует 11 стихотворных текстов, в их числе хрестоматийные "Приглашение в школу" /"Дети, в школу собирайтесь..."/ Д.Н.Модзалевского /из "Родного слова" К.Д.Ушинского/, "Птичка" Ф.И.Туманского, "Птичка боия не знает..." А.С.Пушкина, "Песня бедняка" В.А.Жуковского, "Сенокос" А.Н.Майкова, "Змея и пиявица" И.И.Дмитриева и др. Завершают этот раздел 16 текстов для перевода с эстонского на русский, за ними следуют разговорник и словарь.

Как отмечалось и в критике,¹ учебник К.Х.Нигголя давал достаточный и разнообразный материал для обучения русскому языку в сельских школах. В книге во всем виден определенный план, материал хорошо скомпонован, отдельные части связаны друг с другом. В расположении материала последовательно выдержан принцип перехода от более легкого к более трудному. Ученик сначала овладевает известным запасом слов, затем уже изучает основы грамматики и параллельно с этим обучается практической речи, разговору. Привлекает обилие и разнообразие упражнений. К.Х.Нигголь все время стремится заинтересовать учащихся, заставить работать их мысль. Критика отмечала и безукоризненный эстонский язык учебника.

¹R.K. C.H.Niggoli "Vene keele õppimise raamat". - "Eesti Postimees" 22.X 1875, nr. 43, lk. 254.

Правда, в подборе примеров, в построении фраз в учебнике все же порой чувствуется, что автором его не был природный русский, не был человек, в совершенстве владеющий живым русским языком. Но, впрочем, грубых ошибок, подобных тем, что встречались в учебнике П. Лопенове, у Нигголя нет.

Учебник К.Х.Нигголя пользовался большим авторитетом у эстонских учителей. Они и в конце 1880-х - начале 1890-х гг. отдавали ему предпочтение перед всеми весьма многочисленными новыми учебниками русского языка.¹ И в Эстляндии, где, как мы видели, консистория длительное время рекомендовала лишь пособие П. Лопенове, учителя, вопреки запрету, пользовались учебниками К.Х.Нигголя,² что приводило даже к открытым конфликтам, как это, например, имело место в 1882 г. в Маарду с учителем Буком.³

Вслед за первым учебником К.Х.Нигголь создал ряд других, также в большинстве широко употреблявшихся в школах.

Поскольку первый учебник все же был велик, рассчитан не только на курс волостной, но и приходской школы и к тому же не всем доступен по цене, то в 1877 г. К.Х.Нигголь выпустил на его основе элементарный учебник, рассчитанный прежде всего на учащихся волостных школ, начинающих изучать русский язык.⁴ Количество связанных текстов в нем сведено к минимуму /всего 12/, и они очень просты по форме и содержанию. Из стихотворений в этом разделе сохранилась лишь "Птичка" Ф.И.Туманского. В пятом, исправленном и до-

¹ См. "Virulane" 2.XI 1887, nr. 45, lk. 3; "Oma Maa" 1888, nr. 11, lk. 231-232; "Virmaline" 24.III 1892, nr. 13, lk. 3 (A.R.-I.Kirjandusest).

² "Valgus" 28.1 1884, nr. 7, lk. 3.

³ H.Speer. Op.cit., S. 461-462.

⁴ Vene keeli abd raamat. Kokku pannud oma "Vene keele õppimise raamatu" (Kirjameeste Seltsi Toimetused Nr. 2) järele C.H.Niggol. Tartus 1877 (2. tr. - 1878, 3. tr. - 1883, 4 tr. - 1887, 5 tr. - 1887).

полном, издании К.Х.Нигтоль несколько увеличил число текстов; среди них появилось еще стихотворение Л.Модзалевского "Вечерняя заря весной" из "Родного слова" К.Д.Ушинского.

В 1889 г. К.Х.Нигтоль выпустил новый сокращенный вариант своего элементарного учебника "Vene keele abd raamat".¹ Впрочем, сократив учебник в целом, он одновременно несколько дополнил его хрестоматийную часть, где возросло и число художественных текстов, в частности, появилось стихотворение А.С.Пушкина "Золото и булат", отрывок из "Крестьянских детей" Н.А.Некрасова /"Сын видит, как поле отец удобряет.."/ и другие.

В 1878 г. вышла в свет "Грамматика русского языка /морфология/" К.Х.Нигтоля,² в 1884 г. переизданная. Как и все, за что брался К.Х.Нигтоль, его грамматика сделана весьма основательно. При ее составлении он использовал учебники Николича, Говорова, Соснецкого, Перевлесского, Шёнберга, Павловского, Милленберга и Пилемана, а в переводе русской грамматической терминологии на эстонский язык ему помогал Я.Хурт.

В плане нашей работы особое значение имеет обширная "Русская хрестоматия" К.Х.Нигтоля, вышедшая в 1883 г.³

Потребность в подобной хрестоматии ощущалась уже и до этого, о чем свидетельствуют предпринимавшиеся и ранее попытки создать небольшие русские книжки для чтения, рассчитанные на эстонских школьников. Еще в 1879 г. учитель школы общества "Калевипоэг" в Раквере М. Линденберг выпустил посвященный эстонским детям сборник "Русские стихотворения для разбора и заучивания наизусть" /Дерпт, 1879/. В предисловии к нему составитель указал, что цель книжки - помочь детям при изучении русского языка, дать им материал

¹ Lühikene Vene keele abd raamat. Kokku saadnud C.H.Niggol. Tartus 1889.

² Vene keele grammatika. Sõnaõpetus. Kirja pannud C.H.Niggol. Tartus 1878.

³ Русская Хрестоматия. Vene keele lugemise raamat sõnastikuga. Eesti koolidele kokku saadnud C.H.Niggol. Tartus 1883.

для чтения, перевода, пересказа и письменных сочинений, соответствующий уровень их развития и, вместе с тем, эстетически и нравственно значительный. В сборник было включено свыше 40 текстов, в их числе стихотворения или отрывки из произведений А.Пушкина, М.Лермонтова, А.Кольцова, А.Майкова, И.Никитина, семь басен И.Крылова, народные песни, пословицы и поговорки. В сборнике мы находим и переработку стихотворения Н.Некрасова "Школьник". Это, конечно, компиляция из русских детских книг для чтения, в целом сравнительно удачная. Но все же она не могла заменить специальной хрестоматии.

"Русская хрестоматия" К.Х.Нигголя включает 313 текстов, очень разнообразных по содержанию. Среди них преобладают образцы художественной литературы и фольклора: рассказы и отрывки из более крупных прозаических произведений /79 номеров/, стихотворения или отрывки из поэм /52 номера/, басни и притчи /37 номеров/, а также сказки /20 номеров/, пословицы и поговорки /9 номеров/. Но весьма много произведений, не относящихся к изящной словесности: исторических рассказов и описаний разных областей России и населяющих ее народов /48 номеров; впрочем, среди них есть и образцы художественных произведений/, описаний явлений природы, сельского труда, рассказов биографического характера и других отрывков, которые можно условно отнести к научно-популярной литературе для детей. Таким образом, по своему типу "Русская хрестоматия" К.Х.Нигголя напоминала известные книги для чтения И.Паульсона и К.Ушинского. Правда, в расположении материала не заметно строгой системы: не соблюден ни тематический, ни жанровый принцип. Составитель стремился лишь к тому, чтобы, по возможности, расположить статьи по степени их трудности — от легких к более трудным. Иногда, впрочем, он группирует вместе близкие по тематике статьи.

В хрестоматию включено много произведений известных русских писателей, так что она давала эстонскому школьнику некоторое представление о русской словесности. Особенно

широко в книге были представлены А.Пушкин /18 номеров, в том числе отрывки из "Евгения Онегина", "Медного всадника", "Капитанской дочки", "Дубровского", "Цыган", стихотворения "Земная дорога", "Конь", "Пир Петра Великого", "Вновь я посетил..." / и И.Крылов /14 басен/. Из других русских поэтов мы находим стихотворения В.Жуковского /4 номера/, Н.Языкова /5/, М.Лермонтова /2/, Ф.Тютчева /2/, А.Кольцова/3/, А.Майкова /7/, И.Никитина /5/, А.Фета /1/, Н.Огарева /2/, Н.Некрасова /"Школьник"/, басни И.Хемницера /4/, И.Дмитриева /4/ и А.Измайлова /3/. Встречаются рассказы и отрывки /главным образом, пейзажные/ из более крупных произведений Н.Гоголя /2; в том числе из "Тараса Бульбы"/, В.Даля /12/, Д.Григоровича /7/, С.Аксакова /5/, И.Тургенева /6/, И.Гончарова /1/, Л.Толстого /5/. В хрестоматию включено 8 сказок из сборников А.Афанасьева. Отрывки исторического содержания позаимствованы, главным образом, из работ Н.Полевого, Д.Иловайского и Н.Карамзина. В хрестоматию включено в русском переводе и известное сказание Ф.Р.Фельмана "Ванемуйне", взятое из книги Ф.Голотузова.

Однако в отборе материала для хрестоматии не всегда чувствуется система, и кое-что в ее составе не может не вызвать удивления. Так, наряду с современными вещами в хрестоматию были включены отдельные откровенно устаревшие произведения /точнее, отрывки из них/ Ф.Глинки, В.Баженова, Ф.Булгарина и С.Ширинского-Шихматова. Не все отрывки одинаково удачны и понятны учащимся.

Объясняется это тем, что К.Х.Нигголь не был знатоком русской литературы. Он, в основном, ориентировался на уже имевшиеся и зачастую несколько устаревшие хрестоматии и детские книги для чтения. Многие тексты в его книге прямо заимствованы из хрестоматий И.Паульсона, П.Басистова, П.Полевого, Ф.Голотузова, В.Водовозова, И.Николича и С.Шафранова, А.Филонова, из "Сельского чтения", "Детского мира", "Звездочки" и "Народного чтения". По существу, "Русская хрестоматия" К.Х.Нигголя — это компиляция из указанных

выше и некоторых других русских книг для чтения. Отсюда и налет официозности в ней, в отборе произведений заметно следование общепринятым, санкционированным свыше образцам.

Однако не будем слишком строгими к К.Х.Нигголю. Так же в ту пору поступало подавляющее большинство составителей подобных хрестоматий. Наоборот, следует отдать должное нашему автору: он просмотрел свыше 15 хрестоматий и книг для чтения, консультировался с преподавателем русской словесности в Дерптской гимназии и приват-доцентом русского языка в университете А.Соколовым /который сам занимался составлением хрестоматий для гимназий/ и, в основном, — за малым исключением — подобрал действительно значительные и интересные отрывки, считавшиеся в те годы чуть ли не обязательными в такого рода книгах. Любопытно, что в хрестоматии К.Х.Нигголя нет ссылок на К.Д.Ушинского, хотя мимо его опыта эстонский автор все же, по-видимому, не прошел и отдельные тексты из его книг для чтения в хрестоматии встречаются. Возможно, это связано с тем, что как раз в середине 1880-х гг. начинаются ожесточенные нападки реакционеров на книги К.Д.Ушинского и через несколько лет некоторые из них изымаются из школьного обращения.

"Русская хрестоматия" была рассчитана на учеников старших классов народных — прежде всего приходских — школ, уже овладевших азами языка, основами грамматики. Однако, как можно предполагать, особенно широкого применения в эстонской школе тех лет она не нашла: об этом свидетельствует в числе прочего и то, что, в отличие от других учебных книг К.Х.Нигголя, его "Русская хрестоматия" не переиздавалась. Среди учащихся эстонских школ было еще мало таких, кто мог бы свободно читать русские тексты. И все же некоторую роль в ознакомлении эстонцев с русской словесностью хрестоматия К.Х.Нигголя сыграла.

Для облегчения пользования ею К.Х.Нигголь выпустил

специальный русско-эстонский словарь,¹ насчитывающий 12000 слов. Составление его потребовало от автора много труда.

В 1884 г. К.Х.Нигголь издал хрестоматию текстов для переводов с эстонского языка на русский.² Любопытно, что и здесь большинство номеров представляют собой переводы на эстонский язык статей и рассказов из популярных русских хрестоматий Паульсона, Басистова, Голотузова, Водовозова и других. Среди предлагаемых эстонским учащимся для перевода на русский язык текстов мы встречаем, например, прозаические пересказы басен И.Крылова /№ 82 "Ворона и лисица", № 87 "Стрекоза и муравей"/.

Наконец, в 1889 г. К.Х.Нигголь выпустил новый сокращенный вариант своего первого и наиболее популярного многократно переиздававшегося учебника "Vene keele õppimise raamat".³ Сокращению - и весьма основательному - здесь подвергся раздел грамматики /вместо 112 параграфов - 39/. Но число образцов художественной литературы, как и вообще текстов для чтения, напротив, возросло. Уже в "грамматических" параграфах в качестве примеров часто даются детские стишки или стихотворные отрывки из "серьезных" произведений /А.Плещеев "Капля дождевая", В.Жуковский "Птичка летает, птичка играет..." и др./.

Среди четырех десятков текстов для чтения мы опять встречаем традиционные хрестоматийные "Птичка божия не знает..." А.Пушкина, "Ласточку" А.Плещеева, "Летний дождь" и "Сенокос" А.Майкова, "Птичку" Ф.Туманского, "Сироту" К.Петерсона, "Приглашение в школу" Л.Модзалевского, басни Крылова и т.д. Это увеличение числа образцов поэтических текстов, которое мы выше отметили и в

¹ Vene-eesti keele sõnastik, mis vene keele lugemise raamatu tarvis valmistatud ja saält välja trükitud on. Eesti koolidele kokku saadnud C.H.Niggol, Tartus 1883.

² Ingemised eesti keelest vene keele ümber panna. Sõnastikuga. Eesti koolidele kokku saadnud C.H.Niggol, Tartus 1884.

³ Lühikene Vene keele õppimise raamat. Eesti koolidele kokku saadnud C.H.Niggol, Tartus 1889 (2. tr. - 1891).

сокращенном варианте элементарного учебника К.Х.Нигголя 1889 г., отражало новне веаяня, окончательню восторжествованне в эти годы в учебной литературе по русскому языку для "инородцев" /о них у нас еще пойдет речь ниже/.

Новый учебник К.Х.Нигголя также был хорошо принят учителями. В одной из статей указывалось, что "Сокращенный учебник русского языка" Нигголя лучше и быстрее приведет школьников к классической русской литературе, нежели зубрежка некоторых "полных" учебников.¹ Однако с усилением русификации получившие широкое распространение учебные книги К.Х.Нигголя постепенно исчезают из школьного обихода.

В 1883 г. был издан учебник русского языка, принадлежащий перу известного писателя и педагога Юхана Кундера /в 1888 г. вышло второе его издание²/. Это элементарный и в общем не очень удачный учебник, предназначенный для первоначального обучения эстонских школьников русскому языку³. Среди немногочисленных текстов для чтения в нем имеется и несколько стихотворений: "Рыба и дева" /"Дева у моря сидела..." / Н.Берга, "Муха" И.Дмитриева, "Песенка розы" А.Пчельниковой. Особого значения они не имеют.

В середине 1880-х гг., в связи с расширением преподавания русского языка в эстонских школах и началом русификации, резко возросла потребность в учебниках по этому предмету. За их создание теперь нередко берутся люди, мало под-

¹ A.R-1. Kirjandusest. - "Virmaline" 24.III 1892, nr.13. Впрочем, в мемуарной литературе можно встретить и иные оценки учебника К.Х.Нигголя. Так, известный эстонский писатель М.Метсанурк прямо называет его очень плохим, наполненным глупыми фразами, которые совершенно не запоминались, и т.д. /см. Mait Metsanurk. Tee algul. Mälestused. I. Tallinn, 1946, lk.143-144/. Отдельные примеры в учебнике, действительно, носили несколько искусственный характер.

² Esimene õpetus Vene keeles. Väljaannud J.Kunder.Teine trükk. Riias ja Tartus <1888> [Eesti Kirjameeste Seltsi toimetused Nr. 64].

³ Тем не менее учебник был положительно оценен некоторыми учителями, см. письмо Viru Mikk'a в "Valgus" 16.IV 1884, nr. 23.

готовленные, поскольку издание учебников становится весьма выгодным. "В последнее время на учебники русского языка такая же мода, как на календари, — с иронией писал один из современников. — Каждый, кто понимает хоть несколько русских слов, считает себя уже вправе написать учебник русского языка".¹ Примером того, как к важному делу "примазываются" халтурщики, могут служить учебники М.Тыниссона². Тем не менее, как это ни удивительно, его первое пособие даже было положительно встречено в печати³ и употреблялось в отдельных школах.⁴ Это показывает, насколько низки были еще в ту пору требования к учебникам и как невзыскательны к ним были учителя, как правило, сами не владевшие русским языком и поэтому неспособные судить об учебниках этого предмета по существу.

Учебники пишут и крупные деятели на ниве эстонской культуры; так, например, небезызвестный писатель и переводчик М.Пиддер создает неплохую краткую грамматику русского языка.⁵ Но М.Пиддер, в отличие от многих, все же хорошо знал русский язык. Между тем за создание учебников в ряде случаев берутся люди, плохо владевшие им. Так, в

¹ "Oma Maa" 1888, nr. 11, lk. 231. Автором анонимной статьи был Я. Ингвер /см. об этом: "Postimees" 17.XII 1888, nr. 145, lk.3/.

² Venekeele õpetus. Esimeseks hakatuseks koolides ja kodus õppijatele. Kirjutanud ja väljaandnud M. Tonisson, Tartus 1886; Учебник русского языка для эстонских училищ. Составили А. Полещук и М. Тыниссон. Часть I. Vene keele õpetus Eesti koolide jaoks valmistatud A. Poleschtschuk ja M. Tonisson. I jagu. Tallinnas 1888.

³ "Virulane" 14.X 1886, nr. 42, 23.XII 1886, nr. 52; "Postimees" 25.X 1886, nr. 44.

⁴ "Virulane" 21.XII 1887, nr. 52, lk. 2.

⁵ Lühikene Vene keele grammatika. Esimene jagu. Etimologia või sõnade õpetus. Paremate abinõude najal kokku seadnud M. Põdder, Tartus 1884.

1887—1888 гг. свои учебники русского языка издает К. А. Херманн¹, поэт, журналист, композитор и общественный деятель, лектор эстонского языка в университете. Первое его пособие представляет собой элементарный учебник для эстонских волостных школ, где образцов русской художественной литературы нет. Второй, более полный учебник содержит довольно много маленьких рассказиков и отрывков из стихотворений, позаимствованных из русских хрестоматий и книг для чтения; причем достойно внимания, что К. А. Херманн широко обращается к книгам К. Ушинского и Л. Толстого. В учебнике в качестве текстов для чтения и перевода приводятся отрывки из стихов А. Пушкина /"Зима! Крестьянин, торжествуя ...", отрывки из "Зимнего вечера" и "Зимнего утра"/, В. Жуковского, А. Кольцова /"Песня пахаря"/, И. Никитина, Ф. Тютчева, А. Фета, А. Майкова, Н. Некрасова /отрывки из "Крестьянских детей"/, из басен И. Крылова, И. Дмитриева, И. Хемницера и А. Измайлова, из русских сказок и народных песен, половицы и поговорки. Эти тексты приобщали учащихся к мало знакомому им миру русской словесности.

Но отдельные положительные стороны учебников К. А. Херманна были сведены на нет слабым знанием русского языка и литературы автором. Примеры в его книгах пестрят грубыми ошибками, они, как правило, аляповаты и плохо звучат по-русски². Один из рецензентов насчитал в "Полном руковод-

¹ Vene keele õpiraamat. Iseäranis vallakoolidele ja iseõppimise tarbeks kirjutanud Dr. K. A. Hermann. Esimene jagu. Tartus 1887 (2. tr. - 1887, 3. par. tr. - 1888); Teiselise Vene keele õpiraamat. Iseäranis Eesti koolidele ja iseõppimise tarbeks. Kirjutanud Dr. K. A. Hermann. Tartus 1888.

² Многочисленные образцы подобных ошибок из учебников К. А. Херманна привел А. Ротан /см. А. Ротан. О педагогической литературе в Прибалтийском крае. - "Русская школа", 1891, № 5/6, стр. 248—250/. Он же отметил, что между разговорами, включенными в первый учебник Херманна, нет никакой связи: "Учиться по такой книге, конечно, нельзя" /там же, стр. 249/. Те же "невозможнейшие обороты" и то же обилие грамматических ошибок А. Ротан нашел и в третьем, переработанном издании учебника.

стве по русскому языку" К.А.Херманна 1760 ошибок, т.е. в среднем по 10 ошибок на каждую страницу!¹ Особенно анекдотичен был разбор пушкинского отрывка "Зима! Крестьянин, торжествуя..." Рецензент "Рижского вестника", отметив "потешные промахи против русского языка" д-ра Германа, так пересказывал этот разбор: "Его лошадка снег почуя /от глагола почевать, учит д-р Г./ плетется рысью /как крыса, рысь - крыса, объясняет д-р Г./. "Бразды пушистые взрывая" в переводе д-ра Германа выходит так: "Поводья волокнистые разрывает /от рвать/". "Ящик сидит на облучке" /именительный падеж: облучка, учит д-р Г./. Ровно восемь промахов на восьми строках."² В этом ироническом пересказе рецензента, увы, нет преувеличений. Откровенно курьезный характер носили и многие другие ошибки в книге: "шагы", "лучы", "балк" /вместо "балка"/, "тёсо" /"тёс"/, "смять" /"смолоть"/, "тененный" /от слова "тень"/, "красный" /от "краска"/ и т.д. Хотя некоторые из этих ошибок, по-видимому, надо отнести за счет опечаток, но и они свидетельствовали о слабых познаниях автора учебника в русском языке. Не помогло даже то, что рукопись его, если верить К.А.Херманну, просмотрел профессор сравнительной грамматики славянских языков Тартуского университета, известный славист И.Бодуэн де Куртене.

В учебнике К.А.Херманна встречаются довольно грубые ошибки и литературного характера: басня И.Крылова "Мышь и крыса" почему-то приписана Пушкину, к произведениям же Крылова отнесена басня "Угорь и змея", ему не принадлежащая, Лермонтову приписаны какие-то рассказы, явно не вышедшие из-под его пера, и т.д.

Всё это и дало основание утверждать одному рецензенту: "Просматривая множество учебных пособий, выходящих теперь

¹ Üks koolmeister A-k. Kritika. - "Valgus" 24.VIII 1889, nr. 35. Ср. "Virvaline" 24.III 1892, nr. 13, lk. 3.

² А.Ч. Как дерптские ученые обучают эстов русскому языку. - "Рижский вестник", 21.X 1889, № 233.

в Прибалтийском крае, невольно поражаешься прежде всего незнанием того предмета, которому авторы их берутся поучать других."¹

И все же учебники К.А.Херманна употреблялись в школах, а первое его пособие при выходе в свет удостоилось даже сугубо положительной рецензии.²

В школах применялся также "Учебник государственного языка для эстов" в трех частях известного писателя и журналиста Адо Гренцштейна /Пирикиви/, вышедший в 1888-1890 гг. в Тарту и переиздававшийся.³ В нем не было столь грубых ошибок, как в учебнике К.А.Херманна, но в методическом отношении и в подборе текстов для чтения он кое в чем даже уступал последнему.⁴ Первая часть учебника А.Гренцштейна ставила целью первоначальное обучение школьников языку и представляла собой букварь. В ней поражал странный подбор слов, предназначенных для заучивания наизусть. Стремясь подобрать слова, одинаково звучащие по-русски и по-эстонски и имеющие одно и то же значение, А.Гренцштейн уже на седьмом уроке предлагал ученикам такие, как "крокодил", "мода", "студент", "адрес", "секунда", "цензор". Удивляло и расположение заучиваемых слов так, чтобы при чтении этот бессвязный набор превращался бы в некую ритмическую схему, в версификацию, которая должна была облегчить ученикам их запоминание. "В расположении букварного текста трудно проследить у г. Гренцштейна какой-нибудь план, - писал рецензент, - в выборе слов он положительно отсутствует".⁵

¹ А.Ротан. Цит. соч., стр. 251.

² "Olevik" 9.III 1887, nr. 11, lk. 2 (рецензент - J.E.).

³ A.Grenzstein. Riigikeele õpiramat eestlastele. I jagu. Tartus 1888; II jagu, Tartus 1888; III jagu, Tartus 1890.

⁴ Это отмечалось в статьях и рецензиях, см.: "Oma Maa" 1889, nr. 1, lk. 56-58 /рецензент К.К./; "Virmaline" 24.III 1892, nr. 13, lk. 3(A.R-1); "Sakala" 6.II 1892, nr. 6, 12.II 1892, nr. 7 (Üks kooliõpetaja. Venekeel vallakoolis).

⁵ А.Ротан. Цит. соч., стр. 246.

Со второй части в учебнике А.Гренцштейна появлялись тексты для чтения. Они, как и в других учебниках, большей частью позаимствованы составителем из разных русских элементарных хрестоматий и детских книг для чтения /в частности, из книг Е.Козина/; многие из них встречались уже у К.Х.Нигголя, М.Тыниссона и К.А.Херманна. В прозаических обработках встречаются иногда не совсем русские обороты речи /"доски у столов бывают круглые и угловатые"/ и стилистические шероховатости. В третьей части наряду с непритязательными детскими стишками -- вроде "Серого козлика", -- в целом преобладающими, мы видим и отдельные произведения или отрывки из них известных писателей. Но это все те же самые "Птичка божия не знает..." А.Пушкина, "Сенокос" А.Майкова, "Крестьянин и змея" И.Крылова и пр.

Подбор текстов для чтения и пересказа в целом мало удачен. Преобладают или идиллически-сентиментальные стишки, или выдержанные в официозном и религиозном духе примитивные рассказы с нравоучительной тенденцией. По-настоящему ценных художественных текстов очень мало, даже Крылов представлен лишь несколькими произведениями, а Лермонтова нет вообще.

К тому же многие тексты трудны для понимания школьников. А. Гренцштейн злоупотребляет фольклорными, простонародными текстами, сложными для восприятия учеников. Каждый параграф во второй и третьей частях его учебника завершается пословицей или загадкой /иногда и тем, и другим/ и поговоркой, зачастую представляющими собой речевые идиомы. Правда, А.Гренцштейн дает в конце выпуска их перевод или аналог на эстонском языке, но это лишь немного облегчает работу школьника, в которой все равно на первом плане оказывается зубрежка. Очень сложны были для восприятия школьников и отдельные народные песни /см., напр., № 108 "Коляда"/, как и некоторые стихотворения вроде "Звезд" А.Хомякова или "Клева" М.Дмитриева, в особенности же тексты религиозного характера, полные славянизмов /№ 91 "О дух мой", № 116 "Предай свое хождение", № 117 "Христа Господа" и др./.

Хотя откровенный налет официозности и монархизма характерен для всех учебных книг по русскому языку, вышедших в эти годы в Эстонии, но в учебниках А.Гренцштейна этот дух верноподданничества, религиозности и квасного патриотизма выступает особенно назойливо. А.Гренцштейн вводит в третью часть своего учебника панегирики царю, российскому солдату и великой державе Александра III.

В отличие от авторов большинства других учебников, А.Гренцштейн стремится включать в свои книги прежде всего песенные тексты и снабжает их нотами.

Прочие учебники, вышедшие в эти годы,¹ были, как правило, еще хуже книг К.А.Херманна и А.Гренцштейна.

Учителя, правда, несколько выше последних ставили учебники М.Поска, которые вскоре и получили широкое распространение в эстонских школах, но и они подверглись весьма суровой и в известной мере заслуженной критике.

Михкель /Михаил Иванович/ Поска /1860-1892/ был сыном бедного сельского псаломщика из Тартумаа, учился в Рижской духовной семинарии и после смерти отца, чтобы прокормить большую семью, стал работать причетником в Тарту. Он мечтал о высшем образовании, сумел поступить в университет и за два года /1884-85/ кончил отделение русского языка и словесности со степенью кандидата. В 1886-87 гг. М.Поска

¹Новый русско-эстонский букварь для упражнения в чтении, письме и разговоре. Составил J.Konsecwicz..., Riias ja Tartus 1885; <J.Nebocat>. Loosulik Venekeele võiduõpetus. Kõsõimise- ja kostõimemang Venekeele raakõimise ruttu kõtõesaamõise tarvis. <Riias 1886>/см. отзыв в "Циркулярах по Дерптскому учебному округу", 1889, № 1, стр. 61-62; <А.М.Лутс>. Esõimine Vene keele õppõimise raamat Eestlastele (aabitõisi õpetus keele harjutustega uhandatud). Koolõõpetaja Lutsu õõpetamõise viis. Kuresaares 1887 /см. отзыв в "Циркулярах по Дерптскому учебному округу", 1887, № 6, стр. 299-301; Наглядное обучение русскому языку и упражнения в разговоре посредством вопросов и ответов для употребления в эстонских элементарных училищах. По методе Лаврова и Фрейфельдта обработал Г.Штейн... Tallinnas 1887; Самоучитель русского языка. Vene keele õõpetaja iseõõppõijatele. Kirja pannud J.Jurkatam... Tartus 1888, и другие.

работал старшим учителем русского языка в городском реальном училище и в школе для девочек в Тарту, в 1887-89 гг. был инспектором народных школ Пярнуского и вслед за тем Ревельского /Таллинского/ округа. В конце жизни М.Поска был комиссаром по крестьянским делам в Рапла. Тяжелый труд и жизненные невзгоды рано подорвали его здоровье, и он умер в Петербурге еще совсем молодым.¹

В 1887 г. в Тарту тиражом в 6 000 экземпляров вышла "Русская Хрестоматия для эстонских народных училищ с приложением русско-эстонского словаря" М.Поски, вслед за тем переизданная в Таллине в 1890 и 1892 гг.

"Предстоящая книга имеет целью восполнить один из важнейших пробелов местной начальной школы - отсутствие сколько-нибудь подходящей русской книги для чтения, - отмечалось в предисловии к 1-му изданию. - Материал подобран, по возможности, такой, который годен был бы для устного пересказа, причем идиоматизмы русской речи встречаются приблизительно только во второй половине книги и целиком переведены в словаре".²

Книга М.Поски почти полностью вытеснила "Русскую хрестоматию" К.Х.Нигголя. Это объясняется тем, что тексты в хрестоматии М.Поски были более простыми и, следовательно, более доступными эстонским школьникам, чем у К.Х.Нигголя. К тому же они были невелики по размеру /особенно в начале книги/, что позволяло разобрать каждый из них за один урок. Это же было очень важно в процессе обучения в сельской школе.

В "Русской Хрестоматии" М.Поски 138 текстов. По своему характеру она напоминает книги для чтения К.Ушинского: в ней помещен разнообразный материал - зарисовки из жизни природы, животных, а также рассказы на исторические темы,

¹ О М.Поске см. некрологи: "Рижский вестник", 20.X 1892, № 230; "Valgus" 27.X 1892, nr. 45.

² Vene keele lugemise raamat eesti algus-koolidele tarvis Vene-eesti sõnaraamatuga. Kokku seadnud M. Poska. Tartus 1887, lk. V.

стихотворения, басни, притчи и т.д. Они заимствованы из популярных русских детских книг для чтения, прежде всего из книг Л.Толстого /из них взяты популярные рассказы и притчи - "Акула", "Лев и собачка" и др./. Среди включенных в книгу текстов имеются, как обычно, и произведения крупных авторов, правда, чаще всего общеизвестные, хрестоматийные, встречающиеся и в других подобных изданиях: "У лукоморья дуб зеленый..." и "Сказка о рыбаке и рыбке" А.Пушкина, басни И.Крылова /"Собака и лошадь", "Комар и пастух"/, много стихов А.Майкова /"Мать и дети", "Ласточка", "Нива", "Колыбельная песня", "Сенокос"/, отдельные стихотворения М.Лермонтова /"Горные вершины"/, Я.Полонского, Н.Берга, К.Петерсона и др. Особо следует отметить, что в хрестоматию был включен известный рассказ Л.Толстого "Бог правду в видит, да не скоро скажет".

К сожалению, в хрестоматии М.Поски было много неверно поставленных ударений /до ста в книге/, что затрудняло чтение, тем более, что большинство учителей не знало правильных ударений. Рецензенты нашли в книге немало описок и орфографических ошибок, трудных синтаксических оборотов, стилистических погрешностей /вроде "Однажды был один маленький мальчик", стр. 9/ и эстонизмов /"Шел мимо этой деревни цыган и хотел на ночь туда_остановиться", стр. 72/. Рецензенты обратили внимание также на отдельные несообразности в выборе статей, на то, что в стихотворении Некрасова "Осень в деревне" переставлены строки, и т.д. В результате один из рецензентов, А.Ротан, пришел, быть может, к слишком суровому выводу о том, что хрестоматия "г. Поски далеко не удовлетворяет тем педагогическим требованиям, которые предъявляются к подобного рода книгам. Если они и употребляются в школах, то лишь по пословице: "На безрыбьи и рак рыба".^I

В 1889 г. в Таллине вышел другой учебник М.Поски -

^I А.Ротан. Цит. соч., стр. 242.

"Обучение русскому языку и письму в местной сельской школе" /2-е изд. - 1890, 3-е - 1893/ - элементарное пособие для первоначального обучения детей языку, заменяющее букварь. Он интересен широким применением картинок. Это был один из первых учебников, в котором использовался новый наглядный метод обучения, который стал проникать в школу только в 1880-е гг. /мы имеем в виду преподавание русского языка/. В третьем издании в нем появились и кое-какие тексты для чтения, вроде "Приглашения в школу" Модзалевского и "Птички" Жуковского. Учебник был одобрительно встречен эстонской критикой¹ и неодобрительно - русской.

Уже цитированный нами А.Ротан, указав на ряд неудачных выражений и оборотов речи в книге М.Поски /"вы рыли снег", "купец весит сахар" и т.д./, утверждал, что "г. Поска совсем не имеет чутья к правильности русской речи, что русские выражения его походят на неудачный перевод с какого-то другого языка."² Он же обратил внимание на плохое качество и скудость содержания картинок в книге, на неточности и неполноту приведенных в ней правил относительно различия между произношением слов и их орфографией и т.д. "Творение г. Поски составлено поспешно. Спешность эта, вместе с плохим знанием русского языка, и послужила причиной указываемых мною недостатков", - резюмировал рецензент.³

Вывод его опять же представляется излишне суровым, в нем заметно презрительное отношение русификатора к "иностранческой" интеллигенции. В методическом отношении учебники М.Поски были удачнее многих других, а погрешности в языке и стиле в них не столь уж вопиющи. Но все же они были, и это не могло не снижать качества

¹ "Oma Maa" 1889, nr. 11, lk. 775-776.

²

А.Ротан. Цит. соч., стр. 243.

³ Там же, стр. 244.

его учебных пособий.

Разбирая учебники К.А.Херманна, А.Гренцштейна и М.Поски, мы, собственно, уже перешагнули хронологические рамки настоящего раздела, поскольку эти учебные книги употреблялись в первые годы русификации, когда совершался переход к обучению на русском языке в начальных школах. Но их рассмотрение здесь, в известной мере, оправдано тем, что после завершения указанного перехода они уступают место новым учебникам, прежде всего книгам М.Вольпера.

В отдельных школах, где работали более подготовленные учителя - выпускники Прибалтийской и Второй Тартуской учительских семинарий, уже в 1880-е гг. предпринимаются попытки использовать учебники для русских народных училищ. Так, известно, что в Вайке-Маарьяской приходской школе, где в 1883-1892 гг. преподавал воспитанник Прибалтийской учительской семинарии П.Койт, при изучении русского языка, кроме книги К.Х.Нитголя, использовались также учебники Кирпичникова и Паульсона¹. Кстати, уровень познаний учеников этой школы в русском языке был высок,² это еще раз подтверждает старую истину, что успехи в его изучении прежде всего зависели от знаний и личных качеств учителя.

Чтобы закончить анализ учебной литературы, принятой в народных школах, нам надо еще ответить на вопрос, не содержался ли какой-либо материал о русской литературе и вообще о России в хрестоматиях и школьных книгах для чтения на эстонском языке.

Наибольшее распространение в эстонских школах рассмат-

¹ Vāike-Maarja kihelkonnakool, praegune algkool, 1873-1923, lk.18. П.Койт, между прочим, был автором учебника русской истории на эстонском языке ("Vene riigi ajalugu", Rakvere 1885), впрочем, представлявшего собой довольно плохой перевод на эстонский язык сокращенного руководства по русской истории Д.Иловайского. Хотя он официально не был допущен в учебные заведения края, тем не менее, употреблялся в некоторых школах.

² Vāike-Maarja kihelkonnakool, praegune algkool, 1873-1923, lk. 19-20.

риваемого периода имели книги для чтения К.Р.Якобсона,¹ вождя эстонского национального движения, известного писателя и публициста. Однако в его книгах первоначально не было никаких материалов, касающихся русской литературы, да и статей о России было мало: в первой части – общее описание России и Сибири; в третьей части, в специальном разделе "Российское государство" – десять статей из истории и географии России /о Рюрике, Александре Невском, Александре I, о пастухах в степях южной России, о Крыме и Москве, об Отечественной войне 1812 г. и о Ломоносове, причем литературной деятельности последнего был посвящен лишь один абзац/. Все якобсоновские хрестоматии сделаны по немецким образцам и, главным образом, на основе немецких источников. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. их нередко сближали с хрестоматиями К.Ушинского. Подобное сближение имеет некоторое основание в общих принципах построения, но о влиянии Ушинского вряд ли может идти речь: по крайней мере, в отличие от более поздних эстонских книг для чтения, в хрестоматиях К.Р.Якобсона нет никаких заимствований ни из "Детского мира", ни из "Родного слова"².

В конце 1880-х гг., после смерти К.Р.Якобсона, его книги для чтения были основательно переработаны и дополнены уже знакомым нам Ю.Кундером. В седьмое издание первой части хрестоматии, вышедшее в 1888 г.,³ Ю.Кундер ввел дополнительно несколько статей о России /"Смерть Петра Великого", "Река Волга", "Казачья в русской армии"/ и перевод стихотворения "Из Гете" /"Горные вершины"/ М.Лермонтова, принадлежащий перу Г.Вульф-Вейса. К сожалению, стихотворение было

¹ Kooli lugemise raamat. Kirja pannud C.R. Jakobson. Esimene jagu. Tartus 1867 (2.tr.-1870, 3.tr.-1875, 5.tr.-1883, 6.tr.-1885); Teine jagu. Tartus 1875; Kolmas jagu. Tartus 1876.

² См. об этом: A.Elango, C.R.Jakobson õpikute koostajana. - Rmt-s: C.R.Jakobson ja tema ajastu. Tallinn, 1957, lk. 122-123.

³ Переработанный вариант первой части книги для чтения К.Р.Якобсона также многократно переиздавался: в 1898 г. вышло 12-е его издание, в 1906 г. – 15-е.

опубликовано здесь под именем эстонского переводчика, **таким** образом, читатели и не догадывались, что это произведение русского поэта.

В 1890 г. вышла переработанная Ю.Кундером вторая часть книги для чтения К.Р.Якобсона, объединявшая прежние второй и третий выпуски /2-е изд. - 1898, 3-е - 1903, 4-е - 1907/. В ней было увеличено количество статей о России и, кроме того, помещена поэма А.Пушкина "Медный всадник" в прекрасном переводе Я.Тамма. Это одновременно и следствие изменившейся обстановки в стране и вместе с тем показатель усилившегося интереса эстонцев ко всему русскому, в том числе и к русской литературе.

Другими наиболее популярными школьными книгами для чтения в Эстонии 1870-1890-х гг. были многократно переиздававшиеся три части хрестоматии К.Э.Мальма.¹ В первый выпуск этой хрестоматии, объединявший две части и вышедший первым изданием в 1874 г., было включено три басни И.Крылова: "Стрекоза и муравей", "Борона и лисица" и "Волк и ягненок" - в хорошем переводе составителя. В третью часть хрестоматии К.Э.Мальма, изданную в 1884 г., вошло еще две крыловских басни: "Крестьянин и смерть" и "Крестьянин и лошадь". К сожалению, во всех этих переводах нет указания автора, лишь в предисловии к первому выпуску отмечалось, что в хрестоматию включены некоторые переложения из Крылова. Таким образом, учащиеся могли и не знать, что это басни русского автора. Но все же эти переводы привлекли внимание эстонской интеллигенции, в частности Ф.Р.Крейцвальда, тем более, что это были одни из первых переложений русской классики на эстонский язык. В третьей части хрестоматии К.Э.Мальма помещено еще несколько рассказов из истории и географии России, но их да-

¹ <К.Э.Мальм>. *Laulud ja Loud. Üks kooli-lugemise-raamat. Tallinnas 1874 (2.tr. - 1875, 3.tr. - 1876, 4.tr. - 1878, 5.tr. - 1880; в 1884 г. вышло 7-е расширенное издание, которое дважды перепечатывалось - в 1886 и в 1892 гг.); III jagu, Tallinnas 1884 (2.tr. - 1886).*

же меньше, чем у К.Р.Якобсона. Книга для чтения пастора К.Э.Мальма также скомпонована по немецким образцам и на основе немецких источников, в ней немало материалов из немецкой литературы.

Такова отличительная особенность подавляющего большинства эстонских школьных книг для чтения, вышедших в 1860–1880-е гг.¹: в них, как правило, нет никаких материалов по русской литературе, очень мало статей о России вообще, но зато много образцов немецкой словесности. Это и неудивительно, если вспомнить немецкое засилье во всех областях жизни Прибалтики и немецкое образование /зачастую и воспитание/, полученное большинством авторов подобных книг для чтения.

Положение изменилось лишь с появлением во второй половине 1880-х гг., уже при значительно изменившихся обстоятельствах, в условиях начавшейся русификации, школьных хрестоматий А.Гренцштейна.² В первом выпуске его "Эстонской хрестоматии", вышедшем в 1887 г., из 116 номеров текстов 12 имеют отношение к России или к русской литературе. Здесь впервые в эстонской учебной литературе опубликованы краткие биографии русских писателей: И.А.Крылова, А.С.Пушкина и М.Ю.Лермонтова – с их портретами. В выпуск включены также переводы басен Крылова "Стрекоза и муравей" и "Крестьянин и змея", стихотворений Лермонтова "Ангел" /со своеобразным дополнением А.Гренцштейна/ и "Казачья колыбельная песня", а также "Птичка" Пушкина.

¹ См. *Laste lugemise raamat ning Asjade Tundmus ja teadmus*, Kirja pannud M.Lindenberg, Tallinnas 1876; *Esti laste sõber*, Tartu, 1873 (2.tr. – 1875, 3.tr. – 1882, 4.tr. – 1888); <V.Normann>. *Õppetlikud luggemised noorte ja vanadele kodule ja keelis prukida*, Tartus 1879. Ср. более позднее: *Laste lugemise raamat*, Kodus ja koolis õppijatele. Kirjutanud M.Tonisson, <Tallinn, 1892>.

² A.Grenzstein, *Esti Luge-mise-raamat*. Esimene jagu. Tartus 1887 (2.tr. – 1888, 3.tr. – 1890); Teine jagu. Tartus 1888 (2.tr. – 1890).

Аналогичный материал был включен и во второй выпуск "Эстонской хрестоматии" А. Грандштейна, изданный в 1888 г.: краткие биографии Достоевского и Тургенева, переводы нескольких рассказов для детей Л. Толстого, произведений Крылова, Лермонтова /"Молитва"/, Достоевского /"Мальчик у Христа на елке"/, 25 русских пословиц и поговорок.

В позднейшие эстонские школьные хрестоматии включено уже больше русских литературных материалов.

Рассмотренный материал дает основание прийти к выводу, что знакомство выпускников эстонских народных школ с русской литературой в целом было крайне ограниченным. Правда, в 1880-е гг. многие эстонские школьники уже знакомы с отдельными произведениями русских авторов – главным образом, из числа тех, что с завидным постоянством "перекочевывали" из одного учебника русского языка в другой, из одной книги для чтения в другую, вроде "Приглашения в школу".

Глава IV. Преподавание русского языка и словесности в городских учебных заведениях Эстонии 1860–1880-х гг.

Городские учебные заведения в Эстонии были, главным образом, с немецким языком преподавания. Школ с эстонским языком обучения – если не считать нескольких элементарных училищ – в интересующий нас период в Эстонии не было. Рассматриваемые в данной главе школы делились на а/ казенные или содержавшиеся за счет дворянства и городских обществ мужские учебные заведения, б/ училища для девиц, в/ частные учебные заведения. Первые подразделялись на три категории: 1) элементарные училища, 2) уездные училища и 3) гимназии и прогимназии. В 1880-е гг. появились также реальные училища, в интересующий нас период не игравшие еще существенной роли в школьной системе края.

В элементарные училища обычно приходили дети, вовсе не знавшие русского языка, и преподавание в них преследовало цель научить учеников азам языка: чтению, письму, необходимым словам, их правильному произношению. "В эле-

ментарных училищах преподавание ограничивается чтением с переводами с русского и на русский, заучиванием на память и чистописанием", — отмечал в 1865 г. М. Могилянский,¹ посетивший ряд элементарных школ Эстонии и Латвии. Если на младшей ступени дело ограничивалось чтением и заучиванием наизусть отдельных слов и фраз, то на старшей уже переходили к более объемным связным текстам. Вначале у лучших учителей, а позже и в большинстве элементарных училищ на старшей ступени дети заучивали наизусть легкие тексты: басни и стихотворения. Так, в 1865 г. в Первом Царнуском элементарном училище "ученики выучили наизусть несколько басен Крылова и начали учить сказку "Конек-Горбунок".²

Элементарные училища в Прибалтике были весьма разнообразны по своему типу: в конце 1860-х гг. существовали одноклассные /с одним, двумя, тремя или даже большим количеством отделений/, двухклассные /в 1869 г. в Остзейских губерниях их было всего 8/ и трехклассные /всего 4/ школы этого рода. Число классов, как правило, определялось количеством учителей: в одноклассных элементарных училищах преподавал один, в двухклассных — два и в трехклассных — три учителя. Отделения обычно соответствовали году обучения: третье отделение — первый год обучения, второе — второй, первое — третий и т.д. Срок обучения в элементарных училищах чаще всего был трехгодичный; в двухклассных училищах младший класс был одногодичным, а старший — двухгодичным и состоял из двух отделений /впрочем, в отдельных случаях, наоборот, младший класс был двухгодичным и делился на два отделения/. Трехклассные элементарные училища могли быть одновременно и подготовительными для гимназий.

Несмотря на это разнообразие элементарных училищ, программы их в общем-то были единными. По учебным планам 1869 г. в одноклассном элементарном училище с тремя отделениями на русский язык полагалось по 4 часа в неделю и

¹ М. Могилянский. Цит. соч., стр. 47.

² Там же, стр. 40.

каждом отделении. Собственно, учебным планом русский язык в младшем – третьем – отделении предусмотрен не был, но начальство рекомендовало начать обучение ему уже на нижней ступени. Оно ограничивалось заучиванием русских звуков и алфавита, затем ученики переходили к соединению звуков в слоги и слова, к чтению, письму и заучиванию отдельных слов наизусть. Программа второго отделения включала упражнения в чтении с пересказом прочитанного по-немецки, переписывание текста, запоминание слов /до 200–300/, изучение простейших форм слова, составление из знакомых слов простых предложений и написание их. В первом отделении были предусмотрены переводы с русского на немецкий, изучение правильных форм спряжения и склонения, составление предложений, заучивание наизусть маленьких прозаических и поэтических отрывков, запись заученных текстов, диктанты.¹

В двухклассных и трехклассных элементарных училищах на русский язык также полагалось по 4 часа в неделю в каждом классе или отделении, а программы были аналогичны принятым в одноклассных училищах, т.е. в низшем классе обучение шло по той же программе, что и в третьем отделении одноклассной школы; в младшем отделении первого /старшего/ класса двухклассного училища и во втором классе трехклассного училища была та же программа – за малым исключением, – что и во втором отделении одноклассного; в старшем отделении первого класса двухклассного училища и в первом классе трехклассной школы – та же, что в первом отделении одноклассной.² Несколько шире программа тех трехклассных училищ, которые были подготовительными для гимназий, хотя

¹ Lehrpläne für Knaben-Elementarschulen im Dorpater Lehrbezirk mit den nöthigen Erläuterungen und Ergänzungen, entworfen unter Mitberathung erfahrener Schulmänner und herausgegeben von Professor Strümpell. Dorpat, 1869, S. 20–21.

² Там же, стр. 29, 32, 37, 42.

в них употреблялись, как правило, те же учебники, что и в других элементарных училищах.

Впрочем, как показывают архивные документы, из-за того, что в Прибалтике функционировали самые различные по своему типу элементарные училища, на практике встречались весьма значительные отклонения в сетке часов от стандартного учебного плана. Так, в Ракверском элементарном училище для мальчиков в 1869 г. было положено в третьем, младшем, отделении 2 часа, а в двух старших — по 6 часов русского языка в неделю.¹ В Пайдеском /Вейссенштейнском/ элементарном училище в 1868—1870 гг. в третьем отделении русский язык вовсе не преподавался, во втором отделении на него полагалось 4 часа, а в старшем, первом, отделении — 6 часов в неделю.² В Таллинском училище в 1869—1870 гг. русский язык в третьем отделении также не изучался, во втором было предусмотрено 4, а в первом — 5 часов этого предмета в неделю;³ в 1876 г. в Таллинском двухклассном элементарном училище во втором классе было положено 4, а в первом — 6 часов русского языка в неделю.⁴ В Вильяндиской элементарной школе для мальчиков в 1865 г. полагалось по 4 часа русского языка в старшем отделении второго класса и в первом классе.⁵ Как видим, отступления от стандартного учебного плана были весьма частыми и значительными. Правда, они более касались количества и распределения часов по классам и отделениям, нежели программных требований, которые в общем мало расходились с предусмотренным стандартным планом.

Позже сетка учебных часов по русскому языку в ряде элементарных училищ была еще более изменена. Так, например,

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 90, оп. 2, ед. хр. 1104, л. 75.

² ЦГИА ЭССР, ф. 90, оп. 2, ед. хр. 1102, л. 55.

³ ЦГИА ЭССР, ф. 90, оп. 2, ед. хр. 1111, л. 26.

⁴ ЦГИА ЭССР, ф. 90, оп. 2, ед. хр. 1208, лл. 3—4 об.

⁵ ЦГИА ЭССР, ф. 91, оп. 1, ед. хр. 57, л. 42—42 об.

в двухклассной городской элементарной школе для мальчиков в Таллине в 1882 г. полагалось в первом отделении второго (низшего) класса 5 часов, а в первом, старшем, классе — 6 часов русского языка в неделю. Во втором классе программа предусматривала: произношение звуков; упражнения в чтении по складам, в чтении простых слов и маленьких предложений; разучивание важнейших слов и простейшие орфографические упражнения. В первом классе: чтение отрывков из элементарной хрестоматии, заучивание встречающихся в них слов и составление из этих слов простых предложений; заучивание наизусть разговоров; орфографические упражнения; определение главных частей простого предложения и основных частей речи; знание правильных форм склонения и спряжения.¹

В элементарных училищах для девочек количество часов на русский язык было таким же, как в аналогичных школах для мальчиков, или же меньшим. Так, в Ракверском и Пайдеском училищах в 1868 г. в третьем отделении русский язык был вовсе не предусмотрен, в двух же старших отделениях на него полагалось по 4 часа в неделю.² В Таллинском элементарном училище для девочек в 1872 г. было положено только 2 часа в старшем, первом, классе,³ в 1882 г. — 4 часа в неделю в том же классе /в младшем, втором, классе русский язык не преподавался/.⁴ Программные требования в элементарных училищах для девочек были ниже, чем в аналогичных учебных заведениях для мальчиков, тем более, что русский язык считался в них предметом полубязательным.

Еще более разнообразна структура и учебные планы уездных училищ Остзейского края. В 1860–1880-е в Прибалтике функционировали уездные училища самых разных типов. В

¹ Reglement für die Revalschen Stadt-Elementar-Schulen. Reval, 1882, S. 12–13.

² ЦГИА ЭССР, ф. 90, оп. 2, ед. хр. 1104, л. 45, ед. хр. 1102, лл. 9 об., 73 об.

³ ЦГИА ЭССР, ф. 90, оп. 2, ед. хр. 1132, л. 43.

⁴ Reglement für die Revalschen Stadt-Elementar-Schulen. Reval, 1882, S. 16.

1864 г. на территории Эстонии имелись четырехклассное уездное училище в Тарту, трехклассное - в Таллине и двухклассные - в Выру, Вильянди /в этом году стало трехклассным/, Хаапсалу, Раквере и Пайде. Уездные училища в Аренсбурге и Пярну к этому времени были уже преобразованы в прогимназии. Как указывалось в одном полуофициальном издании, учебные планы уездных училищ были в эти годы столь различны и в то же время столь непостоянны, что дать обзор их представлялось затруднительным.¹ В большинстве двухклассных уездных училищ преподавание русского языка в 1860-1870-е гг. шло по уже знакомой нам программе 1855 г.,² которой предусматривалось 6 часов русского языка в Секунде и 4 часа русского языка плюс 2 часа истории России в Приме.³ В Таллинском трехклассном уездном училище в конце 1860-х - в 1870-е гг. было положено по 5 часов русского языка в Терции и Секунде и 3 часа в Приме /плюс два часа истории России/.⁴ В трехклассном же Вильяндиском уездном училище во второй половине 1860-х гг. мы видим несколько иное распределение часов - по 4 часа в неделю в каждом классе. Программа же такова: в Терции - упражнения в правильном чтении, разучивание важнейших грамматических форм, слов и простых фраз по избранной книге для чтения, орфографические упражнения; в Секунде - правильные формы словоизменения, переводы с русского на немецкий, легкие устные и письменные упражнения в переводе с немецкого на русский; в Приме - неправильные формы словоизменения и основы синтаксиса, переводы с русского на немецкий и обратно, письменные работы⁵.

¹ Baltische Schul-Almanach für das Jahr 1867. Dorpat, 1866, S.1V.

² См. вып. I нашей работы, стр. 72.

³ ЦГИА ЭССР, ф. 90, оп. 2, ед. хр. 1104, л. 11, ед. хр. 1102, лл. 2 об.-4, ф. 91, оп. 1, ед. хр. 56.

⁴ ЦГИА ЭССР, ф. 90, оп. 2, ед. хр. 1111, лл. 2-5; "Keel ja Kirjandus" 1964, nr. 11, lk. 669-670.

⁵ ЦГИА ЭССР, ф. 91, оп. 1, ед. хр. 57, лл. 43-44.

Утвержденный 27 ноября 1863 г. учебный план четырехклассного Тартуского уездного училища предусматривал 4 часа русского языка в неделю в каждом классе. Программа Кварты и Терции соответствовала приведенной выше программе Терции и Секунды Вильяндиского трехклассного училища. В тартуской Секунде было предусмотрено изучение неправильных форм словоизменения, переводы с русского на немецкий и обратно, а также письменные упражнения. Наконец, программа Прима включала главные правила синтаксиса, те же переводы с русского на немецкий и обратно и письменные упражнения.¹

В начале 1880-х гг. был принят новый учебный план для трехклассных уездных училищ Дерптского учебного округа. По нему на русский язык /вместе с историей России/ полагалось всего 16 часов – по 5 часов в неделю в Терции и Прима и 6 часов в Секунде. Программа по русскому языку имела следующий вид. В Терции – упражнения в чтении и разговоре; заучивание выражений, встречающихся в повседневной жизни; из грамматики: изучение правильных этимологических форм с письменными работами и небольшими переводами; орфографические упражнения. В Секунде – упражнения в чтении и разговоре; заучивание наизусть отрывков; изучение этимологии с устными и письменными упражнениями и домашними письменными работами; орфографические упражнения. В Прима – упражнения в чтении и разговоре /пересказы/; заучивание наизусть стихотворений и отрывков из поэм; повторение этимологии и основы синтаксиса с упражнениями; история России с чтением и пересказом жизнеописаний исторических лиц.²

¹ Baltischer Schul-Almanach für das Jahr 1864. Dorpat, 1863, S. 14.

² "Sakala" 10.XI 1884, nr. 45.

Преподавание русского языка в уездных училищах в общих чертах шло так же, как и в младших классах гимназий, чаще всего по одним и тем же учебникам. Это избавляет нас от необходимости более подробно останавливаться на данном вопросе.

В середине 1880-х гг. уездные училища были преобразованы в городские.

По своему типу к уездным училищам приближались некоторые городские девичьи училища, весьма многочисленные в Прибалтике. В них царило то же разнообразие структуры, учебных программ и распределения уроков. Число часов на русский язык в городских девичьих училищах обычно было таким же, как и в уездных училищах, программа же несколько меньше. Бряд ли есть смысл более подробно разбирать здесь программы отдельных училищ.

Прибалтийские гимназии, как мы уже отмечали, в 1862 г. из пятиклассных стали семиклассными. 10 декабря 1860 г. попечителем Дерптского учебного округа был утвержден, а 28 марта 1862 г. подтвержден новый учебный план семиклассных гимназий. На русский язык по нему полагалось 35 часов, по 5 часов в неделю в каждом классе. Правда, из них в Терции один урок, в Секунде — два и в Приме — один выделялись для русской истории. Программа по русскому языку была следующей: Септима /II класс/ — 3 часа чтения, 1 час устных и письменных переводов для упражнений в главнейших грамматических формах и 1 час на заучивание слов и кратких предложений. Секста /VI класс/: переводы с русского на немецкий — 3 ч., переводы с немецкого на русский с пересказом — 1 ч., изучение правильных изменений частей речи — 1 ч. Квинта /V класс/: переводы с русского на немецкий — 2 ч., переводы с немецкого на русский — 2 ч., неправильные изменения частей речи — 1 ч. Кварта /IV класс/: переводы с русского на немецкий — 2 ч., переводы с немецкого на русский — 1 ч., синтаксис с упражнениями — 2 ч. Терция /III класс/: синтаксис с упражнениями — 1 ч., переводы с русского на немецкий — 2 ч., переводы с немецкого на русский 1 ч., история России

/до Петра Великого/ - 1 ч. Секунда /II класс/: письменные упражнения и экстемпоралии - 1 ч., переводы с немецкого на русский - 1 ч., объяснение сочинений русских писателей XVIII-XIX вв. с упражнениями в пересказе - 1 ч., история России - 2 ч. Прима /I класс/: письменные упражнения и экстемпоралии - 1 ч., переводы с немецкого на русский - 1 ч., объяснение сочинений русских писателей XVIII-XIX вв. с кратким обзором истории русской словесности и с пересказом прочитанного - 2 ч., история России /новый период с повторением пройденного/ - 1 ч.¹

Впрочем, в первые годы указанная сетка часов не всегда соблюдалась. Так, в Ревельской гимназии еще в 1864 г. в Септима было 4 часа русского языка.² В Пярнуской же шестиклассной гимназии, созданной в 1865 г. /фактически в 1864г./ на базе прогимназии, в первые два года ее существования на русский язык во всех классах полагалось лишь 4 часа в неделю.³ Бывали отклонения от стандартного плана и в распределении часов по видам занятий.

Согласно предписанию попечителя от 26 марта 1862 г., к выпускникам гимназии предъявлялись следующие требования по русскому языку: "Требуется, чтобы испытуемый был в состоянии писать на заданный предмет или переводить с немецкого, не делая ошибок, вредящих смыслу, и легко понимать стихи и прозу наших известных писателей прошедшего и настоящего века, хотя бы испытуемый объяснялся по-русски не

¹ М. Могилянский. Цит. соч., стр. 45-46; Schul-Almanach des Dorpat'schen Lehrbezirks für das Jahr 1863. Dorpat, 1862, S. 7-8.

² Chronik des Revalschen Gymnasiums für das Jahr 1864. В кн.: Einladungsschrift zum feierlichen Redeact im Gouvernements-Gymnasium am 19 December 1864... Reval, 1864, S. 20.

³ Programm des Progymnasiums zu Pernau... 1864. Pernau, 1864, S. 4; Programm des Gymnasiums zu Pernau... 1865. Pernau, 1865, S. 6.

совершенно чисто, но без слишком заметного затруднения, и хотя бы имел не совсем правильный выговор. Для этой цели испытуемый должен написать сочинение на тему из средней или новой истории, без помощи грамматики и словаря. Из сочинения его должно явствовать, что он в состоянии довольно свободно выражать свои мысли по-русски, без грубых грамматических ошибок и без грубых германизмов. На устном испытании он должен быть в состоянии без труда понимать как стихотворные, так и прозаические довольно легкие статьи, достаточно искусно переводить с немецкого языка на русский умеренно трудные статьи. Кроме того он должен иметь сведения об общем ходе русской литературы от Ломоносова до настоящего времени и дать отчет о некоторых произведениях этого времени. Требуется также доказать свое знакомство с русской историей на русском языке в общем обзоре, особенно же XVIII и XIX столетий. Такие знания считаются достаточными".¹ Собственно, это предписание повторяло требования, утвержденные в 1845 г. и касавшиеся вступительных экзаменов в университет, а не выпускных испытаний в гимназиях, на которых от абитуриентов требовалось "полное, основательное и твердое знание русского языка". Фактически оно означало снижение требований к русскому языку, но, несмотря на протесты учителей, отменено не было.²

О характере обучения русскому языку в прибалтийских гимназиях середины 1860-х гг. и о степени знания его учащимися мы можем судить по отчетам Ф.Шиллинга,³ А.Тихомандрицкого⁴ и особенно М.Могиланского, инспектировавших учебные заведения края с целью проверки преподавания в них русского языка в 1865 и 1867 гг.

¹ Schul-Almanach des Dorpatschen Lehrbezirks für das Jahr 1863, S. 37-38.

² <С.Шафранов>. Исторический обзор..., стр. 71-72.

³ УМНЦ, 1865, ч. СХХУШ, ноябрь, стр. 308-316.

⁴ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 193, ед. хр. 187, лл. 420-437 об.

"Чтение в элементарных училищах и в низших классах уездных училищ и гимназий идет посредственно, — писал М. Могилянский. — Хотя ученики учатся читать по книгам, напечатанным с знаками ударения над словами, однако весьма часто, почти на каждом слове, ошибаются в ударении и читают не бегло, останавливаются едва ли не перед каждым словом, особенно если оно состоит из нескольких слогов. Искусства бегло и выразительно читать ученики редко достигают и в высших классах гимназий...

В элементарных училищах ученики пишут четко и довольно красивым почерком; а в тех классах уездных училищ и гимназий, где уже пройдена этимология, в правописании успевают сравнительно больше, нежели в чтении; хотя при диктовке ученики делают нередко ошибки, но если ошибки эти им указать, то они могут исправить их и объяснить причину. В высших классах гимназий лучшие ученики пишут вообще довольно правильно.

На теорию грамматики учителя обращают преимущественное внимание, и грамматические правила изучаются подробно и старательно. Разбор грамматический ученики могут делать с надлежащей точностью; но на логический разбор предложения мало обращается внимания. Несмотря на тщательное изучение грамматики, ученики даже высших классов все-таки часто ошибаются, особенно в употреблении видов глаголов, от недостатка упражнения.

При переводах с немецкого языка на русский учителя и ученики довольствуются передачей подлинника слово в слово и не стараются выразить смысл одного чисто по-русски; от этого происходит то, что ученики привыкают к неправильной конструкции в русском языке, что немало вредит им впоследствии. При переводах же с русского языка на немецкий замечается явление противоположное: так как учителя в низших классах все немцы, ... то в случае неправильной конструкции немецкой фразы, переведенной с русского, они останавливают учеников и замечают им, как должно выразиться по-немецки. Таким образом, урок русского языка обращается в урок

языка немецкого, и знание первого ничего от того не выигрывает". То же заметно и в старших классах.

"Во 2-м и 1-м классах задаются ученикам темы для сочинений. Сочинения эти, надлежаще обработанные дома, при употреблении всех пособий, бывают довольно хороши; но если они пишутся в классе, то выходят весьма посредственны... испещрены ошибками, даже затемняющими смысл. Явно, что преподавание русского языка имеет целию преимущественно теорию и упускает из вида практику, в которой у учеников ощутительный недостаток... Недостаток практического знания в училищах простирается до того, что ученики низших и средних классов, как мне случалось испытать, не понимают самых простых вопросов, предложенных им на русском языке, например: в каком вы классе? какой сегодня день? не знают названия самых обыкновенных окружающих их и употребляемых ими предметов. В частных школах понимают русский язык, если возможно, еще менее. Во всем этом... виновато преподавание, отчасти учителя, не всегда хорошо приготовленные к своим обязанностям, и вся обстановка училищ...

По истории русской словесности сведения учеников довольно поверхностны, а иногда и сбивчивы; они ограничиваются знакомством с именами важнейших деятелей и указанием их главных произведений; с самыми же произведениями ученики знакомятся мало".^I

Так же неудовлетворительны и знания учащихся по истории России, тем более, что она преподается не специалистами.

Конечно, замечал в заключение М. Могилянский, знания по русскому языку учеников не одинаковы в разных гимназиях: в Ревельской губернской и в Домской гимназиях его преподавание поставлено лучше, соответственно выше и познания учащихся. Ниже же всего по успехам в русском языке в Прибалтике стоит Дерптская гимназия.

Окружной инспектор Ф. Шиллинг, ревизовавший учебные заведения края в том же 1865 г., пришел, правда, к более об-

^I М. Могилянский. Цит. соч., стр. 47-50.

надеживающим выводам, но надо учесть, что он был послан попечителем, в основном, с целью доказать, будто дело с преподаванием русского языка в Дерптском учебном округе обстоит хорошо. Все же и Ф.Шиллинг отметил, что гимназистам не хватает практики в разговорном языке и что успехи в русском языке учащихся уездных и элементарных училищ "менее удовлетворительны". Причины этого: слабая подготовка мальчиков, поступающих в училища, большие классы, а также и то, что "многие преподаватели проходят грамматику более теоретически, не обращая достаточного внимания на практическое приложение грамматических правил".¹

В сущности, к тем же выводам, что и М.Могилянский, пришел также А.Тихомандрицкий, инспектировавший учебные заведения края в 1867 г.: "Учащиеся довольно основательно узнают грамматические правила русского языка; понимают разговорный русский язык и могут объясняться, хотя не бегло и не совсем правильно, по-русски; но, зная грамматические правила, не всегда точно прилагают их при практических занятиях, так что замечается при этом невнимательность и какая-то небрежность преимущественно в выговоре и произношении".² А.Тихомандрицкий совершенно справедливо считал одной из основных причин слабых успехов остзейских учащихся в русском языке местную обстановку в целом, господствующую в местном обществе предубеждения.

Это несколько преувеличенное внимание к грамматике в ущерб изучению разговорного языка, живой речи, вообще было характернейшей особенностью процесса преподавания русского языка в прибалтийских учебных заведениях до 1880-х гг. включительно. "В прибалтийских училищах, как известно, преподавание русского языка начинается тем, что, научивши мальчика русской азбуке, прямо дают ему в руки грамматику, составленную обыкновенно в высшей степени непедагогично, — писал в 1884 г. один из местных педагогов. — По этим пресловутым учебникам мальчик должен заучить сначала известное

¹ЖМНП, 1865, ч. СХХУШ, ноябрь, стр. 309.

²ЦГА СССР, ф. 733, оп. 193, ед.хр. 187, л. 423 об.

грамматическое правило, т.е. начинается с теории, и затем уже оправдать его в применении к отдельным словам и выражениям, т.е. кончает практикой... При этом главное внимание обращается на усвоение грамматического правила, отдельные же выражения и примеры ценятся лишь настолько, насколько удачно они оправдывают грамматические правила. Тот же смысл имеют и практикуемые в наших школах переводы".¹

Отсутствие живой языковой практики, трудность обучения учащихся разговорному языку лишь в рамках уроков и домашних занятий усугубляло эти "беды" прибалтийской школы, результатом чего и было слабое владение выпускниками остзейских училищ и гимназий русским языком, хотя большинство из них все же могло читать и понимать несложные русские тексты.

Учебное начальство, конечно, знало о недостатках преподавания русского языка в учебных заведениях края и принимало кое-какие меры для его улучшения, но поскольку эти меры носили частный и ограниченный характер, они почти не изменяли положения.

В 1867 г., в соответствии с решением Комитета министров, утвержденным Александром II, была создана Комиссия для пересмотра и исправления программ преподавания русского языка в средних учебных заведениях Дерптского учебного округа. Она заседала 4-12 октября 1867 г. под председательством А.Тихомандрицкого. В состав комиссии входили проф. М.Розберг, окружной инспектор Ф.Шиллинг, директор Дерптской гимназии Ю.Шрёдер, старший учитель русского языка в Митавской гимназии проф. Н.Иванов, а также учителя Н.Ленстрём, Ф.Марудин, И.Белов, Н.Иванов /Пярнуская гимназия/, Ф.Невдачин и В.Реймерс.

Рассмотрев прежде всего характер и порядок преподавания русского языка в гимназиях округа, Комиссия нашла его малоудовлетворительным. Главные недостатки системы преподавания русского языка в школах Прибалтики члены Ко-

¹ М.П. Русский язык в прибалтийских училищах. - "Русский вестник", 2.IV 1884, № 76.

миссии увидели в том же, в чем и М.Могиланский. "Давно уже замечен тот факт, — сказал учитель Белов, — что ученики остзейских гимназий нередко поражают своих экзаменаторов основательным знанием грамматических правил и в то же время неумением применять их на деле — прямое доказательство отсутствия практического пути. Ученику-немцу нужны на первых порах не грамматические правила в системе: ему нужен запас слов, нужно набираться материала, который дал бы ему возможность понимать прочитанное им в книге и практически применять правила грамматики. Поэтому ученику нужна не грамматика, а хорошая книга для чтения".¹ А. Тихомандрицкий также указал на "перевес в низших классах теоретического начала над практическим".²

Комиссия нашла необходимым изменить весь порядок изучения грамматики в гимназиях. До IV класса грамматика должна была проходиться только практически, систематический же курс грамматики начинался в IV и завершался в I классе. Комиссия также пришла к выводу, что вместо переводов с русского на немецкий в старших классах надо увеличить удельный вес переводов с немецкого на русский. Русскую историю комиссия рекомендовала исключить из преподавания русского языка и выделить в самостоятельный предмет. Эти рекомендации Комиссии совпали с более ранними предположениями М.Могиланского. Наконец, "Комиссия пришла к убеждению в необходимости исключить и историю русской литературы из программы преподавания русского языка — исключить потому, что без достаточного знания самой литературы изучение истории ее, скорее, может обратиться во вред, чем принести какую-либо пользу учащимся".³

¹ЦГИА ЭССР, ф. 384, оп. I, ед. хр. 1056, л. 6-6 об.

²Там же, л. 7.

³Там же, л. 8.

Далее Комиссия точно определила характер преподавания русского языка в каждом из семи классов гимназии и требования к ученикам при переходе из класса в класс. Мы не будем здесь подробно излагать предложений Комиссии, остановимся лишь на тех из них, которые так или иначе касаются русской словесности. Уже в УІ классе было предусмотрено заучивание наизусть легких стихотворений и кратких прозаических отрывков. В УІІ классе — "заучивание отрывков из образцовых писателей с необходимыми объяснениями и переводом на немецкий язык", "устная передача прочитанного".¹ Заучивание наизусть стихотворений и прозаических отрывков предусматривалось также в У и ІУ классах. В ІІІ классе один час был положен на чтение "отрывков из важнейших прозаических произведений русской литературы, начиная Карамзиным, с переводом на немецкий язык и объяснениями, касающимися внешней стороны изложения", а также на пересказ учениками содержания прочитанных в классе отрывков.² С третьего же класса было предложено начать письменные работы по русскому языку типа сочинений. Во ІІ классе предусматривалось "чтение прозаических и сверх того стихотворных произведений образцовых писателей" /1 час в неделю вместе с пересказом прочитанных статей/.³ При переходе из второго класса в первый ученик должен был уже "без особенного затруднения объясняться по-русски".⁴ Наконец, в І классе полагались "чтение и разбор прозаических отрывков, заимствованных из произведений образцовых писателей новейшего времени, и стихотворений, с обращением внимания особенно на внешнюю форму тех и других — 1 час".⁵ Большинство голосов было принято мнение проф. Н.Иванова, который заявил:

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 384, оп. 1, ед. хр. 1056, л.15 об.

² Там же, л. 19.

³ Там же, л. 19 об.

⁴ Там же, л. 21 об.

⁵ Там же, л. 22.

"1. Не излишне было бы, сообщив ученикам 1-го класса понятия о метрическом, силлабическом и тоническом стихосложении, еще знакомить их с главнейшими нашими размерами по тем образцам, которые читаются и переводятся в классе; 2. при чтении и переводе избранных прозаических отрывков и стихотворений не излишне было бы обращать внимание учеников на то, кому принадлежат эти отрывки и стихотворения, и сообщать краткие сведения о писателе с необходимыми пояснениями, в каком отношении находился он к своему времени и тогдашним направлениям в литературе".¹

Комиссией были выработаны и требования к выпускникам гимназии: "На окончательном экзамене ученики 1-го класса должны 1/ уметь свободно, без приготовления, перевести на немецкий язык указанные места из нескольких русских книг неспециального содержания; 2/ доказать свое отчетливое знание русской грамматики; 3/ письменно перевести отрывок от 2 <до> 3-х страниц из какой-либо немецкой книги описательного или повествовательного содержания или написать самостоятельное сочинение на заданную тему и 4/ показать умение владеть живым разговорным языком на столько, чтобы быть в силах свободно и правильно вести беседу обо всех не слишком затруднительных вопросах".²

На заседаниях Комиссии был поднят вопрос и о домашнем чтении учениками сочинений русских авторов. Н. Иванов считал желательным сделать его обязательным и требовать от учеников пересказа содержания прочитанных книг на уроках, но большинство членов Комиссии присоединилось к мнению Н. Ленстрёма, который утверждал, что главное - "это возбудить в учащихся желание, охоту читать русские книги".³ С этой целью необходимо создать при гимназиях хорошие, разумно устроенные русские библиотеки.

¹ Там же, лл. 22 об. - 23.

² Там же, л. 23-23 об.

³ Там же, л. 24.

В Комиссии поднимался также вопрос об учебниках русского языка. Был рассмотрен разбор учебных пособий, представленный Н.Ивановым в 1867 г. попечителю. "Из этого разбора видно, что хрестоматии и книги для чтения и переводов страдают многими недостатками относительно выбора статей, часто не соответствующих и по форме, и по содержанию ни знаниям, ни возрасту учащихся; грамматики же, с одной стороны, мало применимы к потребностям здешних учебных заведений, с другой, содержат в себе много отвергнутого новейшими исследованиями как неправильное".¹ Комиссия согласилась с Н.Ивановым, что учебные пособия, принятые в округе, чаще всего неудовлетворительны, и обратилась к учителям с призывом взяться за составление новых учебников.

Наконец, Комиссия выработала инструкцию учителям русского языка о преподавании этого предмета.

Рекомендации Комиссии были утверждены министром 9 декабря 1867 г. и большей частью претворены в жизнь, уже начиная с 1868 г. Насколько мы можем судить по регулярно публиковавшимся отчетам о деятельности прибалтийских гимназий за учебный год, с 1868 г. история России была выделена в отдельный предмет, который преподавался по 2 часа в неделю в Терции, Секунде и Приме /в Пярнуской шестиклассной гимназии — только в двух последних/. На русский язык осталось 35 часов, по 5 часов в неделю в каждом классе, т.е. фактически — за счет отделения истории России — произошло некоторое увеличение числа часов на русский язык. С 1868 г. в программе Примы уже нет краткого обзора истории русской словесности. Что касается изучения грамматики, то рекомендации Комиссии были выполнены лишь частично: грамматика проходила теперь на протяжении всего школьного курса — с Септими до Примы (в старших классах изучался синтаксис и повторялась этимология), но, судя по ежегодным отчетам, уже с Септими начинался систематический теоретический курс ее. Таким образом, акцент на грамматике при изучении

¹ Там же, лл. 27 об. — 28.

русского языка в прибалтийских школах в общем-то сохранился. В четырех старших классах увеличилось число часов на переводы с немецкого на русский: если раньше, как правило, 2 часа в неделю уделялось переводам с русского на немецкий /поскольку чтение текстов обычно сопровождалось переводом, пересказ содержания также предварялся им/ и лишь один час с немецкого на русский, то теперь мы видим обратное соотношение. В остальном же существенных изменений сравнительно с утвержденным в 1860 г. учебным планом не произошло.

Выработанные Комиссией требования к оканчивающим курс гимназий без изменений вошли в дополнение к инструкции о выпускных экзаменах в гимназиях Дерптского учебного округа, утвержденное 1 марта 1869 г. В этом документе, кроме того, был точно определен характер экзамена. Он предусматривал: 1/ письменный перевод с немецкого языка на русский без словаря или сочинение на одну из предложенных тем по русской или всеобщей истории /за исключением древней/. Перевод должен был быть не меньше двух страниц в четвертую долю листа, а сочинение — не менее трех-четырех страниц. 2/ Устный перевод с русского языка на немецкий прозаического или стихотворного текста, преимущественно из произведений авторов XIX в. Не рекомендовалось предлагать для перевода фольклорные тексты. 3/ Отдельные вопросы по грамматике на основе переведенного русского текста с целью убедиться, что экзаменуемый имеет достаточные познания в русской грамматике. 4/ Вопросы по истории России, на которые необходимо отвечать по-русски. Ответы на эти вопросы, как и на вопросы по грамматике, должны были показать, может ли выпускник выразиться по-русски и понимает ли он разговорную речь.¹

Нельзя не отметить, что рекомендация Комиссии относительно ликвидации краткого курса истории русской словесности вызвала немало возражений в учительской среде и даже у учебного начальства. Так, помощник попечителя Дерптского учебного округа И.Николич в отношении министру народного

¹ Baltischer Schul-Almanach für das Jahr 1870. Dorpat, 1869, S. 1-2.

просвещения от 11.X 1869 г. выразил сожаление о том, что уничтожен этот курс.¹ Несколько позже и попечитель Дерптского учебного округа Жерве в официальном отношении министру заметил, что Комиссия чисто механически увеличила количество часов на русский язык, одновременно "устранив развивательную силу научного изложения и усвоения свойств языка, его живой речи и духа народа посредством осмысленного ознакомления с образцовыми на этом языке произведениями".² Он считал необходимым пересмотреть инструкцию преподавателям русского языка, выработанную Комиссией.

Один из лучших русских педагогов тех лет Е. Козин писал, что "преподавание русской словесности было бы особенно полезно в Прибалтийском крае, где все предметы преподаются на немецком языке... и где оканчивающий полный гимназический курс даже из уроженцев внутренних губерний России легко может оставаться в полном неведении о том, заявлял ли русский народ высшую духовную жизнь свою в словесных произведениях и в чем состоят главные условия красоты русского слога".³ Е. Козин даже ратовал за введение в гимназический курс русского языка элементов теории словесности, прежде всего стилистики и характеристики русского стихосложения.⁴

Однако и в новый учебный план прибалтийских гимназий, утвержденный в 1872 г., как мы увидим, история русской словесности введена не была.

Игнорирование истории словесности сказывалось и на темах письменных работ учащихся по русскому языку /здесь влияло, конечно, еще и то, что на выпускных экзаменах, как правило, давались темы по русской и всеобщей истории/. Нам известны темы сочинений, предлагавшихся в этот период ученикам Прима Ревельской гимназии. Число тем варьировалось

¹ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 193, ед. хр. 187, л. 493 об.

² Там же, л. 501 об.

³ О преподавании словесности в гимназиях Дерптского учебного округа /Статья учителя русского языка Ревельской гимназии Е. Козина/. - "Рижский вестник", 3.II.1871, № 26.

⁴ Статья Е. Козина вызвала ряд откликов, см. "Рижский вестник", 4.III.1871, № 50.

от 7 до 15 в год, но среди них лишь одна-две были посвящены русской словесности. Так, в 1867 г. из 15 тем только две имели отношение к русской литературе /"Разбор послания Пушкина "Череп", "Характеристика действующих лиц в комедии "Горе от ума"¹/, а в 1868 г. - из 8 ~~или~~ одной. Чтобы читатели имели некоторое представление о предлагаемых темах для сочинений в Примае, приводим данные за некоторые годы. В 1870 г., например, были даны следующие темы: в первом семестре - 1/Разбор стихотворения Пушкина "К морю", 2/ Кто из московских государей выражал стремление придвинуть Россию к Балтийскому морю и в чем оно выразалось? 3/ Сократ, 4/ Причины Тридцатилетней войны; во втором семестре - 1) Участие России в делах Западной Европы при императрице Елизавете, 2) Следствия Крестовных походов, 3) Вильгельм Оранский, 4) Разбор стихотворения Лермонтова "Спор".² В 1871 г.: I семестр - 1/ Природа есть великая книга, повествующая о премудрости Творца, 2/ О пользе железа, 3/ Генрих IV, король французский, 4/ Биография Ломоносова; II семестр - 1/ Вильгельм Оранский, 2/ Поэма Пушкина "Полтава", 4/ Причины Крымской войны /1853-1856 гг./.³

На основе архивных документов можно восстановить темы письменных работ по русскому языку на выпускных экзаменах в Дерптской гимназии в 1860-1870-е гг.: в 1861 г. - "Экспедиция Наполеона в Египет", 1864 г. - "Леонид при Фермопилах", 1868 г. - "Русский Курций" и "Клопшток", 1870 г. - "Густав Адольф" /перевод с немецкого/, 1873 г. - "Встреча с Пушкиным" /перевод с немецкого/, 1874 г. - "О Великом

¹ Jahresbericht über die Thätigkeit des Revalschen Gymnasiums im Jahre 1867, S. 17.

² Jahresbericht über die Thätigkeit des Revalschen Gymnasiums im Jahre 1870, S. 17.

³ Jahresbericht über die Thätigkeit des Revalschen Gymnasiums im Jahre 1871, S. 17.

Новгороде в древности".¹

В мае 1872 г. вновь была создана Комиссия для пересмотра и исправления программы преподавания русского языка в средних учебных заведениях Дерптского учебного округа. Она работала под председательством нового профессора русского языка и словесности Тартуского университета А.А.Котляревского, известного ученого-слависта,² человека прогрессивных убеждений, открыто выражавшего свое сочувствие к Парижской Коммуне.³ К сожалению, протоколы заседаний Комиссии, по-видимому, не сохранились, и нам известно о ее предложениях лишь по замечаниям, сделанным на них Ученым Комитетом Министерства народного просвещения, а также по окончательному варианту программы. Наиболее важное замечание сводилось к следующему: "Относительно выраженного на стр. 5-ой представленной Вами объяснительной записки желанья указывать ученикам не только ближайший повод сочинения, но и более общее отношение произведения к эпохе, наприм. "Записок охотника" /Тургенева/ к явлениям общественной жизни, Ученый комитет признал такого рода указания если не невозможными, то очень трудными, и, во всяком случае, не могущими принадлежать гимназическому курсу".⁴ Это указание весьма красноречиво показывает, что же не удовлетворило ученых мужей министерства, большей частью консервативно настроенных представителей академической науки, в программе, составленной Комиссией во главе с А.А.Котляревским.

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 405, оп. 1, ед. хр. 497, 549, 575, 616, 630.

² См. о нем: А.Н.Пыпин. Очерк биографии профессора А.А.Котляревского. — "Сборник ОРЯС Имп. АН", 1895, т. 50, стр. I—CI; Б.Правдин. Русская филология в Тартуском университете. — "Ученые записки ТГУ", вып. 35, 1954, стр. 147—153; М.К.Азадовский. История русской фольклористики, т. II. М., 1963, стр. 149—156; С.Г.Исаков. Сквозь годы и расстояния, стр. 23—27.

³ Евгений Деген. Воспоминания дерптского студента. — "Мир божий", 1902, № 3, стр. 99—100.

⁴ ЦГИА ЭССР, ф. 386, оп. 4, 1873 г., ед. хр. 25, л. 2.

В октябре 1872 г. проект программы преподавания русского языка в остзейских гимназиях /с учетом замечаний, сделанных Ученым Комитетом/ был утвержден министром и со второго семестра 1873 г. он должен был быть принят к руководству во всех гимназиях Дерптского учебного округа. Нельзя, однако, не отметить, что в окончательном варианте новой программы, разосланном в 1873 г. в гимназии округа, многие замечания Ученого Комитета все же учтены не были.

"При поступлении в УП класс ученик должен: 1/ уметь довольно правильно читать и хотя несколько понимать прочитаемое, 2/ иметь некоторый навык в письме под диктовку и 3/ знать самые употребительные в обиходной жизни слова и выражения".

Во всех классах было предусмотрено по 5 часов русского языка в неделю.

Программа занятий по классам была следующая.

УП класс.

1/ Чтение по избранной книге	3 ч. в неделю
2/ Учение наизусть кратких прозаических статей и рассказов	} 1 ч. в неделю
3/ Письмо под диктовку и письменные упражнения	
4/ Усвоение практическим путем склонения и спряжения в связи с переводом легких предложений с немецкого языка на русский	1 ч. в неделю

УІ класс.

1/ Чтение по избранной книге более трудных статей сравнительно со статьями, читанными в предыдущем классе	3 ч. в неделю
2/ Диктовка, сопровождаемая замечаниями относительно правописания	} 1 ч. в неделю
3/ Заучивание кратких прозаических статей и рассказов	

- 4/ Повторение курса грамматики УП класса и более сложные случаи склонений /склонение числительных, местоимений и т.д./ 1 ч. в неделю
- 5/ Письменные переводы с немецкого языка на русский отдельных предложений или легких статей, предварительно устно переведенных в классе, - в две недели раз.

У класс

- 1/ Чтение более трудных статей с переводом на немецкий язык и с объяснением их 2 ч. в неделю
- 2/ Диктовка } 1 ч. в неделю
- 3/ Заучивание небольших прозаических рассказов }
- 4/ Систематическое изучение правильных форм всей этимологии 1 ч. в неделю
- 5/ Устный перевод с немецкого на русский легких статей и рассказов, предварительно подготовленный дома 1 ч. в неделю
- 6/ Письменные переводы легких статей /одну неделю подается письменный перевод, а другую диктовка/.

IУ класс

- 1/ Чтение и перевод избранных статей и пересказ их содержания 2 ч. в неделю
- 2/ Диктовка и экстенпоралии } 1 ч. в неделю
- 3/ Заучивание легких стихотворений }
- 4/ Этимология. Учение о предлогах 1 ч. в неделю
- 5/ Устный перевод с немецкого 1 ч. в неделю
- 6/ Письменные переводы с немецкого еженедельно.

III класс

- 1/ Чтение важнейших произведений русской литературы:
Карамзин "Письма русского путешественника" /отдельные письма повествовательного характера/, несколько отрывков из "Истории государства Российского" применительно к проходимому в том же классе курсу русской истории. Отрывки из повестей "Марфа Посадница" и "Наталья, боярская дочь".
Жуковский "Сказка о царе Берендее".
Батюшков "Финляндия", "Похвальное слово сну".
Крылов - басни: "Заяц на ловле", "Музыканты", "Трудолюбивый медведь", "Вельможа", "Свинья под дубом", "Слон и моська", "Осел и соловей", "Лев и мышь", "Крестьянин и работник", "Пустынник и медведь", "Комар и пастухи". 2 ч. в неделю
- 2/ Диктовка и заучивание наизусть стихотворений } че-
ре- 1 ч. в неделю
дуясь
3/ Экстемпорали } по не-
дельно
- 4/ Повторение этимологии, правила согласования и управления слов 1 ч. в неделю
- 5/ Устные переводы с немецкого языка на русский 1 ч. в неделю
- 6/ Письменные переводы и перифразы переведенных устно в классе статей - в 2 недели раз.

II класс

- 1/ Чтение важнейших произведений литературы и устное изложение прочитанных в классе статей. Крылов - басни: "Ворона и курица", "Волк на псарне", "Щука и кот", "Две собаки", "Пушки и паруса", "Гуси", "Листы и корни", "Лягушка и вол", "Туча", "Квартет", "Лев на ловле", "Лебедь, щука и рак".

Пушкин "Капитанская дочка", "Дубровский"; из мелких эпических стихотворений: "Песнь о вещем Олеге", "Утопленник", "Пир Петра Великого", "Табор" /из "Цыган"/. Отрывки из "Евгения Онегина" /"Бал в деревне", "Зима", "Приезд в Москву" и др./.

"Медный всадник". Из более крупных эпических произведений: "Полтава", "Кавказский пленник", "Домик в Коломне". Из лирических произведений: "Клеветникам России", обе "Лицейские годовщины", "Бородинская годовщина", "Пророк" и другие по выбору учителя.

Загоскин "Юрий Милославский"

С. Аксаков "Семейная хроника"

2 ч. в неделю

2/ Экстемпорали еженедельно

1 ч. в неделю

3/ Систематическое изложение синтаксиса

1 ч. в неделю

4/ Устный перевод с немецкого

1 ч. в неделю

5/ Письменный перифраз статей, не переведенных в классе /в 3 недели раз/, или сочинения в форме писем на легкие темы /в 6 недель раз/.

I класс

1/ Чтение образцовых писателей.

Пушкин "Борис Годунов".

Лермонтов - лирические стихотворения по выбору учителя. "Песнь про царя Ивана Васильевича".

Гоголь "Шинель", "Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем" или "Старосветские помещики", "Мертвые души" - отрывки "Коробочка", "Собакевич", "Плюшкин" /сравнительно с "Скупым рыцарем" Пушкина/.

Тургенев - несколько рассказов из "Записок охотника", "Муму".

Гончаров - отрывки из "Обломова", "Обыкновенной истории", "Фрегата Паллады", "Обрыва".

Мелкие общедоступные стихотворения
разных авторов по выбору учителя 2 ч. в неделю

- 2/ Устные рассказы учеников в классе на предварительно заданные каждому из них темы и обсуждение этих рассказов учениками 1 ч. в неделю
- 3/ Экстемпоралии вместо устных рассказов в 3 недели раз
- 4/ Переводы с немецкого языка на русский прозаических и стихотворных произведений 2 ч. в неделю
- 5/ Сочинения на темы в 6 недель раз¹

Были выработаны также требования к ученикам, кончающим гимназический курс. Три первых их пункта почти дословно повторяли требования, выработанные Комиссией 1867 г./см. стр. 103 настоящей книги/, четвертый же пункт сформулирован иначе: "Показать знакомство с прочитанными, начиная с Терции, русскими писателями, причем от ученика требуется умение владеть живым, разговорным языком на столько, чтобы быть в состоянии свободно и правильно отвечать на предложенные ему по этому предмету вопросы".²

К программе классных занятий по русскому языку была приложена также составленная Комиссией "Объяснительная записка" - своего рода методическое указание учителям о том, как надо проводить различные виды занятий по русскому языку и что в них особенно важно. Здесь разбирались следующие виды занятий: чтение образцовых русских писателей, заучивание наизусть стихотворений и прозаических отрывков, грамматика, устные переводы с немецкого языка на русский, письменные упражнения и устные рассказы на предварительно за-

¹ Распределение классных занятий по русскому языку в гимназиях Дерптского учебного округа. Дерпт, 1873, стр. 1-6 /ЦГА ЭССР, ф. 386, оп. 4, 1873 г., ед. хр. 25, лл. 5-7 об./.

² Там же, стр. 7 /л. 8/.

данные темы.

Не рассматривая подробно всех указаний, изложенных в "Объяснительной записке", остановимся лишь на тех, которые имеют отношение к словесности. Относительно классного чтения в числе прочего было сказано: "В третьем, втором и первом классах изучение образцов русской словесности должно состоять: 1/ в усвоении содержания произведения, причем, если для изучения назначен отрывок, то с указанием отношения этого отрывка к целому произведению; 2/ в отношении сочинения к важнейшим событиям жизни автора, напр., при изучении "Писем русского путешественника" Карамзина указать, почему автор обращает внимание на одни, а не на другие стороны европейской жизни; 3/ в отношении сочинения к времени его появления, напр. басен Крылова "Волк на псарне", "Ворона и курица", "Щука и кот"; 4/ в объяснении особенностей слога, как, напр., у Карамзина; 5/ в реальном объяснении, причем учитель не должен уклоняться от прямого предмета в читаемом литературном произведении".¹

Хотя, как мы видели, Ученый Комитет и запретил анализировать отношение произведения к общественным коллизиям своей эпохи, т.е. его социальное содержание, идею, общественную проблематику, но все же цитированная рекомендация учителям показывает, что авторы проекта пытались ввести в гимназический курс элементы историко-литературного анализа и как-то связать изучаемые художественные произведения с историей словесности.

Большого нельзя было и требовать от составителей программы для прибалтийских гимназий, поскольку история русской словесности была в эти годы ликвидирована и в русских гимназиях, количество часов на литературу в них сокращено, а разбор художественных произведений сведен к минимуму. В обстановке наступающей реакции изучение литературы кажется властям опасным. Хотя в соответствии с дополнениями и изменениями в уставе русских гимназий, принятыми в

¹ Там же, стр. 8 /л. 8 об./.

1871 г., к курсу старшего, седьмого, класса и был прибавлен один год, но количество уроков русской словесности в старших классах уменьшилось. "Назначение большого числа уроков собственно на русский язык, — говорилось в постановлении, — признается излишним, ибо из истории русской литературы должны быть сообщаемы в гимназиях лишь важнейшие, притом наиболее твердо установленные в науке сведения, относящиеся к замечательнейшим произведениям, число которых ограничено".¹ Учебным планом гимназий по русскому языку и словесности, утвержденным в 1872 г., предусматривалось, что "занятия словесностью в высших классах (шестом и седьмом) состоят в чтении и разборе избранных образцов литературы... Необходимо ограничить выбор немногими образцовыми произведениями важнейших наших писателей".² Приложенный к учебному плану список этих произведений едва ли шире списка, предусмотренного программой прибалтийских гимназий. Он включает: былинку об Илье Муромце, Несторову летопись, "Слово о полку Игореве", сочинения Курбского, Кантемира (сатира Первая), Ломоносова, Державина ("Фелица", "Видение мурзы", "Памятник"), Фонвизина ("Недоросль"), Карамзина ("Письма русского путешественника", отрывки из "Истории государства Российского"), Жуковского, Крылова, Пушкина (8 лирических стихотворений, "Борис Годунов", "Скупой рыцарь", "Евгений Онегин"), Грибоедова ("Горе от ума"), Гоголя ("Старосветские помещики", "Тарас Бульба", "Мертвые души", "Ревизор") и Лермонтова ("Песня про купца Калашникова", "Мцыри", несколько лирических стихотворений).³ На уроках полагалось давать также краткие биографии крупнейших авторов. При этом в программе особо отмечалось, что никакие критические замечания учащихся при изучении худо-

¹ Сборник постановлений по МНП. Т.5, СПб., 1877, стлб. 342.

² Сборник распоряжений по МНП. Т.5, СПб., 1881, стлб. 602.

³ Там же, стлб. 607-615.

жественных произведений недопустимы. Главное внимание должно быть уделено чисто филологическому разбору. Ученикам запрещалось выходить за пределы самого произведения.¹ Только в 1877 г. в русских гимназиях была восстановлена история русской литературы,² но список произведений и тогда не был расширен.

Все это объясняет, почему в учебном плане для прибалтийских гимназий 1872 г., несмотря на протесты учителей и даже предложения местного учебного начальства, не была восстановлена краткая история русской словесности.

Отметим еще, что список текстов для прибалтийских гимназий более "современен": в него включены произведения Тургенева и Гончарова, в русских гимназиях не проходившиеся. Это, конечно, объясняется не столько большей прогрессивностью составителей прибалтийской программы, сколько тем, что произведения русских авторов прежде всего должны были помочь учащимся овладеть с о в р е м е н н ы м русским языком, памятники же древней литературы, как и работы писателей XVIII в., сравнительно широко представленные в курсе русских гимназий, для этой цели были непригодны да и непонятны прибалтийским школьникам.

Однако вернемся к "Объяснительной записке". Заучивание наизусть стихотворений и прозаических отрывков, которое предусматривалось с седьмого по третий класс, должно было, в первую очередь, помочь учащимся овладеть языком. Но, тем не менее, в записке подчеркивалось, что для заучивания наизусть надо избирать "лучшие произведения образцовых авторов", доступные пониманию учащихся. Для этой цели рекомендовались стихотворения и прозаические отрывки писателей XIX

¹ См. об этом: Д.К.М о т о л ь с к а я. Исторический обзор методики преподавания литературы в дореволюционной школе. - Ученые записки Гос.пед.института им. А.И.Герцена. Т. II. Факультет языка и литературы. Вып. I, Л., 1936, стр. 83-84.

² Сборник распоряжений по МНП. Т.УП, СПб., 1905, стлб. 272-302.

в. "Стихи заимствуются предпочтительно из отдела лирической поэзии и басен; из поэм берутся картины природы, народного быта и исторических происшествий. В прозе предлагаются для этой цели отрывки из сочинений повествовательного содержания. Избирая стихи и прозу для заучивания наизусть, преподаватель неупустительно имеет в виду изображения России в разных отношениях, начертанные в изящных формах языка".¹

В числе "письменных упражнений" предусмотрены и сочинения, но в "Объяснительной записке" ничего не говорится, имелись ли в числе прочего в виду и сочинения на темы из русской литературы.

Принятый в 1873 г. учебный план действовал до середины 1880-х гг. (в некоторых гимназиях до 1882 г.), когда в него были внесены разного рода изменения. В главных гимназиях Эстонии - в Таллинской и Тартуской, - насколько можно судить по ежегодным отчетам, он соблюдался весьма точно. В других гимназиях заметны некоторые, в целом не очень значительные, отклонения от него. Они были совершенно необходимы уже и потому, что до 1877 г. Пярнуская и Аренсбургская гимназии функционировали в составе 6 классов. Впрочем, и после преобразования их с 1877 г. в семиклассные в этих гимназиях остались кое-какие отклонения от учебного плана. Так, в Пярнуской гимназии с 1879 г. было несколько иное распределение часов русского языка по классам:²

классы	УП	УІ	У	ІУ	ІІ	І
к-во часов	6	6	6	5	4	4

Оно, естественно, приводило и к изменению в распределении учебного материала по годам обучения. В Аренсбургской гим-

¹ Распределение классных занятий по русскому языку в гимназиях Дерптского учебного округа, стр. 10 (ЦГА ЭССР, ф. 386, оп.4, 1873, ед.хр. 25, л. 9 об.).

² Chronik des Pärnuschen Gymnasiums für das Jahr 1879. Dorpat, 1879, S. 5.

нази до 1880 г. в Терции полагалось 4 часа русского языка в неделю (в остальных классах — по 5 часов, как и в стандартном учебном плане). В Вишьяндиской (Феллинской) гимназии, основанной в 1875 г. и содержавшейся за счет ливонского дворянства, вначале в Септине было 4 часа русского языка в неделю, а в остальных классах 5. С 1878 г. принято новое распределение часов:¹

классы	УП	УІ	У	ІУ	ІІ	І
к-во часов	4	5	5	5	6	6

В 1879 г. в Тартуской гимназии был организован особый дополнительный класс — *Selekta* — для подготовки учеников Прими к выпускным экзаменам, "с полугодичным курсом и с меньшим в сравнении с Примей числом уроков, с тем, чтобы в этом классе было обращено особое внимание как на повторение и пополнение пройденного, так и на домашние письменные работы учеников и на домашнее чтение писателей".² В Селекте было положено 3 часа русского языка в неделю, которые целиком посвящались чтению и разбору художественных произведений образцовых русских авторов.

Однако программа по русскому языку для всех гимназий, в сущности, была одной и той же, хотя распределение материала и видов занятий по классам и рознилось. Вряд ли есть смысл подробно излагать здесь все эти отличия от стандартного учебного плана. Если кто пожелает разобраться в них, рекомендуем обратиться к ежегодным печатным отчетам отдельных гимназий об их деятельности — к "*Jahresbericht über die Thätigkeit des Arensburgschen Gymnasiums*", "*Jahresbericht über den Bestand und die Thätigkeit des Gymnasiums zu Pernau*" (до 1877 г.) и "*Chronik des Gymnasiums zu Per-*

¹ Bericht über den Bestand und Thätigkeit des livländischen Landesgymnasiums für das Jahr 1878. — Einladungs-Programm zu dem am 16. December 1878 im livländischen Landes-Gymnasium zu Fellin stattfindenden festlichen Redeaact. Fellin, 1878.

² ЦГА ЭССР, ф. 405, оп.1, ед.хр. 659, л. 20.

man" (с 1877 г.), "Bericht über den Bestand und die Thätigkeit des livländischen Landesgymnasium zu Fellin" за указанные годы.

Отвечая на запрос попечителя Дерптского учебного округа о том, как проводятся занятия по русскому языку в гимназиях и, в частности, какие темы даются для сочинений, директор училищ Эстляндской губернии докладывал 28 января 1877 г.: "Для сочинений в старшем классе (Prima) взвешанной мне гимназии задаются темы обыкновенно из русской словесности, причем главным образом имеется в виду то обстоятельство, чтобы ученики могли ознакомиться с образцовыми произведениями русской литературы. Оправдание такого выбора тем для сочинений содержится в том, что ученики гимназии Дерптского учебного округа с немецким преподавательским языком других, более удобных средств не имеют для ознакомления с выдающимися произведениями русской литературы. В остальных же шести классах письменные работы должны ограничиваться лишь переводом более или менее, смотря по классу, легких статей в виду того, что... самый язык представляет ученикам трудности. В низших классах кроме легких переводов ведется еще и диктовка.

Другие занятия и упражнения по русскому языку в старших классах заключаются в курсорном чтении предписанных произведений литературы, в устном перифразе читанного как в классе, так и вне класса, в переводах устных с немецкого языка на русский и в изложении грамматики (т.е. морфологии - С.И.) и синтаксиса".^I

Более точные и исчерпывающие сведения о письменных работах по русскому языку привел дерптский директор училищ. Согласно его отчету попечителю, в Тартуской гимназии предусмотрены следующие письменные работы в течение учебного года.

^I ЦГА ЭССР, ф. 90, оп. 2, ед. хр. 1216, лл. 6 об. - 7 об.

1. Сочинения домашние							6*
2. Другого рода письменные работы							
а) домашние:							
переводы на русский язык,	—	15	15	30	16	12	--
диктовка, переписываемая на дому	30	15	15	--	--	--	--
б) классные:							
диктовка, экстенпор-	—	30	30	15	15	--	--
ли (переводы на русский язык) по усмотрению учителя	--	--	--	15	15	30	10

Сверх того, по усмотрению учителя, делаются переложения стихотворений (во II, III и IV) или читанных в классе статей из важнейших произведений русской литературы (V, VI и VII), пишутся на классной доске переводы применительно к проходимым грамматическим правилам.

* <Примечание> и сверх того до 20 устных рассказов на заданные темы, предварительно записываемых учениками Прими по очереди на дому".¹

Что касается тем сочинений в Приме, то в Тартуской гимназии они давались, "соображаясь с уровнем познаний по русскому языку, ... из русской истории, литературы и всеобщей истории".²

В младших классах еще широко применялось объяснительное чтение, в процессе которого рассматривались и различные грамматические формы, а также переводы с русского на

¹ ЦГА ЭССР, ф. 386, оп.4, 1873 г., ед.хр. 25, л.65.

² Там же, л.63.

немецкий. Этим в значительной мере и исчерпывались виды занятий по русскому языку в прибалтийских гимназиях в рассматриваемый период.

В отличие от 1860-х гг., к концу 1870-х гг. в гимназиях возрастает число тем по литературе, предлагаемых для сочинений. В 1877 г., например, в Таллинской гимназии ученикам Примы были предложены темы: "Верно ли изображен Пушкиным Скупой в лице старого барона?", "Соответствует ли Пугачев в "Капитанской дочке" Пушкина историческому Пугачеву?";¹ в 1878 г. - "Характеристика казачества в "Тарасе Бульбе" Гоголя";² в 1878 г. - "Характеристика летописца по У сцене драмы "Борис Годунов" Пушкина" и "Только после великих деяний возможно процветание поэзии народа";³ в 1881 г. - "Памятник" Державина сравнительно с одой Горация "Ad Melanepem" и "Памятником" Пушкина" и "Россия молодая, В бореньях силы напрягая, Мужала с гением Петра".⁴ В Тартуской гимназии и в конце 1870-х гг. примерно половина тем сочинений бралась из истории, а половина носила литературный характер. В Пярнуской гимназии в Приме по-прежнему преобладали нелитературные темы сочинений. Так, например, в 1878 г. из шести тем лишь две были посвящены русской словесности ("Характеристика действующих лиц драмы "Борис Годунов"; "Помещики в "Мертвых душах" Гоголя").⁴ То же можно сказать и об Аренсбургской гимназии, где в 1869-1879 гг. сочинения регулярно писались не только в Приме, но и в Секунде, а в отдельные годы даже в Терции. В 1879 г. в Секунде было пред-

¹ Jahresbericht über die Thätigkeit des Bevalschen Gymnasiums im Jahre 1877. - Einladung zum feierlichen Redect im Gouvernements-Gymnasium zu Revel am 19. December 1877, S. 18.

² Ibid... 1878, S. 18.

³ Ibid... 1881, S. 17.

⁴ Chronik des Gymnasiums zu Pernau für die Jahre 1877 und 1878. Pernau, 1878, S. 17.

ложено ученикам три литературные темы (из пяти): "Передача прозов и объяснение смысла басни Крылова "Дарчик", "Былина о Садко", "Ломоносов"; в Приме - две (из шести): "Содержание драматической пьесы Пушкина "Моцарт и Сальери", "Повесть о муромском князе Петре и супруге его Февронии".¹ Достоин внимания, что в Арнсбургской гимназии для русских сочинений нередко предлагались темы из эстонского фольклора и краеведческие. Так, в 1869 и 1880 г. арнсбургские гимназисты писали в Приме сочинение о Калевипоэте, в 1869 г. - об "эстонских сагах"² и т.д.

Выбор тем, само собой разумеется, во многом зависел от вкусов учителя: некоторые любили темы сопоставительные (вроде "Сравнение Плюшкина Гоголя со Скупым рыцарем Пушкина", Пярнуская гимназия, 1876, 1879), другие предпочитали разбор небольшого стихотворения или отдельного образа, третьи - пересказ содержания какого-то большого, прочитанного дома произведения, четвертые - сочинения на биографические темы (так, например, в 1878 г. в Тартуской гимназии из пяти тем три были такого рода - биографии Лермонтова, Грибоедова и Крылова³), пятые, как мы видели, вообще отдавали предпочтение темам историческим.

Впрочем, выбор тем определялся не только вкусом преподавателя, но и его подходом к анализу литературного текста, избранной им методикой преподавания словесности. Некоторые учителя стремились подойти к рассматриваемым в классе произведениям русских авторов исторически и во главу угла ставили историко-литературный анализ; другим казался более приемлемым в школе биографический метод изучения словесности; третьим - стилиевой анализ, который, кста-

¹ Jahresbericht über die Thätigkeit des Arnsburgschen Gymnasiums im Jahre 1879. Arnsburg, 1880, S. 13.

² Ibid... 1869, S. 19; Ibid... 1880, S. 14.

³ Jahresbericht über die Thätigkeit des Dorpatschen Gymnasiums im Laufe des Jahres 1878, S. 24.

ти, особенно поощрялся свыше; четвертым не был чужд психологический подход к анализируемым произведениям и т.д. К этому вопросу мы еще вернемся ниже, хотя заранее хотелось бы оговорить, что скудный материал, имеющийся в нашем распоряжении, чаще всего не позволяет более четко определить какие-то тенденции в системе преподавания словесности.

Остановимся подробнее на том, как шло в прибалтийских гимназиях изучение русской литературы. Речь в данном случае, собственно, может идти лишь об изучении образцов русской словесности в трех старших классах.

Список произведений для чтения и разбора в III-I классах, указанный в программе, отнюдь не носил обязательного характера и на практике почти никогда в полном объеме не проходил. По-видимому, он должен был обозначать лишь ту совокупность текстов, из которых учитель мог выбрать необходимые для чтения, перевода, пересказа и в какой-то мере для разбора произведения. Этот список был и слишком велик: трудно представить, чтобы все произведения, указанные в нем для определенного класса, действительно, можно было успеть прочитать, перевести и разобрать за один учебный год с учениками, в целом плохо владевшими русским языком. Даже в тех случаях, когда учитель следовал за программой, он обычно проходил за год лишь часть списка: так, в 1876 и 1877 гг. в Секунде Тартуской гимназии читались и разбирались только "Полтава", "Дубровский" и отдельные отрывки из "Евгения Онегина", в Примо же в 1877 г. — лишь "Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем" и отдельные главы "Мертвых душ" Гоголя.²

¹ За первые десять лет действия учебного плана 1872 г. мы зафиксировали лишь несколько случаев "стопроцентного" выполнения программы в отношении предусмотренного ею лектура (в частности, в Таллинской гимназии в 1874 г.).

² См.: Jahresbericht über die Thätigkeit des Dorpat-schen Gymnasiums im Laufe des Jahres 1876, S. 20; Jahresbericht... 1877, S. 21 u. 23.

Чаще же всего учителя вообще не придерживались программного списка, нередко читали и разбирали в классе произведения русских классиков, программой вовсе не предусмотренные, или же проходили в Секунде произведения, положенные для Примы или Терции, и наоборот. Некоторые произведения, указанные в списке, в силу ряда причин крайне редко изучались в гимназиях Эстонии интересующего нас периода ("Наталя, боярская дочь" Карамзина, произведения Батюшкова в Терции, "Дриг Милославский" Загоскина и "Семейная хроника" С.Аксакова в Секунде). Зато другие произведения, в этом списке отсутствовавшие, весьма часто привлекали внимание учителей. Это объяснялось разными причинами: вкусом и общественно-литературными симпатиями преподавателей, составом хрестоматий, принятых в трех старших классах гимназий, наличием в школьных библиотеках тех или иных изданий русских классиков, т.е. большей или меньшей доступностью для учеников определенных произведений, и т.д.

Из лектура, предназначенного для Терции, наиболее часто проходились произведения Карамзина и Крылова, а также Жуковского, для Секунды - Пушкина (хотя их читали не только во втором, но и в третьем и первом классах), для Примы - все авторы, но опять же на практике они изучались не только в этом, но и в двух младших классах.

Из не указанных в программе произведений в старших классах прибалтийских гимназий особенно часто читались и разбирались "Горе от ума" Грибоедова, "Скупой рыцарь" Пушкина, "Тарас Бульба" и "Ревизор" (в отрывках) Гоголя, отдельные разделы "Героя нашего времени", "Мцыри" и "Демон" (в отрывках) Лермонтова, "Князь Серебряный" А.Толстого (в отрывках). Столь частое обращение к историческому роману А.Толстого, как и к некоторым другим произведениям (в частности, к "Уездному лекару" Тургенева), объясняется тем, что отрывки из него были включены в широко употреблявшуюся в остзейских гимназиях "Русскую хрестоматию" К.А.Галлера и А.А.Соколова. Нередко в старших классах гимназий в

течение первых десяти лет действия учебного плана 1872 г. проходились и такие не предусмотренные программой произведения, как "Недоросль" Фонвизина, сказки, "Война мышей и лягушек", "Ленора" Жуковского, сказки, маленькие трагедии и "Летопись села Горюхина" (под этим названием в ту пору была известна "История села Горюхина") Пушкина, "Вий", "Ночь перед Рождеством", "Майская ночь", "Сорочинская ярмарка" Гоголя. В отдельных случаях встречаются произведения, которых вообще трудно ожидать в царской гимназии и которые наверняка не могли быть рекомендованы учебным начальством. Так, в Тартуской гимназии в 1876 и 1878 гг. разбирались "Рудин" и "Ася" Тургенева, а в Таллинской гимназии в 1882 г. — даже "Отцы и дети"; в той же Тартуской гимназии в 1879—1881 гг. мы встречаем "Рассказы о севастопольской обороне", "Детство", "Три смерти" Л.Толстого; в Тартуской, Таллинской и Аренбургской гимназиях в некоторые годы проходились стихотворения Некрасова "Влас", "Забятая деревня" и поэма "Мороз, Красный нос".¹

Это показывает, что учителя не были полностью удовлетворены программой. Лучшие из них — вопреки предписаниям свыше — делают попытки обратиться к современной литературе, как более близкой и интересной учащимся. Некоторые преподаватели-словесники, по-видимому, сознательно обращаются к демократическому лагерю в русской литературе, к тем авторам, которые игнорировались учебным начальством и официальным литературоведением, но которые в своих произведениях отвечали на самые болезненные вопросы современности. Это было новым и прогрессивным явлением в истории преподавания русского языка и словесности в школах Прибалтики, которое явно противоречило официальным установкам, типичным для системы классического образования.

Нас, естественно, интересует вопрос, ограничивалось ли изучение русской словесности в прибалтийских гимназиях лишь чтением произведений и разъяснением трудных, непонятных

¹ Все эти сведения позаимствованы нами из цитированных выше ежегодных печатных отчетов гимназий об их деятельности за 1873—1885 гг.

ученикам мест в них или же на уроках давался и историко-литературный разбор? Другими словами - вводились ли в изучение словесности элементы истории литературы? Печатные отчеты о деятельности гимназий за интересующий нас период позволяют частично ответить на этот вопрос. В большинстве случаев, особенно в Секунде и Приме, дело все же не ограничивалось лишь комментированным чтением произведений. Почти во всех гимназиях регулярно изучались на уроках русской словесности и биографии тех писателей, чьи произведения проходились в классе, прежде всего Пушкина, Крылова, Карамзина, Грибоедова, Жуковского, Гоголя, Лермонтова, Гончарова, А.Толстого. В отдельных случаях изучались и биографии тех авторов, произведения которых, как будто, не указываются в числе пройденных: так, в 1879 г. учитель К.Поляновский в Приме Аренбургской гимназии проходил с учениками биографию Белинского по "Истории русской литературы в очерках и биографиях" П.Полевого¹ (случай из ряда вон выходящий в истории остзейских гимназий 1870-1880-х гг.); в 1881 г. в Приме Вильяндиской гимназии рассматривалась биография Кольцова² и т.д.

Нередко в печатных программах учебных занятий отдельных гимназий прямо указывается, что чтение произведений сопровождается "биографическими и историко-литературными объяснениями".³ Это показывает, что учителя все же выполняли рекомендации "Объяснительной записки" к программе 1872 г.,

¹ Jahresbericht über die Thätigkeit des Arensburgschen Gymnasiums im Jahre 1879. Arensburg, 1880, S. 13.

² Bericht über den Bestand und die Thätigkeit des livländischen Landesgymnasiums für das Jahr 1881.-В кн.: Einladungsprogramm zu dem am 19. December 1881 im livländischen Landesgymnasium zu Fellin stattfindenden festlichen Redesact. Fellin, 1881, S. 33.

³ См., напр.: Jahresbericht über den Bestand und die Thätigkeit des Dorpatschen Gymnasiums für das Jahr 1879. Dorpat, 1879, S. XVI, XVIII; Jahresbericht über die Thätigkeit des Arensburgschen Gymnasiums im Jahre 1880. Arensburg, 1881, S. 14.

где, как мы помним, предлагалось при чтении в классе произведений разъяснять ученикам их отношение к биографии автора, к своей эпохе, объяснять особенности их стиля, а также давать реальный комментарий к текстам.

Если судить по печатным отчетам, особенно хорошо в этом плане обстояло дело в Таллиннской гимназии. В классе при чтении произведений там неизменно было принято давать, уже начиная с Терции, и объяснение их историко-литературного значения. Кроме биографии писателя, обычно рассматривалось и историко-литературное значение его творчества в целом. Так, в 1874 г. в Терции изучалось "литературное, стилистическое и историческое значение Карамзина", в Секунде - басни Крылова "с указанием отношения их к истории и к современному быту русского общества", в Приме - "характеристика личности Пушкина и развитие его поэтического таланта";¹ в 1877 г. в Терции - "Значение басни вообще и в особенности значение басен Крылова", "Биография Жуковского, его значение и литературное (романтическое) направление" (то же и относительно Карамзина), в Секунде - наряду с биографией Пушкина и с историко-литературным разъяснением проходимых в классе его работ, рассматривалось также значение поэта "в русской литературе и отличительный характер его литературных произведений", "Краткая биография Фонвизина. Его комедия "Недоросль", разбор характеров читанной комедии с указанием на воспитание и нравы русского общества Екатерининского времени", в Приме - биография и литературное значение Гоголя, разбор характеров в рассмотренных его произведениях, сравнение Плюшкина со Скупым рыцарем Пушкина.² В ряде других случаев также предусмат-

¹ Jahresbericht über die Thätigkeit des Revalschen Gymnasiums im Jahre 1874. - В кн.: Einladung zum feierlichen Redeact im Gouvernements-Gymnasium zu Reval am 20. December 1874. Reval, 1874, S. 13, 15, 17.

²

Там же за 1877 г., стр. 13, 15, 16-17.

ривался разбор характеров в произведениях, читаемых в классе или дома. Иногда на уроках ставились и более широкие историко-литературные проблемы: так, в 1876 г. в Приме Таллинской гимназии была пройдена тема "Новое направление русской литературы в сочинениях Гоголя, Тургенева, Гончарова", а в 1878 г. - "Направление новейшей литературы вообще и Тургенева в особенности".¹

В Аренсбургской гимназии, где преподавал уже упоминавшийся выше К.Поляновский, даже предпринимались попытки, вопреки программе, восстановить в какой-то форме курс истории русской литературы: в 1875 г. с учениками Секунды проходила история литературы от Ломоносова до Пушкина, а в 1877 г. в Приме экстемпоралии чередовались с "кратким обзором важнейших русских писателей XIX столетия".²

В Пярнуской гимназии в 1872-73 гг. в Приме проходились биографические очерки русских писателей, начиная с Ломоносова, по "Истории русской литературы" П.Полевого.³

С 1873 г. в Тартуской и Пярнуской гимназиях для расширения познаний учащихся в области русского языка и словесности применялась другая интересная форма занятий: доклады и рефераты учеников Примы, главным образом на литературные, но нередко и на исторические темы. Они готовились дома, предусматривали чаще всего чтение непрограммных или не проходившихся в классе произведений русских писателей, а также исторических и литературоведческих работ и зачитывались затем на уроке (в Тартуской гимназии через каждые две недели, чередуясь с экстемпоралиями). В 1874 г., например, в Приме Тартуской гимназии были прочитаны доклады на следующие темы: I семестр - "Екатерина II", "Крылов", "Содержание комедий Крылова", "Биография Карамзина", "Язычес-

¹ Там же за 1876 г., стр. 17, за 1878 г., стр. 17.

² Jahresbericht über die Thätigkeit des Arensburgschen Gymnasiums im Jahre 1875, S. 16; Ibid... 1877, S. 12.

³ Jahresbericht über den Bestand und die Thätigkeit des Gymnasiums zu Pernau im Jahre 1872, S. 14; Ibid... 1873, S. 15.

тво у славян", "Гоголь", "Содержание "Старосветских помещиков" Гоголя"; II семестр - "Ломоносов", "Суворов", "Домашний быт русских царей", "Пушкин", "Содержание "Евгения Онегина"", "Лермонтов", "Феофан Прокопович и его время", "Содержание "Мертвых душ"", "Содержание "Ревизора"". ¹ Рефераты типа двух последних должны были дать ученикам Примы представление о произведениях в целом, их сюжете и композиции, поскольку на уроках читались лишь отрывки из "Евгения Онегина", "Мертвых душ" и "Ревизора". В 1875 г. в Приме в первом семестре учащиеся под руководством проф. П.А.Висковатова читали Пушкина и делали рефераты о его жизни и творчестве; в параллельной Приме во втором семестре были прочитаны следующие доклады: "Характер Иоанна III", "Черты из биографии Крылова", "Об "Истории" Карамзина", "О прозаических произведениях Лермонтова", "Сказки в стихах Жуковского", "Характер Чичикова", "О романтизме Жуковского", "О татарах и татарском иге", "О баснях Крылова", "О следствии введения христианства в России". ² Как видим, иногда среди докладов появляются и проблемные, историко-литературные. В Пярнуской гимназии в 1879 г. рефераты посвящались преимущественно тем писателям, которых не было в употреблявшейся в Приме хрестоматии К.А.Галлера и А.А.Соколова. ³ Ученические рефераты были приняты и в некоторых других гимназиях. ⁴ Они значительно расширяли историко-литературный кругозор учащихся и служили важным дополнением к читавшимся в классе произведениям.

¹ Jahresbericht des Dorpatschen Gymnasiums... 1874, S. 38.

² Там же за 1875 г., стр. 35.

³ Chronik des Pernauschen Gymnasiums für das Jahr 1879. Dorpat, 1879, S. 21.

⁴ В частности, в Аренбургской; см.: Jahresbericht über die Thätigkeit des Arensburgschen Gymnasiums im Jahre 1879, S. 13-14.

Отметим еще некоторые "нестандартные" формы занятий по русскому языку, словесности и истории, принятые в отдельных гимназиях.

В Вильяндиской гимназии с 1878 г. вместо курса истории России, который был слит со всеобщей историей, были предусмотрены уроки исторического лектюра; на них читались биографии выдающихся русских деятелей прошлого (в частности, Ермака, Бориса Годунова, Лжедмитрия, Прокопия Ляпунова, Минина и Пожарского, Богдана Хмельницкого, царевни Софии, царевича Алексея и Петра I, Меншикова, Феофана Прокоповича и других), главным образом, по известной книге Н.И.Костомарова "Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей", которая по своему типу приближалась к художественной прозе.

Особенно много внимания русской литературе уделялось в Селекте Тартуской гимназии, где все уроки русского языка, как мы уже указывали, заполнялись чтением и разбором художественных произведений. К тому же функционировало еще и специальное русское отделение Селекты, где охват литературного материала был особенно широк. В 1879 г. в тартуской Селекте в первом семестре читались, например, "Детство и отрочество", "Три смерти" и "Война и мир" (само собой разумеется, в отрывках) Л.Толстого.^I

Как и в предыдущий период, во многих прибалтийских гимназиях были приняты доклады учеников и учителей на торжественных гимназических актах, в частности, на выпускном. Многие из них читались на темы из русской литературы. Сохранились темы докладов, прочитанных в Вильяндиской гимназии. В 1877 г. на открытии нового здания гимназии в числе прочих был прочитан доклад ученика Г.Штакельберга о Ломоносове, на торжественном акте 1878 г. - о Гоголе, 1879 г. - о "Демоне" Лермонтова, 1880 г. - о "Горе от ума" Грибоедова; в 1881 г. на торжественном акте выступил с речью о Фон-

^I Jahresbericht über den Bestand und die Thätigkeit des Dorpatschen Gymnasiums für das Jahr 1879, S. XVIII.

визине учитель русского языка А.Слефогт, а ученик Н.Путтенбах прочитал доклад "Характер поэзии Кольцова" ; в 1882 г. был прочитан доклад о "Песне про купца Кадашикова" Лермонтова, в 1883 г. старший учитель Грёнберг говорил о Тургеневе, а ученик А.Фрейтаг - о "Горе от ума"; в 1884 г. был доклад о Гоголе, в 1885 г. - "Дюность Тургенева и первые его попытки в области поэзии" и т.д. Кроме того, в гимназии устраивались специальные доклады учителей на научные темы в актовом зале (т. наз. *Aula-Vorträge*). В 1885 г. учитель Дунов прочитал там доклад о русских былинах, а в 1888 г. - о Мицкевиче.¹

Как и ранее, уровень преподавания русской словесности и степень знакомства учеников с творчеством русских писателей, во многом, зависели от учителя, от его знаний, от его умения найти путь к уму и сердцу учащихся. Среди преподавателей местных гимназий в 1860-1880-е гг. мы видим ряд хороших педагогов, умевших, как можно предполагать, даже в тех неблагоприятных условиях, в которые они были поставлены, возбудить у учащихся интерес к русской литературе. К сожалению, в наших руках нет подробных сведений об их деятельности. Однако в целом уровень знакомства с русской литературой прибалтийских гимназистов и в рассматриваемый период, несмотря на обширную программу по этому предмету, не был особенно широк и глубок. На основных причинах этого мы уже останавливались.

Как мы уже отмечали, в окончательном варианте учебного плана, введенного в действие с 1873 г., отнюдь не были учтены все замечания Ученого Комитета при Министерстве народного просвещения на проект плана. Это и не удивительно, потому что замечания Комитета изменяли всю сравнительно стройную и продуманную систему преподавания русского языка в гимназиях Прибалтики. По-видимому, невыполнение требований Ученого Комитета в конце концов обратило внимание

¹ F. W a l d m a n n. Schlussbericht über den Bestand und die Thätigkeit des livl. Landesgymnasiums zu Fellin 1875-1892. Fellin, 1892, S. 24-33.

высшего учебного начальства. 16 декабря 1881 г. последовало циркулярное распоряжение попечителя Дерптского учебного округа о том, чтобы "указания Ученого Комитета были приняты к руководству с начала будущего семестра".¹

Ученый Комитет требовал ввести следующие изменения в план преподавания русского языка: "В УП и УI классах должно быть уделено по одному часу на письменные упражнения в классе, но отнюдь не на одну диктовку..., все остальные уроки следовало бы употреблять на грамматику, то есть на изучение сначала правильных, потом неправильных форм со многочисленными упражнениями на каждую из них в переводах с русского на немецкий и с немецкого на русский, с заучиванием при этом каждый раз слов и целых выражений, особенно же подходящих к грамматическому правилу изречений в стихах и прозе, пословиц, поговорок и т.д., насколько они выражены вполне правильною современною литературною речью. При 5 уроках в неделю в УП и УI классах все существенное в русской этимологии будет твердо пройдено, и вместе с тем учащиеся приобретут богатый запас русских слов, выражений и оборотов... Уже после этого в У классе может начаться чтение небольших цельных статей самими учениками с переводом на немецкий язык, с передачей их содержания на русском языке, с разработкой их по методу Робертсона и с заучиванием наизусть лучших из них по содержанию и выражению, причем следовало бы при этом заучивании всегда отдавать предпочтение стихам перед прозой, не избегая однако же и последней. — На это чтение в У и IU классах могло бы быть назначено от 2 до 3 уроков в неделю, два урока на прохождение синтаксиса с теми же упражнениями на каждое правило в переводах с русского на немецкий и в особенности с немецкого на русский, как и при изучении этимологии, с заучиванием слов и примеров, с прискиванием примеров в образцовых писателях и заучиванием их наизусть и т.д."²

¹ ЦГИА СССР, ф. 386, оп. 4, 1873 г., ед. хр. 25, л. 82.

² Там же, л. 81-81 об.

С II класса, по мнению Ученого Комитета, могло начаться чтение важнейших произведений русской литературы с переводом, пересказом и заучиванием наизусть отдельных отрывков, но без историко-литературного разбора их и, в особенности, без выяснения отношения рассматриваемых произведений к эпохе, в которую они были созданы, к явлениям общественной жизни. На это рекомендовалось выделить 3 часа в неделю, один же час — "на повторение с дополнениями более научного характера этимологии и синтаксиса и по одному же часу на всякого рода письменные и другие упражнения (например, рассказы из домашнего чтения) в классе".¹

Осуществление этих предложений Ученого Комитета фактически означало бы изменение всей системы преподавания русского языка в гимназиях, замену старого учебного плана 1872 г. новым и отнюдь не лучшим, ибо ученые мужи из Комитета не знали положения дел в прибалтийских учебных заведениях, не были знакомы с практикой обучения русскому языку в них. В частности, в корне изменялась система преподавания грамматики. По плану 1872 г. в двух младших классах грамматика изучалась лишь практически, систематический же, построенный на научной основе курс грамматики проходил в У-II классах (в У-III — в основном, этимология, т.е. морфология, во II — синтаксис), когда учащиеся уже были в состоянии сознательно усваивать грамматические нормы. По новым же предписаниям всё изучение грамматики было сдвинуто вниз, перенесено в младшие классы. Фактически всё обучение русскому языку в них должно было быть подчинено усвоению грамматики, что лишь усугубляло старые беды всей системы обучения этому языку в прибалтийских учебных заведениях.

Нет ничего удивительного, что эти предложения сразу же вызвали протесты учителей.²

¹ Там же, лд. 81 об. — 82.

² См.: Erwin B a c h e r. Neuerungen im Lehrplan für den Unterricht in der russischen Sprache an den Gymnasien des dörptschen Lehrbezirks. — "Baltische Monatschrift", Bd. XXIX, 1882, S. 65-70.

На практике, как показывал ежегодные отчеты гимназий, циркуляр попечителя выполнен не был. В Пярнуской гимназии, например, все занятия и в 1882-1885 гг. продолжались по старому учебному плану. В некоторых гимназиях, как, например, в Таллинской, была сделана попытка как-то примирить новые предложения попечителя со старым учебным планом: в младших классах преподавание грамматики было несколько усилено, но по-прежнему в Септима и Сексте много внимания уделялось чтению, в процессе которого ученики заучивали слова, обороты речи и отдельные выражения, а систематический курс грамматики (синтаксис) завершался в Секунде. Но, в результате, возникла лишь изрядная неразбериха с учебным планом преподавания русского языка.

Еще до указанного циркуляра, в октябре 1881 г., попечитель Дерптского учебного округа А. Штапельберг предложил Дерптскому директору училищ учредить комиссию из преподавателей русского языка и истории Тартуской (Дерптской) гимназии для составления проекта новой программы и нового распределения занятий по русскому языку, истории и географии. При этом попечитель обращал внимание на то, что в младших классах гимназий зачастую по русскому языку проходит материал, предусмотренный программой начальных училищ. Попечитель считал такое дублирование недопустимым; преподавание русского языка в младших классах гимназий должно быть продолжением, а не повторением курса начальной школы. Он также отметил, что ученики гимназий, приступая к изучению русской истории, еще не владеют достаточно русским языком и поэтому не в состоянии усвоить новый курс. В результате, курс истории России ничего не дает ни для познания истории, ни для обучения русскому языку.¹

В ЦГА ЭССР сохранился черновой проект новой программы по русскому языку, выработанный комиссией. В "Объяснительной записке" к нему указывалось: "Цель изучения русского языка в гимназиях Дерптского учебного округа есть чисто практическая; желаемый результат есть 1) практичес-

¹ ЦГА ЭССР, ф. 386, оп. 4, 1873 г., ед. хр. 25, лл. 71-72.

кое знание великорусского, как языка государственного, и 2) знакомство, хотя и весьма ограниченное, с русской литературой, как выразительницей народного характера и народного мировоззрения".¹

Новая программа основывалась на том, что "всё, что должно быть усвоено памятью, должно быть усвоено учеником уже в младших классах, а то, над чем ему приходится попризадуматься да поразмыслить, — должно быть проходимым в старших классах". Отсюда "затверживание наизусть грамматических форм, отдельных слов и оборотов отнесено к курсу четырех младших классов; практическое же применение приобретенного таким образом материала, расширение его и ознакомление учеников с важнейшими литературными произведениями составляет задачу трех старших классов".²

Составители программы ратовали также за связь теории с практикой в процессе обучения русскому языку. "С этой целью рука об руку с изучением грамматики должно идти упражнение в переводе с русского языка на немецкий (и наоборот) предложений, восходящих, применительно к проходимому в грамматике, от самых легких (для понимания) и простых (по грамматическому их строю) до более трудных и, наконец, цельных статей и рассказов".³ Особенно хорош для двух младших классов прием "ретроверзации", который может служить переходом к связной передаче легких цельных статей (в Квинте), а позже и рассказов (в Кварте).

"Начиная с пятого класса (Tertia)⁴ центр тяжести переходит с грамматических упражнений на практическое применение приобретенного материала и расширение его посредст-

¹ Там же, л. 76.

² Там же, л. 76 об.

³ Там же, л. 77.

⁴ Здесь и далее авторы программы пытаются соединить принятую в русских учебных заведениях нумерацию классов, начинавшуюся с младшего, низшего, с прибалтийской.

вом чтения произведений лучших новейших писателей".¹ Но это не снимает необходимости повторного, теперь уже построенного на научной основе курса грамматики, где важнейшие явления русского языка должны объясняться исторически и в сопоставлении с другими языками.

"Выбор литературных произведений для классного чтения предоставляется опытности и педагогическому такту преподавателя; часто ему придется соображаться с условиями, в которые поставлено у нас издание целиком отдельных произведений русских писателей... ; поэтому-то и на указанные программы произведения следует смотреть лишь как на материал, пригодный для выбора по усмотрению учителя".²

В Терции, где ученики обычно переходили к новому преподавателю русского языка, на уроках словесности рекомендовались объяснения учителя и переводы текстов на немецкий язык учениками. Как правило, "прочитанное ученики должны передавать в начале следующего урока, сначала придерживаясь, по возможности, самого подлинника (*Tertia*), даже заучивая его местами наизусть, затем, по мере количественного расширения прочитанного материала, — своими словами, но подробно и толково (*Secunda, Prima*)".³ Даже и в двух старших классах учителю рекомендовалось время от времени читать вслух проходные тексты и разъяснять ученикам трудные или непонятные им выражения. Наряду с устным пересказом, уже начиная с Квинты, считалось полезным предлагать ученикам также упражнения в записи пересказа на доске.

Как можно чаще рекомендовалось давать и домашние письменные упражнения: в УП-УІ классах — еженедельно, в У и ІУ — в 2 недели раз, в Ш и П — в 3 недели раз, в І и Селекте — в месяц раз.

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 386, оп. 4, 1873 г., ед.хр. 25, л. 77.

² Там же, л. 77 об.

³ Там же

"В заключение остается выразить желание, — указывали авторы "Объяснительной записки", — чтобы в Селекте Дерптской гимназии из трех уроков русского языка один был употреблен на краткий обзор русской литературы, преимущественно, конечно, новейшей".¹

Проект программы преподавания русского языка был следующим.

Прежде всего определялись требования для поступающих в младший класс гимназии:

" 1. Ученик должен довольно правильно прочесть статью, состоящую из самых обиходных слов;

2. понимать прочитанное;

3. писать правильно под диктовку небольшую статью, состоящую из обиходных слов;

4. определить встречающиеся в предложенной статье важнейшие правильные грамматические формы, относящиеся к склонению и спряжению (за исключением причастий и дееприятий)".²

В самом проекте программы были учтены замечания Ученого Комитета при Министерстве народного просвещения, сделанные на программу 1872 г. В каждом классе, как и в старой программе, было предусмотрено 5 часов русского языка в неделю.

Септима. Грамматика: систематическое изучение правильных форм склонения и спряжения в связи с практическими упражнениями в переводах с русского языка на немецкий и наоборот, с заучиванием слов и выражений — 4 ч. Письменные упражнения: экстенпоралии и диктовка — 1 ч. Домашние работы один раз в неделю.

Секста. Грамматика: систематическое изучение неправильных форм склонения и спряжения — 4 ч. Письменные упраж-

¹ Там же, л. 78 об.

² Там же.

Иения: экстемпоралии и диктовка - 1 ч. Домашние работы - 1 раз в неделю.

Квинта. Грамматика: повторение курса Септими и Сексти; степени сравнения; учение о предлогах; учение об образовании видов русского глагола - 2 ч. Чтение небольших цельных статей с переводом на немецкий и с передачей их содержания на русском языке - 2 ч. Письменные упражнения, экстемпоралии - 1 ч. Домашние работы в 2 недели раз.

Кварта. Грамматика: краткий курс синтаксиса русского языка. Учение об употреблении видов - 2 ч. Чтение более трудных статей с устной передачей прочитанного - 2 ч. Письменные упражнения (экстемпоралии) - 1 ч. Домашние работы в 2 недели раз.

Терция. Чтение важнейших произведений русских писателей с пересказом ("Дубровский", "Капитанская дочка", "Повести Белкина", "Летопись села Горохина" Пушкина; "Фаталист" Лермонтова; "Рассказы о севастопольской обороне", "Детство и отрочество", "Три смерти" Л.Толстого и т.д.) - 3 ч. Повторение грамматики - 1 ч. Экстемпоралии - 1 ч. Домашние работы в 3 недели раз.

П р и м е ч. С уроками, определенными на повторение грамматики или на экстемпоралии, по усмотрению учителя, соединяются упражнения в устном переводе с немецкого языка на русский.

Секунда. Чтение с пересказом (избранные басни Крылова; "Вий", "Старосветские помещики", "Тарас Бульба", "Ночь перед Рождеством" Гоголя; "Песня про царя Ивана Васильевича" Лермонтова; "Кавказский пленник", "Полтава", "Медный всадник" Пушкина и др.) - 3 ч. Повторение грамматики - 1 ч. Экстемпоралии - 1 ч. Домашние работы в 3 недели раз.

П р и м е ч. Упражнения в переводе с немецкого языка на русский, как в Терции.

Прима. Чтение с пересказом ("Борис Годунов", "Евгений Онегин" Пушкина; "Шинель", "Мертвые души", "Ревизор"

Гоголя; "Записки охотника", "Муму" Тургенева; "Обыкновенная история", "Обломов" Гончарова; избранные драмы Островского; "Князь Серебряный" А.Толстого; "В лесах", "На горах" Мельникова-Печерского и др.) - 3 ч. Переводы с немецкого языка на русский - 1 ч. Экспромтажи - 1 ч. Домашние работы в месяц раз.¹

Завершался проект программы требованиями по русскому языку к ученикам, окончившим курс гимназии: " 1) умение свободно переводить с русского языка на немецкий (из книг не специального содержания); 2) практическое знание русского языка и его грамматики, которое он имеет доказать: а) письменно: или в переводе с немецкого языка на русский или в сочинении на заданную тему; б) устно - правильным пересказом прочитанных им произведений литературы".²

Дальнейшая судьба этого проекта нам неизвестна. Ни в печатных, ни в архивных источниках нам не удалось найти сведений о том, был ли он утвержден попечителем или министерством, введен ли в виде опыта на определенный срок или нет. Однако следы его в учебной деятельности Тартуской гимназии видны: с 1882 г. занятия по русскому языку в ней идут, за малыми исключениями (в Квинте и Кварте предусмотрено еще и заучивание стихотворений и рассказов, в Кварте - также переводы с немецкого на русский; в Секунде - не повторение грамматики, а изучение синтаксиса), именно по этому плану.

Возможно, новые проекты программы были составлены по указанию попечителя и в других гимназиях, но единой общеприбалтийской программы на их основе, по-видимому, создано не было.

Существенные изменения в системе преподавания русского языка относятся лишь к 1885 г. и связаны с готовившимся преобразованием прибалтийских гимназий вообще. 28 августа 1885 г. последовал циркуляр попечителя Дерптского учебного

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 386, оп. 4, 1873 г., ед.хр. 25, лл. 78 об. - 80.

² Там же, л. 79^а об.

округа М.Капустина, санкционированный предварительно министром народного просвещения. В соответствии с ним в гимназиях было восстановлено преподавание географии России на русском языке (всего 3 недельных часа, начиная с IУ класса; при этом часы на нее должны были быть взяты от всеобщей географии и других предметов). Общее количество уроков по русскому языку оставлено прежним, но изменено распределение их по классам: в трех младших полагалось по 6 часов русского языка в неделю, в 4-ом - 5 и в трех старших - по 4. В подготовительных классах гимназии было предложено ввести наглядное обучение на русском языке и при поступлении в седьмой класс требовать от учеников умения читать и писать под диктовку по-русски. "Переводы с русского языка на немецкий, служащие преимущественно к изучению сего последнего, возложить в старших классах, по возможности, на преподавателя немецкого языка, - говорилось далее в циркуляре; - в тех же классах часть уроков русского языка посвятить переводам с классических языков на русский". Преподавателям гимназий предлагалось самим позаботиться о составлении программы по русскому языку и словесности в соответствии с новым распределением уроков по этому предмету.¹

21 декабря 1885 г. последовал новый циркуляр М.Капустина, в котором он уточнял и конкретизировал изменения в преподавании русского языка. Полный переход к новому распределению часов по русскому языку должен был быть завершен в трехгодичный срок. В четырех младших классах преподавание русского языка по новому "нормальному плану" (6 часов в неделю в Септимае, Сексте и Квинте и 5 часов в Кварте) предусматривалось уже с 1 января 1886 г. Число же уроков в трех высших классах должно было изменяться следующим образом:

¹ Там же, лл. 122-123.

	III класс	II класс	I класс
в 1886 г.	5	5	5
в 1887 г.	4	5	5
в 1888 г.	4	4	5

С 1889 г. новый план предусматривалось ввести во всех классах.

Все преподаватели должны были представить попечителю составленные ими программы (точнее проекты программы) по русскому языку, и на их основе при участии специалистов предполагалось создать новую единую программу для прибалтийских гимназий.

В циркуляре содержались и общие указания о том, как надо вести преподавание русского языка.

"Изучение грамматики должно быть вполне закончено в четырех низших классах и преподавание оной следует вести на русском языке. Дело преподавателя упростить и облегчить изучение; он может пользоваться сопоставлением форм русского языка с формами других языков, преимущественно латинского; он будет избегать тех особенностей народной речи, которые трудно усваиваются с первого раза. Поэтому напр. "Родное Слово" Ушинского, признанное вообще непригодным для обучения чтению, не должно быть допускаемо в гимназиях. Равным образом басни по языку своему, обусловливаемому стихотворной формой, оказываются неудобными для начинающих: их нужно знакомить с языком простым, правильным, а потому более для них доступным. Конечно, стихи легче заучиваются; но для этой цели нужно ограничиваться по возможности детскими стихотворениями, также пословицами, а из басен такими, которые по языку своему не представляют уклонений от общей разговорной речи. Для чтения и перевода следует избирать преимущественно географические, биографические и исторические очерки. Только со временем, когда дети усвоят себе грамматически правильную речь, можно знакомить их с теми особенностями, которые заключаются в речи стихотворной. Не стесняя преподавателей выбором хрестоматий, ограничусь указанием на "Русские книги для чтения" графа А. (должно быть Л. -

- С.И.) Толстого, как лучшие для начинающих.

Постоянное чтение в классе и дома даст возможность учащимся утвердиться в приобретенных ими сведениях из грамматики и усвоить их практически. На него поэтому следует обратить преимущественное внимание...

Переводы с русского языка на немецкий должны быть ограничены до крайних пределов. Напротив переводы сначала с немецкого, а потом с латинского и греческого языков следует делать в высших классах по возможности часто...

По отношению к русской словесности необходимо дать ученикам общее связное понятие о главных моментах ее истории и ознакомить их с поэтическими произведениями как древней, так и новой русской литературы хотя в отрывках, присоединяя к ним содержание всего произведения в общем очерке. Но при чтении классических писателей русских следует остерегаться излишества в анализе читаемого; чувство изящного, присущее юношам, может служить им лучшим указателем красот подлинника... Нельзя себе представить воспитанника русской гимназии, хотя бы в ней допускалось преподавание на немецком языке, незнакомого, по крайней мере, с главными явлениями истории русской словесности и изучающего только биографии писателей, не имеющие существенного значения...

Эти общие указания я признаю достаточными впредь до утверждения точных программ русского языка и словесности, которое не замедлит последовать".^I

Эти руководящие указания попечителя являются еще одним доказательством отсутствия последовательности в действиях местного учебного начальства в отношении преподавания русского языка. Если в предыдущий период учебное начальство всячески рекомендовало при изучении русского языка уже в младших классах использовать стихотворные тексты, как и вообще художественные произведения русских классиков и, в особенности, басни Крылова, которые были широко представлены почти во всех хрестоматиях и книгах для чтения, то теперь, напротив, попечитель советует всячески избегать тех же по-

^I Там же, лл. 125-126.

этических текстов, в особенности басен, и отдает предпочтение географическим, биографическим и историческим очеркам перед художественными произведениями! Попечитель, вслед за Ученым Комитетом, настаивает на изучении всей грамматики в четырех младших классах, хотя это требование вызвало возражения учителей и, как мы видели, практически не выполнялось.

Нельзя не отметить и другой непоследовательности попечительского циркуляра. С одной стороны, он ратует за изучение истории русской словесности в гимназиях, за ознакомление с выдающимися ее произведениями, с другой же стороны, советует остерегаться "излишеств" в их анализе и рекомендует, в основном, полагаться на присущее ученикам чувство прекрасного. Эти предостережения, без сомнения, направлены против историко-литературного анализа произведений, который в эту эпоху стал уже невозможен без учета факторов социальных, общественных, без выяснения отношения автора и его произведения к породившей их общественной основе. Но без такого анализа, полагаясь лишь на чисто эстетические оценки, трудно — если не невозможно — понять и историю русской словесности. Впрочем, это было противоречие, свойственное всему преподаванию русской словесности в дореволюционных русских гимназиях.

Как же был выполнен этот новый циркуляр попечителя?

Переход к новому распределению часов по русскому языку был осуществлен даже быстрее, чем требовалось циркуляром: уже в 1886—1887 гг. почти все гимназии Эстонии перешли к новой сетке часов. С 1886 г. в печатных программах занятий отдельных гимназий наряду с переводами с немецкого фигурируют и переводы с латинского и греческого. В остальном же система преподавания русского языка в гимназиях в основных чертах осталась прежней. Тот пункт циркуляра, который предусматривал, что изучение грамматики должно быть вполне закончено в четырех низших классах, опять выполнен не был: изучение грамматики, как и раньше, завершалось в Секунде (синтаксис).

Что касается преподавания словесности, то уже с 1886

Г. почти во всех гимназиях в Приме появляется небольшой систематический курс истории русской литературы (от одного до двух уроков в неделю). Так, в 1886 г. в Таллинской гимназии такой курс проходилась во втором семестре, и в нем были предусмотрены следующие темы: "Народная словесность", "Древняя русская литература до XV столетия", "Чтение избранных мест из летописи Нестора", — по руководству П.Смирновского "Пособие при изучении истории русской словесности".¹ В 1888 г. в Приме Таллинской гимназии в первом полугодии проходилась систематический курс истории русской литературы от Карамзина до Лермонтова по книге П.В.Евстафьева "Новая русская литература", во втором же полугодии изучалась народная словесность, разбирались сатиры Кантемира, творчество Гоголя и Гончарова по уже упомянутым учебникам Евстафьева и Смирновского,² кстати, употреблявшимся и в русских гимназиях. В Вильяндиской гимназии в 1886 г. в курсе истории русской литературы также проходила народная словесность, "Повесть временных лет" и выдающиеся авторы конца XVIII в., а в 1887 г. в Унтер-Приме — народный эпос, сказки, "Повесть временных лет", "Поучение Владимира Мономаха", "Хождение игумена Даниила", "Слово о полку Игореве", в Обер-Приме — произведения Кантемира, Тредьяковского, Екатерины II, Ломоносова, Державина, Карамзина, Жуковского, Крылова и Пушкина (примерно тот же набор авторов и произведений и в 1888 г.).³ В Приме Пярнуской гимназии в 1886 г. предусматривалась история русской словесности от ее возникновения до царствова-

I

Jahresbericht über die Thätigkeit des Revalschen Gouvernements-Gymnasiums im Jahre 1886. — В КН: Einladung zum feierlichen Redesact im Gouvernements-Gymnasium zu Reval am 20. December 1886. <Reval, 1886,>S. 17.

2

Там же за 1888 г., стр. 17-18.

3

Bericht über den Bestand und die Thätigkeit des livländischen Landesgymnasiums für das Jahr 1886. — В КН: Einladungs-Programm zu dem am 20. December 1886 im livländischen Landesgymnasium zu Fellin stattfindenden festlichen Redesact. Fellin, 1886, S. 45. Ibid... 1887, S. 83-84; ibid... 1888, S. 77-78.

ния Николая I вместе с чтением важнейших произведений ("Слово о полку Игореве", "Домострой", некоторые оды Ломоносова и Державина, "Недоросль" Фонвизина, "Горе от ума" Грибоедова, "Борис Годунов" Пушкина и др.). Кстати, в Кварте Пярнуской гимназии в том же году ученики читали "Чем люди живы?" Л. Толстого, "Однодворец Овсянников" Тургенева и "Ночь перед Рождеством" Гоголя^I — произведения, которые раньше рассматривались лишь в старших классах гимназии.

Из всего этого явствует, что в систематическом курсе истории русской словесности, проходившемся в Приме, как это было и в русских гимназиях, основное внимание уделялось догоголевскому периоду, часто даже древней литературе или литературе XVIII века. Правда, предусмотренный программой лектур на уроках русского языка включал, в основном, произведения авторов XIX столетия, нередко послепушкинской поры. Это в какой-то мере дополняло курс истории русской словесности и несколько сглаживало его минусы, возведенные в принцип: невнимание к новой русской литературе, преимущественный интерес к далекому прошлому.

В 1880 г. в Тарту было создано первое на территории Эстонии шестиклассное реальное училище, по своему типу приближавшееся к гимназиям. Программа его по русскому языку, рассчитанная на 27 недельных часов (по 5 уроков в неделю в первых трех и по 4 — в трех старших классах), в основных чертах совпадала с гимназической, да и учебники были те же, что и в гимназиях. В Сексте полагалась грамматика по Блосфельду (2 ч.), чтение и перевод по хрестоматии Голотузова (1 ч.), заучивание наизусть предварительно разъясненных стихотворений и чтение их вслух (2 ч.). В Квинте: продолжение этимологии по Блосфельду (1 ч.), чтение и перевод по хрестоматии Голотузова (1 ч.), устные и письменные переводы с немецкого по "Übungsbuch" Пилемана (2 ч.), заучивание наизусть и пр. (1 ч.). В Кварте: завершение этимологии и синтаксис по Блосфельду (1 ч.), чтение и пересказ прочитанных текстов (1 ч.),

^I Chronik des Pernauschen Gymnasiums für das Jahr 1886. Pernau, 1886, S. 13, 19.

устные и письменные переводы по Пилеману (2 ч.), заучивание наизусть и декламация стихотворений Пушкина и Лермонтова (1 ч.). В Терции: завершение синтаксиса по Блосфельду (1 ч.), чтение и пересказ больших классических произведений по хрестоматии Галлера и Соколова с историко-литературными объяснениями (2 ч.), переводы с немецкого по Пилеману (2 ч.). В Секунде: повторение грамматики (1 ч.), чтение и пересказ текстов, как и в Терции (2 ч.), переводы с немецкого по *Vöhm* "Lesebuch" (1 ч.). И, наконец, в Приме: чтение и пересказы по хрестоматии Галлера и Соколова с биографиями писателей (2 ч.), переводы на русский больших по размеру и трудных немецких литературных произведений.¹

К гимназиям приближались также существовавшие в рассматриваемый период в Прибалтике городские девичьи училища. Количество часов на русский язык в них было меньше, чем в мужских гимназиях. То же можно сказать и о программе. Приведем для примера распределение часов и программу по русскому языку в Таллинском городском училище для девиц в первой половине 1880-х гг. У I кл. - 4 ч.: чтение по учебнику К. Гаага (кстати, предназначенному для элементарных училищ). У кл. - 4 ч.: чтение и переводы по тому же учебнику (2 ч.), диктовка и склонения (1 ч.), декламация заученных наизусть стихотворений и прозаических отрывков и наглядное обучение по картинкам (1 ч.). IU кл. - 4 ч.: устные и письменные переводы с немецкого на русский и грамматика по учебнику Гензеля (2 ч.), переводы с русского на немецкий по Голотузову с рассказами по картинкам (1 ч.), диктанты и заучивание наизусть (1 ч.). III кл. - 4 ч.: переводы на русский и грамматика по Гензелю (2 ч.), переводы с русского на немецкий по Голотузову (1 ч.), диктанты и заучивание наизусть (1 ч.). II кл. - 5 ч.: повторение этимологии и изучение синтаксиса по грамматике Блосфельда (1 ч.), устные переводы на русский (1 ч.), письменные переводы и сочинения (1 ч.), диктанты (1 ч.), чтение образцовых русских авторов (1 ч.).

¹ Lehrplan der Dorpater Realschule und der mit ihr verbundenen Elementarschule. Dorpat, 1885, S. 6-7.

I кл. - 5 ч.: повторение этимологии, экстенпориали и диктовки (I ч.), синтаксис в сопоставлении с немецким (I ч.), чтение русских писателей по Галлеру и Соколову (2 ч.), переводы с немецкого на русский по хрестоматии Шафранова (I ч.).¹

К тому же надо учесть, что в девичьих училищах русский язык считался предметом полуобязательным и ученицы часто освобождались от его изучения. Это еще в большей степени относится к очень многочисленным частным женским учебным заведениям и пансионам, в которых русский язык в начале рассматриваемого периода зачастую вовсе не был предусмотрен, а позже числился в списке изучаемых предметов лишь номинально или же преподавался очень плохо.²

Нет ничего удивительного, что Е.Кадовской еще в 1877 г. пришлось услышать "из уст молодой девушки, welche Convergentsdiplom hat, что в России нет писателей, причем она также спросила, существуют ли вообще в России литературные журналы".³ Редакция "Рижского вестника" снабдила это сообщение примечанием: "Г-жа Кадовская удивляется такому мнению молодой немецкой девушки о русской литературе. Мы совершенно не удивляемся такому мнению, потому что откуда же в самом деле немецкой девушке и можно было узнать, что в России действительно есть и писатели, и литературные журналы. В школе, в пансионе?... Но там о России, о русских, о русской литературе и словесности и русской истории многого не узнаешь".

Что касается частных учебных заведений вообще, то представляется совершенно невозможным дать обзор преподавания в них русского языка, поскольку характер их был крайне разнообразен. Некоторые из этих школ по своему типу приближались к элементарным, другие - к уездным училищам, третьи напоминали гимназии. Цель их обычно заключалась в том, чтобы под-

¹ Lehrprogramm der revalschen höheren Stadttöchter-schule. <Reval, 1884.>S. 2-8.

² См. Манаскина ревизия, 197.-199. lpp.

³ Екатерина Кадовская. По женскому вопросу. - "Рижский вестник", 20. XII 1877, № 286.

готовить учеников к поступлению в тот или иной класс казенного учебного заведения или к сдаче экзаменов в нем. Соответственно в них различались и программа, и количество часов по русскому языку. Можно лишь отметить, что, как правило, программа их была меньше, чем программа соответствующих казенных учебных заведений, и знания учащихся ниже, хотя занятия чаще всего шли по одним и тем же учебникам.

Такова система преподавания русского языка в низших и средних учебных заведениях Прибалтики до русификации, т.е. в 1860-е - первой половине 1880-х гг. В основу ее, как мы видели, был положен переводной метод, сочетавшийся со старым грамматическим. Наглядный, или так наз. "натуральный", метод обучения делает лишь первые шаги в конце рассматриваемого периода в младших классах.

В целом к середине 1880-х гг. уровень знания русского языка выпускниками прибалтийских учебных заведений, конечно, повысился по сравнению с 1860-ми годами, но практическое овладение языком оставалось уделом немногих. Возросла и степень знакомства учащихся с русской литературой, хотя ее по-прежнему трудно признать удовлетворительной.

Глава V. Учебники по русскому языку и словесности,

принятые в городских учебных заведениях Эстонии

в 1860-1880-е гг.

Обратимся теперь к рассмотрению учебников, принятых в немецкоязычных низших и средних учебных заведениях Эстонии 1860-1880-х гг. Это, как и ранее, поможет нам более четко определить и круг знакомства местных учащихся с русской литературой.

В элементарных училищах вначале употреблялись старые учебники В.Благовещенского "Russisches ABC- und Lesebuch" и Ф.Голотузова "Leitfaden zum ersten Unterricht in der russischen Sprache für Deutsche", в эти годы переиздававшиеся. Первый из них вскоре вышел из широкого упо-

требления, второй же применялся вплоть до 1880-х гг.

Однако постепенно на первый план выдвигаются новые учебники — Х.Р.Медера¹ и К.Гаага.²

Элементарный учебник русского языка Х.Медера, учителя приготовительных классов Дерптской (Тартуской) гимназии, был подвергнут жестокой критике на страницах русской печати.³ Но объектом критики, собственно, было лишь одно: неудачные, неграмотные с точки зрения русской стилистики, утомительно-скучные и оторванные друг от друга примеры. Действительно, примеры, приводившиеся рецензентами, вроде "Есть ли у тебя петухи моего соседа?", "Я вижу самок богатого турка", "У меня теперь ваше несчастье", "Что там курит? Ваша труба" и, в особенности, анекдотичное "Говядина черной собаки нашей хорошей тетки", не украшали учебника.⁴

Однако у книги Х.Р.Медера были и свои плюсы. Это, в первую очередь, методическая сторона учебника. Ф.Голотузов отмечал: "Медер был первый, который, не прибегая к сухому изложению правил грамматики, умел наглядным образом соединить теорию с практикой в своем русском руководстве для элементарных училищ".⁵ Работая по учебнику Медера, ученики постепенно и параллельно овладевали как известным словарным запасом и навыком чтения, так и грамматическими формами. В результате, переход от чтения отдельных слов к отдельным

¹ Lern- und Lehrbuch der russischen Sprache für Elementarklassen von H. R. M e d e r, Reval, 1866 (2-е изд. - 1867, 3-е - 1869, 4-е - 1872, 5-е - 1875, 6-е - 1879, 7-е - 1887).

² Die Anfänge der russischen Sprache. Erstes Lese- und Sprachbuch für Elementarschulen von Carl H a a g a, Reval, 1872 (2-е изд. - 1874, 3-е испр. изд. - 1876, 4-е испр. изд. - 1879, 5-е - 1883, 6-е - 1885, 7-е - 1887).

³ "Рижский вестник", 24.X 1872, № 233 (рецензент —); "Семья и школа", 1877, кн. II ("Воспитание и обучение"), № 4, стр. 396-401; ср. "Рижский вестник", 13.V 1877, № 106.

⁴ Эти неудачные примеры в отдельных случаях объясняются приверженностью автора к методическим принципам Х.Г.Оллендорфа, оправдывавшим их на том основании, что учащийся при изучении грамматики должен обращать внимание лишь на форму примеров и не думать об их содержании.

⁵ "Рижский вестник", 11.III 1874, № 56.

фразам и затем к связным текстам осуществлялся безболезненно и сознательно. Это и привлекало к книге Медера учителей, несмотря на ряд неудачных примеров. В конце учебника приводились тексты для чтения, из которых, правда, лишь две басни Крылова: "Тришкин кафтан" и "Любопытный" — относились к художественной литературе.

Аналогичным по типу, но более удачным был учебник Карла Гаага, также учителя приготовительных классов при Тартуской гимназии. И в нем встречались порою не вполне безупречные фразы, но не было столь безграмотных выражений, как в учебнике Медера. Всё это и обусловило успех учебника К. Гаага, который неоднократно переиздавался и даже в отдельных случаях употреблялся в Септимере гимназий,¹ в младших классах уездных училищ, в учительских семинариях.

В последнем — четвертом — разделе учебника К. Гаага ("Lesen- und Memorireteffe") приводились связные тексты для чтения, более многочисленные и разнообразные, нежели в книге Медера. Их число к тому же возрастало от издания к изданию (в 1-м изд. — 27, во 2-м — 39, в 4-м — 50). Среди этих текстов мы видим басни Крылова ("Лебедь, щука и рак", "Мартышка и очки", "Слон и Моська", "Стрекоза и муравей"), хрестоматийные стихотворения Модзалевского ("Приглашение в школу"), Жуковского ("Песня бедняка"), Пушкина ("Птичка божия не знает..."), Лермонтова ("Казачья колыбельная песня"), А. Майкова ("Кто он?", "Картинка") и другие.

В конце рассматриваемого периода в элементарных училищах употреблялись еще и другие учебники: Е. Козина, И. Дивина,² И. Гензеля,³ В. Келлера⁴ и других. Некоторые учили-

¹ Например, в 1877—1880 гг. в Вильяндиской гимназии.

² Erster Unterricht in der Russischen Sprache von J. D i h r i k. Dorpat, 1879.

³ Handbuch für den Unterricht in der Formenlehre der russischen Sprache von J. H a e n s e l l. Mitau, 1877 (2-е изд. — 1878, 3-е — 1884, 5-е — 1887, и др.). Учебник употреблялся и в младших классах уездных училищ, а в отдельных случаях и в Септимере и Сексте гимназий.

⁴ Russisches Sprachbuch. Ein Versuch in genetischer Methode von Wilhelm K e l l e r. I-IV. Riga, 1877—1879. 2-е изд. — 1882—1887.

ца выпускали для себя специальные учебные пособия по русскому языку.¹

В уездных училищах чаще всего употреблялись те же учебники, что и в младших классах гимназий. Правда, из-за большего числа и многообразия типов уездных училищ набор учебников, в них принятых, все же бывал обычно несколько более широк, чем в соответствующих классах гимназий.

Еще в 1865 г. в прибалтийских уездных училищах и гимназиях применялись те же учебные пособия, что и в конце предыдущего периода (по списку, утвержденному министерством в 1858 г.).² Но с середины 1870-х гг. число учебников, разрешенных к пользованию в учебных заведениях Дерптского учебного округа, резко возрастает. Правда, не все учебные книги, дозволенные к употреблению, реально использовались в школах,³ и в то же время некоторые пособия, официально не утвержденные в качестве учебников, все же находили применение — и довольно широкое — в учебных заведениях края. Всё это создает довольно пеструю картину учебной литературы, принятой в прибалтийской школе 1860-1880-х гг.

Укажем прежде всего на употреблявшиеся в учебных заведениях Эстонии рассматриваемого периода пособия по русской грамматике и по переводу с немецкого на русский, которые мы не будем рассматривать подробно.

В младших классах гимназий (в Септимае, Сексте, Квинте и Кварте), во многих уездных училищах и частных учебных заведениях вплоть до начала 1880-х гг. широко употреблялся

¹ Так, специально для подготовительных классов Пярнуской гимназии было выпущено пособие: *Erstes Lesebuch zur Erlernung der russischen Sprache für die Vorschule des Gymnasiums zu Pernau* bearbeitet von G. Feldbach. Mitau, 1885. 2-е изд. — 1889.

² ЦГИА ЭССР, ф. 386, оп. 3, ед. хр. 167, л. 290-290 об.

³ Так, напр., в 1873 г. попечитель допустил к пользованию в учебных заведениях Дерптского учебного округа книгу В. Алексеева "Neues Lehrbuch der russischen Sprache" (St. Petersburg, 1872; многократно переиздавалась — в 1904 г. вышло уже ее десятое издание), но нам неизвестно ни одного случая ее употребления в школах Эстонии рассматриваемого периода.

уже знакомый нам учебник И.Пилемана "Практическое руководство к изучению русского языка", а также составленный на его основе самим автором "Краткий очерк русской этимологии" (Ревель, 1874).¹

Судьба первого из них, поистине "вечного", учебника крайне любопытна. В 1869 г. он вновь подвергся резкой критике, на этот раз на страницах "Рижского вестника".² Впрочем, как и в случае с учебником К.Х.Медера, основным объектом критики была не методическая и, так сказать, принципиальная сторона книги, а неудачные выражения и обороты речи, встречающиеся в ней. Вслед за тем в июне 1869 г. последовало решительное приказание помощника попечителя Дерптского учебного округа И.Николича, "чтобы с начала будущего семестра ни в одном училище..., как в казенном, так и частном, где только положено преподавание русской грамматики, не употреблялись грамматические руководства Пилемана, Менберга и Милленберга, за исключением тех учебных заведений и классов, где обучает сам Пилеман".³ В Таллинской гимназии, где работал И.Пилеман, обучение по его учебнику в четырех нижних классах гимназий продолжалось на законных основаниях. Но и многие другие учебные заведения этого распоряжения И.Николича не выполнили, и в них по-прежнему учили детей по Пилеману, хотя и "подпольно". В пятом издании, вышедшем в 1871 г., И.Пилеман совершенно переработал свой труд, учтя все критические замечания в его адрес.⁴ После ухода Николича с поста помощника попечителя, с середины 1870-х гг., книга Пилемана вновь начинает и открыто фигурировать в числе принятых во многих учебных заведениях по-

¹Он включал перевод грамматических правил первых двух разделов немого издания книги И.Пилемана "Praktische Leitfaden zum Erlernen der russischen Sprache". Второе издание нового пособия вышло в 1882 г.

²"Рижский вестник", 10.У 1869, № 38. Ср. S. Die Lehrbücher der Russischen Sprache. - "Rigasche Zeitung", 6.VI 1869, Nr. 129.

³ЦГА ЭССР, ф. 90, оп. 2, ед.хр. 1095, л. 119. Впрочем, запрет с учебника Милленберга вскоре был снят (там же, л. 144).

⁴См. об этом: "Рижский вестник", 4.IV 1872, № 75.

собий. В некоторых гимназиях она употреблялась даже в Тарции. В марте 1883 г. последовало распоряжение попечителя Дерптского учебного округа, рекомендовавшее заменить учебник Пилемана учебным пособием Г.Блосфельда.¹ Однако и это распоряжение в ряде учебных заведений (в частности, в Тартуской гимназии) выполнено не было, и "Руководство" И.Пилемана продолжало в них употребляться до конца 1880-х гг. : еще в 1885 г. вышло девятое, а в 1889 г. - десятое издание его учебника. Это "пристрастие" учителей русского языка к учебнику И.Пилемана объясняется тем, что он был хорошо приспособлен к нуждам прибалтийской школы и удачен по принятой в нем методической системе обучения языку, по расположению и форме преподнесения материала. В нем содержалась не только грамматика, но и материал для чтения и переводов (причем как с русского на немецкий, так и с немецкого на русский), многочисленные упражнения, словарь. Это был "синтетический" учебник, делавший ненужным употребление других пособий.

Если в гимназиях упоминавшийся в распоряжении И.Николича учебник О.Ф.Милленберга² (составленный, кстати, на основе грамматики И.Николича) употреблялся, судя по всему, мало, то зато он нашел весьма широкое применение в младших классах уездных училищ.³ Этому прежде всего способствовала его компактность: большой по размеру и научный по систематизации и манере изложения материал учебник И.Николи-

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 90, оп. 2, ед.хр. 1281, л. 25. Позже последовало разъяснение, что учебник Пилемана нельзя употреблять в уездных училищах и гимназиях, но его можно оставить в начальных школах.

² Die Elemente der russischen Grammatik zum Gebrauche bei dem ersten Unterricht im Uebersetzen aus dem Russischen. Zusammengestellt von O.F.M i l l e n b e r g. Mitau, 1862. 2-е, испр. и доп. изд. - 1868, 3-е изд. - 1871, 5-е - 1876.

³ В 1873 г. этот учебник употреблялся в Тартуском, Вырском, Хаапсалуском и Раквереском уездных училищах (ЦГИА ЭССР, ф. 90, оп.2, ед.хр. 1158, лл. 6-12; ф. 386, оп.4, ед.хр. 25. 1873 г., лл. 34-35), а в 1883 г. в Хаапсалуском (ЦГИА ЭССР, ф. 90, оп.2, ед. хр. 1281, л. 48).

ча явно был труден для учащихся уездных училищ, нуждавших-
ся в пособии по русской грамматике.

Что касается упоминавшейся в том же распоряжении И. Ни-
колича грамматики А. Шёнберга,¹ то она применялась, главным
образом, в младших и средних классах Аренсбургской гимна-
зии, где преподавал ее автор.²

В некоторых гимназиях и уездных училищах в 1860-е -
первой половине 1870-х гг., а в частных учебных заведениях
и позже употреблялась "Практическая грамматика" А. Серно-Со-
ловьевича.³ Учебники Пилемана и Серно-Соловьевича исполь-
зовались и для самообразования.⁴

Но подобно тому, как в младших классах гимназий осно-
вным учебником грамматики в рассматриваемый нами период
было руководство И. Пилемана, в старших классах гимназии по-
чти такое же монопольное положение с начала 1870-х гг. за-
няли "Этимология" и "Синтаксис" И. Николича. Они употребля-
лись и в старших классах уездных училищ. Это объясняется
не только достоинствами учебников, но и особым положением
автора: И. Николич, будучи помощником попечителя Дерптского
учебного округа, не стеснялся прибегать к административным

¹ Praktische Russische Grammatik für Deutsche, vor-
zugweise zum Gebrauch in den Kreisschulen und in den
untern Klassen der Gymnasien, von A. W. Schönberg.
Arensburg, 1866.

² Впрочем, в 1872 г. она использовалась и в двух млад-
ших классах Тартуской гимназии (см. Jahresbericht des
Dorpat'schen Gymnasiums... 1872, S. 52-53).

³ В 1864-1872 гг. по ней шли занятия в Терции Талин-
ской гимназии, в 1865-1866 г. - в младших классах Тартуской
гимназии.

⁴ Замечательная эстонская поэтесса Лидия Койдула
летом 1873 г. из Кронштадта просила своих родных при-
слать для мужа учебник Пилемана или Серно-Соловьеви-
ча, без чего изучение русского языка не продвига-
ется, между тем как без него в Кронштадте обойтись
невозможно (Koidula kirjad omakeelele. 1873-1886.
Tartu, 1926, lk. 18).

мерам для "насаждения" своих учебных пособий.¹ Об учебниках И.Николича у нас уже шла речь в первом выпуске.

В самом конце 1870-х - начале 1880-х гг. учебник синтаксиса И.Николича в старших классах гимназий (прежде всего в Секунде) сменяет "Синтаксис русского языка для употребления в гимназиях Дерптского учебного округа" Н.Н.Ленстрёма (Либава, 1877),² учителя Либавской, а затем Рижской гимназий. В подготовке первого издания книги автору помог Е.В.Козин, известный составитель русских хрестоматий (о нем ниже). Влияние Козина чувствуется в этом учебнике синтаксиса: почти все примеры взяты из художественной литературы, чаще всего из поэзии, иногда в качестве примеров приводятся большие отрывки поэтических текстов, а стихотворение М.Ю.Лермонтова "Когда волнуется желтеющая нива" дано даже полностью. Книгу Н.Ленстрёма завершает неплохой составленный раздел - "Употребительнейшие идиотизмы <идиомы - С.И.> русского языка".

В конце 1870-х, в особенности же с начала 1880-х гг. в младших и средних классах гимназий, а также в уездных училищах и частных учебных заведениях широкое распространение получает учебник Г.Блосфельда,³ который всесторонне

¹ См. ЦГИА ЭССР, ф.386, оп.4, 1873 г., од.хр. 25, лл. 45 об.- 47. Ср. язвительное замечание А.А.Котляревского в письме И.Н.Срезневскому, относящемся к началу 1869 г.: И.Николич "начал с того, что распустил всех учителей гимназий за то, что они говорят и пишут не по его грамматике" (Сборник ОРЯС, т. 50, 1895, стр. XC).

² Второе изд. - Синтаксис русского языка для средних учебных заведений Дерптского учебного округа. Составил Н.Ленстрём. Либава, 1883. 3-е изд. - 1885. Рецензии: "Рижский вестник", 1875, № 191 (И.Ж.<едтов>); "Филологические записки", 1878, вып. III, стр. 1-6 (Библиографические заметки).

³ Краткий очерк правил русской этимологии. Составил для употребления в училищах с немецким преподавательским языком по руководству И.Николича "Etymologischer Theil der gawaischen Grammatik" Г.Б.<лосфельд>. Митава, 1872. Со второго издания книга называлась: Г.Б.<лосфельд>. Ф.<ильд>. Главнейшие правила русской грамматики. Курс первый. Этимология. Изд. 2-е, перераб. Митава, 1875. 3-е изд., испр. и доп. - 1878, 4-е доп. - 1884, 5-е доп. - 1891, 6-е перераб. и доп. А.Шмидом - 1892. Рец: "Рижский вестник", 13. IY 1872, № 83 (автор - С.<ербов?>), 24. IY 1872, № 89 (автор - И.<в>); Учебно-воспитательная библиотека. Т. I, М., 1876, отд. III, стр. 228-229. См. также замечания Е.Беляевского (Циркуляры по Дерптскому учебному округу, 1887, № 6, стр. 294-297).

довался и начальством. Грамматика Г.Блосфельда также была составлена по руководству И.Николича, но отличалась большей законичностью и простотой, была более доступна учащимся по манере изложения материала. Впоследствии Г.Блосфельд издал еще вторую часть своего учебника, содержащую упражнения.¹ В ней были помещены и кое-какие художественные тексты, главным образом басни Крылова, притчи Дмитриева и отрывки из произведений Пушкина. Отбор текстов не отличался оригинальностью и в значительной мере повторял состав школьных хрестоматий.

В гимназиях в отдельных (впрочем, крайне редких) случаях предпринимались попытки использовать при повторении курса грамматики в Присе и учебники, предназначавшиеся для русских гимназий (Ф.Буслаева, К.Говорова и др.). В уездных училищах, кроме того, употреблялся еще упоминавшийся выше учебник И.Гензеля, а также книга учителя Таллинского уездного училища А.К.Паукера "Главнейшие правила этимологии русского языка" (Ревель, 1878).

Поток учебной литературы по русской грамматике, как и по русскому языку вообще, особенно усилился в середине 1880-х гг., в преддверии русификации, когда один за другим выходят из печати всевозможные учебники. Крупнейший лингвист, профессор Тартуского университета И.Бодуэн де Куртене в своей рецензии на грамматику А.Быстрова "Главнейшие правила русской этимологии с упражнениями в переводах с русского языка на немецкий и обратно" (Митава, 1886)² следующим образом характеризовал этот поток: "Вследствие уси-

¹ Г. Б л о с ф е л ь д. Главнейшие правила русской грамматики. Часть 2-я. 380 грамматических упражнений. Митава, 1879. Учебник переиздавался в 1883 и 1890 гг.

² См. также более ранние издания: Die Hauptregeln der russischen Formenlehre nebst Regeln über den Accent in der Declination und Conjugation von A. B u s t r o w. Mitau, 1884; Die Elemente der russischen Formenlehre nebst Uebungen zum Uebersetzen von A. B u s t r o w. Zweite, verbesserte Auflage. Mitau, 1885.

ления преподавания русского языка в учебных заведениях Дерптского учебного округа стали все чаще появляться разные учебники этого языка, грамматики, хрестоматии и другие тому подобные произведения. Если верить предисловиям, каждая вновь появляющаяся книга этого рода дает нечто новое и превосходит всех своих предшественниц многими достоинствами. К сожалению, это по большей части только или самообман авторов или же фразы, рассчитанные на легковверие читателей. Ни с строго научной, ни с педагогической точки зрения большинство этих учебников не удовлетворяет самым скромным требованиям и принадлежит к числу отсталых изданий. Я не знаком со всей педагогической литературой по части русского языка; но, судя по известным мне учебникам, прихожу к заключению, что прибалтийские учебники далеко уступают учебникам, употребляемым в чисто русских заведениях других учебных округов... Вообще можно заметить, что почти все школьные учебники представляют списки с прежних учебников, причем последний список далеко не всегда лучше своих предшественников".¹ Далее И. Бодуэн де Куртене приходит к выводу, что новый учебник А. Быстрова во всех отношениях плох: он не удовлетворяет ни научным требованиям, ни соображениям практики, требованиям методическим. "Чтобы способствовать успехам преподавания русского языка в учебных заведениях Прибалтийского края, необходимо уже самими учебниками приобщать к занятию этим языком, а не запугивать учащихся. Между тем, сухие списки вполне ненаучных, произвольных и даже друг другу противоречащих правил могут вселять только страх и отвращение".²

Впрочем, справедливости ради, надо заметить, что опытные учителя не слишком и доверяли новым учебникам, предпочитая пользоваться старыми, апробированными.

¹ И. Бодуэн де Куртене. Учебник русского языка для немцев. — КМНЦ, 1886, ч. ССXLV, май, стр. 1-2.

² Там же, стр. 12.

Что касается пособий для перевода с немецкого языка на русский (как мы видели, этот вид занятий занимал важное место в процессе обучения русскому языку в школе), то их было немного. В уездных училищах, в младших и частично средних классах гимназий основным пособием на протяжении почти всего рассматриваемого нами периода служила книга И. Пилемана "Uebungsbuch zum Uebersetzen aus dem Deutschen in's Russische" (Ревель, 1865), в марте 1866 г. допущенная попечителем к пользованию в учебных заведениях округа и многократно переиздававшаяся.¹ До появления книги И. Пилемана, а в некоторых уездных училищах и гимназиях и позже, в тех же классах употреблялась упоминавшаяся в первом выпуске хрестоматия А. Черешевича. С середины 1870-х гг. в уездных училищах и младших классах гимназий некоторое распространение получило пособие Ф. Голотузова "Hilfsbuch. Ein praktischer Leitfaden zum Uebersetzen aus dem Deutschen in's Russische" (Reval, 1873), хотя оно все же не составило серьезной конкуренции книге И. Пилемана. В старших классах гимназии, начиная с Терцин, применялось старое пособие С. Шафранова (так наз. "Mustersammlung"), в 1864 г. вышедшее вторым изданием.² Предназначенная сменить ее учебная книга коллектива авторов "Deutsches Lesebuch zum Uebersetzen in's Russische. Für den Gebrauch in den mittleren und oberen Classen der Gymnasien und oberen Lehranstalten, bearbeitet von mehreren Lehrern" (Riga, 1879), допущенная попечителем к пользованию в учебных заведениях округа в конце 1879 г., не получила широкого применения.

Впрочем, в старших классах прибалтийских гимназий для переводов с немецкого на русский, главным образом, использовались отдельные крупные произведения немецких классиков. Особенно часто с этой целью учителя обращались к произведе-

¹ 2-е изд. - 1867, 3-е - 1873, 4-е - 1876, 5-е - 1879, 6-е - 1883, 7-е - 1888, 8-е - 1898.

² См.: Chrestomathie zum Uebersetzen aus dem Deutschen in's Russische, für die Lehranstalten der Ostseeprovinzen. Herausgegeben und mit Wertererklärungen der Schwierigsten Stellen versehen von S. Schafra-
n o w. Zweite revidierte und vermehrte Auflage. Reval, 1864.

дениям Ф. Шиллера ("Вильгельм Телль", "Мария Стюарт", "Заговор Физско", "Мессинская невеста", "История Тридцатилетней войны" и др.), а также Й. В. Гёте, Г. Э. Лессинга, В. Хауфа, Э. Т. А. Гофмана, К. Л. Иммермана, Т. Кёрнера, Г. Цюкке, Ф. Энгеля и др. В отдельных случаях предпринимались попытки использовать в качестве материала для переводов с немецкого на русский и немецкие хрестоматии Ольтрегге, Ваккернагеля, Бёме, Либена и Накке, хотя это и не поощрялось учебным начальством.

В плане нашей работы, естественно, наибольший интерес представляют русские хрестоматии - книги для чтения и переводов с русского на немецкий, поскольку именно в них содержался материал по русской литературе и по ним, в первую очередь, учащиеся знакомились с образцами последней. На протяжении всего рассматриваемого периода наибольшее распространение в местных уездных училищах и в младших классах гимназий (УП-У, в нестипендиальных - и в IУ) имела уже охарактеризованная нами в первом выпуске старая "Хрестоматия для переводов с русского языка на немецкий" Ф. Голотузова. В старших же классах гимназий, начиная с Кварты, до середины 1870-х гг. широкое применение имела также рассмотренная нами выше "Русская хрестоматия" С. Шафранова и И. Николича, главным образом первый - прозаический - ее том. В 1864-1875 гг. в Квинте Таллинской гимназии употреблялась старая хрестоматия А. Черемевича "Книга для чтения и переводов с русского языка на немецкий". Она же применялась в эти годы и в отдельных уездных училищах.

Все эти старые пособия, особенно два последних, не вполне удовлетворяли преподавателей, и поэтому они нередко пытались использовать для чтения и перевода на уроках русского языка широко известные, завоевавшие признание хрестоматии, предназначенные для русских учебных заведений. Так, в Тартуской гимназии в 1860-1880-е гг. в младших классах неоднократно употреблялись книги для чтения К. Ушинского, главным образом его "Детский мир". В старших же классах Тартуской, а в отдельные годы также и в Таллинской и Аренс-

бургской гимназиях иногда применялась и "Русская Хрестоматия" А.Галахова. Есть основание предполагать, что в некоторых уездных училищах (возможно, и в младших классах гимназий) в 1860-1870-е гг. использовалось и известное учебное пособие для русских народных училищ И.Паульсона "Книга для чтения и практических упражнений в русском языке".¹ При этом учебное начальство в лице И.Николича не одобряло применения этих пособий в прибалтийских учебных заведениях, считая, что хрестоматии Ф.Голотузова и С.Шафранова все же более приспособлены к нуждам и потребностям местных школ.² Официально книги для чтения К.Ушинского и И.Паульсона не были допущены к пользованию в учебных заведениях Дерптского учебного округа.

Важное значение для дальнейшего развития этого рода учебной литературы имела дискуссия, разгоревшаяся в начале 1870-х гг. на страницах газеты "Рижский вестник". В марте 1872 г. учитель русского языка Таллинской гимназии Е.В.Козин, молодой, ищущий и интересный педагог,³ выступил в газете со статьей "О русских хрестоматиях для низших классов гимназий Дерптского учебного округа",⁴ где подчеркнул

¹ Об этом говорит, в частности, тот факт, что лишь в 1873 г. Дерптский директор училищ выписал 85 экземпляров книги И.Паульсона (ЦГА ЭССР, ф. 386, оп.4, ед.хр. 57, л.2 и др.). В том же году Совет Дерптской гимназии хотел заменить в трех низших классах хрестоматию Голотузова книгой для чтения Паульсона, но управляющий учебным округом выступил против этого (ЦГА ЭССР, ф. 386, оп. 4, 1873 г., ед.хр. 25, лл. 44-45 об.).

² ЦГА ЭССР, ф. 386, оп.4, 1873 г., ед.хр. 25, лл.41-45 об.

³ Евгений Козин учился в Москве, с 1862 г. преподавал в Курском уездном училище, вслед за тем работал учителем русского языка в Таллинской (1869-72), Рижской (1872-75), Либавской и в одной из варшавских гимназий. Он сотрудничал в местной и столичной прессе, писал стихи. Судя по всему, Е.Козин представлял собой симпатичный тип учителя-энтузиаста, педагога-экспериментатора и новатора, в котором очень нуждалась прибалтийская школа.

⁴ "Рижский вестник", 21.Ш 1872, № 64.

исключительное значение хрестоматии не только для изучения языка, но и в формировании личности и интеллекта учащихся, их отношения к России, с которой они знакомятся по книге для чтения. Поэтому Е.Козин в полемическом задоре, несколько преувеличивая, даже заявил, что "на изучение русского языка в Прибалтийском крае должно смотреть не как на цель, а как на средство к изучению России вообще". Он ратовал за то, чтобы хрестоматия знакомила учащихся "с картинами русского быта, русскими преданиями, русскою историею, с характером и мирозерцанием русского народа, с его нравами и обычаями и с личностями великих русских деятелей на политическом и гражданском поприще - с людьми мысли, слова и дела". Далее Е.Козин выдвинул ряд требований к русским хрестоматиям, предназначенным для прибалтийской школы: их язык должен быть "слат, выразителен, меток и чист", статьи кратки, чтобы легко можно "было прочесть, продиктовать, перефразировать, пересказать и разобрать в один урок не одну, а две или несколько"; вместе с тем включенные в хрестоматию статьи должны быть и увлекательны, при этом не следует упускать из виду высказанной В.Г.Белинским мысли, что "для детей занимательно только то, что может интересовать и взрослых", поэтому в детских книгах совершенно неуместен фальшивый, наивный, сентиментальный или нравоучительный тон.

Исходя из этих требований, Е.Козин резко обрушился на принятые в младших классах прибалтийских гимназий хрестоматии Ф.Голотузова и А.Черемевича. Он отметил в них неудачный выбор статей, отсутствие системы в расположении материала, плохой язык. В первом, особенно важном разделе хрестоматии Ф.Голотузова мало материалов о России, "мораль большей части нравоучительных статей самая дешевенькая и основывается не на общих правилах, а на исключительных случаях, так что самый неразвитый ученик *Septim*'и легко чувствует в них фальшивую нотку", "выбор анекдотов самый разнохарактерный, настоящее *tutti frutti* или, говоря по-русски, всякого хита по лопате". Критик особенно подчеркнул мелодра-

матизм и докторально-поучительный, самого приторного свойства тон многих рассказов, откровенно скучных для детей. Очень скуден и также плохо составлен поэтический раздел хрестоматии Ф.Голотузова. В связи с этим Е.Козин выдвинул и еще одно важное, принципиальное требование: "В хрестоматии для низших классов гимназий стихи должны занимать видное место и вообще поэтический элемент должен преобладать над прозаическим: поэтические произведения сильнее действуют на душу детей и глубже запечатлеваются в ней. Кроме изобразительности, они обладают еще скатостью: на что прозаику потребно не менее двух-трех страниц, поэт изображает в трех-четырех куплетах".

Статья Е.Козина вызвала ряд откликов. И.Сербов согласился с тем, что хрестоматии Голотузова и Черемевича уже "совершенно отживают свой век",¹ но такова судьба почти всех учебников: со временем они устаревают и выходят из употребления. Однако надо учесть, что в свое время эти хрестоматии принесли большую пользу, были много лучше своих предшественников, в частности, "Книги для чтения" И.Ленинского, да, собственно, и сейчас ничего лучшего им взамен нет. В хрестоматиях Голотузова и Черемевича есть и свои неоспоримые достоинства, в них много удачных и содержательных статей, написанных чистым русским языком. Что касается выдвинутого Е.Козиным требования знакомить учащихся с русским бытом и русской жизнью, то здесь, по мнению И.Сербова, тоже нужна осторожность: С.Шафранов и И.Николич в своей хрестоматии всячески стремились к этому, но отдел духовного красноречия и выдержки из "Вечеров на Хопре" Загоскина и "Бусурмана" Лажечникова в их книге учащихся "нисколько не занимают, воображения их не затрагивают и сердца не шевелят".

Ф.Голотузов в своем ответе Е.Козину² отверг все за-

¹ И.С е р б о в. По поводу статьи г.Козина о русских хрестоматиях для низших классов гимназий Дерптского учебного округа. - "Рижский вестник", 4.ІУ 1872, № 75.

² "Рижский вестник", 8.ІУ 1872, № 79.

мечания последнего. Он доказывал, что в младших классах, в особенности в Септима, где "ученики даже читать по-русски порядочно не умеют", стихотворные тексты, за которые ратует Козин, вряд ли уместны и полезны. "Мы-таки повозились с такими сочинениями довольно, когда, во время оно, единственной книгой для чтения и переводов в низших классах здешних гимназий служили басни Крылова, в которых тоже есть немало изобразительных картин, - повозились да и бросили, как вещь непригодную".

Хотя Ф.Голотузов и считал замечания Е.Козина плодом внескопского зубоскальства, стремлением молодого и неопытного педагога как-то заявить о себе и только, тем не менее, как мы увидим ниже, он к ним все же прислушался.

Е.Козин в своем ответе Ф.Голотузову¹ подчеркнул, что под поэтическим элементом, который, по его мнению, должен преобладать в школьных хрестоматиях, он подразумевал не только стихи: "Поэтическим произведением наз. не то, которое написано стихами, - нет: поэтическим произведением наз. то, где о б щ е е представляется в ч а с т н о м". Плохие стихи - это не поэзия, хорошая проза - поэзия, замечает Е.Козин, приводя в пример рассказ "Медведь и бревно" из хрестоматии К.Ушинского.

В следующем, 1873, году Е.Козин откликнулся рецензией на хрестоматию для переводов с немецкого на русский ("Half-buch") Ф.Голотузова,² которую он нашел лучше остальных, хотя и отметил в ней много недостатков. Попутно в этой рецензии Е.Козин высказал некоторые соображения об учебниках языка. По его мнению, слова и формы их получают надлежащее значение только в целом предложении, поэтому надо начинать изучение языка с предложений, сделав упор на глаголе. Примеры в учебнике должны быть всегда содержательными и содержание должно быть не эфемерным, а истинным.

¹ Е.Козин. Лучше поздно, чем никогда. - "Рижский вестник", 3.У 1872, № 97.

² Е.Козин. На безрыбьи. - "Рижский вестник", 19. УП 1873, № 159.

В своем ответе Е.Козину Ф.Голотузов,¹ справедливо отвергнув некоторые замечания рецензента, вместе с тем отметил, что между ними все же видно и некоторое сближение: "Я человек уступчивый и уже начал вносить в свои руководства, как справедливо заметил г-н Козин, побольше поэтического элемента, чем прежде, — заметил Ф.Голотузов, впрочем, тут же уверяя, что он это делает единственно для любителей поэзии, сам же по-прежнему предпочитает прозу.— Но и Е.Козин сделал шаг в мою сторону — теперь он, по крайней мере, говорит и о переводе, в то время как раньше этого слова в его лексиконе не было, а было только прочесть, пересказать, разобрать..."

Эта полемика, продолженная после выхода в свет хрестоматии Е.Козина и, как можно предполагать, не ограничивавшаяся только страницами печати, без сомнения, стимулировала методическую мысль словесников-русистов Прибалтики и способствовала появлению нескольких хороших хрестоматий.

Правда, первая вышедшая в эти годы в свет хрестоматия, видимо, была создана еще до рассмотренной дискуссии и не отразила новых веяний. Это была составленная Ю.Мериновым "Хрестоматия для употребления в младших и средних классах училищ Прибалтийских губерний" (Ревель, 1873). Она состоит из двух отделов, почти однотипных по составу, но различающихся по объему и трудности текстов и предназначенных соответственно для младших и средних классов местных учебных заведений. В хрестоматии Ю.Меринова представлен очень разнообразный материал, но в отличие от более поздних книг для чтения Е.Козина это, как правило, не образцы художественной литературы, а рассказы научно-популярного характера о природе, истории, географии и этнографии, преимущественно России. Если для Е.Козина на первом плане, пожалуй, была художественная, эстетическая функция текстов, их поэтическая сторона, то для Ю.Меринова — познавательная. В первой части еще встречаются русские народные сказки и были,

¹ Ф. Г о л о т у з о в. Безрыбье ли? — "Рижский вестник", 28.УП 1873, № 166.

небольшие рассказы русских писателей или сокращенное изложение более крупных произведений (в частности, "Фрола Силина" Карамзина), простые, небольшие по размеру стихотворения, напечатанные без разбивки на строки. Во второй же части художественных текстов почти нет. Ю.Меринов отдает предпочтение статьям на литературные темы, среди которых преобладают биографические очерки о писателях и деятелях культуры ("Крылов", "Из жизни Карамзина", "Пушкин и его няня", "Из воспоминаний М.А.Дмитриева", "Юбилей А.Н.Островского", "В.И.Даль", "О развитии русской письменности и вообще образованного языка"). Статья "Пушкин" взята из В.Г.Белинского, правда, без указания автора. Из творчества же великого поэта Ю.Меринов отобрал не образцы его художественной прозы или поэзии, а исторические анекдоты ("Из записок Пушкина"). Во второй части, как и в первой, вообще преобладают документальные рассказы на исторические темы ("Граф Сперанский", "Старинные русские странности", "Значение народного предания", "Бородинская битва", "Кутузов", "Героины Севастополя", "Религия славян", "Древний русский быт" и т.д.) или же географические описания России и, реже, других стран. Во всем этом, конечно, сказывается принципиальная установка составителя, явно предпочитающего тексты не художественные как более простые и доступные для учащихся, не владеющих русским языком, и в то же время не лишённые занимательности. В результате получилась интересная хрестоматия, которая, однако, давала очень мало для знакомства учащихся с русской художественной литературой.

Официальный рецензент учебника — учитель Таллинского уездного училища А.Паукер признал его не вполне "удобоприемимым" в уездных училищах, поскольку в пособии нет русско-немецкого словаря и "не находится ни одного стихотворения, а по словесному приказанию Его Превосходительства г. Попечителя Дерптского учебного округа при ревизии Ревельского уездного училища в 1872 году мне вменено в обязанность ознакомить учеников старшего класса тоже <1> с про-

изведениями русских поэтических писателей".¹ Это не помешало тому, что хрестоматия Ю.Меринова 23 декабря 1873 г. была рекомендована попечителем к пользованию в учебных заведениях округа.² В рецензии, появившейся в "Рижском вестнике" (17.1 1874, № 14), хрестоматия была оценена также весьма сдержанно: рецензент К. отмечал как достоинство пособия Ю.Меринова обилие материалов о России, но в то же время указал на не вполне удачный подбор статей в первом отделе, часто непонятных балтийскому школьнику и потому не соответствующих своему назначению, на отсутствие надлежащей последовательности в расположении статей во втором - по мнению рецензента, более удачном - разделе, иногда запутанный слог отдельных номеров и т.д.

Впрочем, насколько можно судить по имеющимся в наших руках данным, хрестоматия Ю.Меринова не получила широкого распространения в уездных училищах и гимназиях Эстонии и не переиздавалась.

В том же 1873 г. вышло в свет новое, шестое, значительно измененное и дополненное издание "Русской хрестоматии" Ф.Голотузова.³ В ней был существенно переделан первый отдел "Отдельные предложения, сказки, басни, рассказы и пр." Если в предыдущих изданиях книга прямо начиналась со связанных текстов, то в новом издании, учитывая низкий уровень познаний прибалтийских учащихся, приходивших в Септиму, Ф.Голотузов решил начать с отдельных предложений, подобранных таким образом, чтобы каждый параграф их относился к определенному правилу или отделу грамматики, проходящему параллельно чтению. Лишь с 31-ой страницы начинались связанные тексты, сначала легкие и простые, по возмож-

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 90, оп.2, ед.хр. 1158, л. 22-22 об.

² Там же, л. 35-35 об.

³ Русская хрестоматия. Книга для переводов с русского языка на немецкий. Составил Ф.Голотузов. Издание шестое, значительно измененное и дополненное. Митава, 1873.

ности без деепричастий и причастий, особенно трудно дающихся местным школьникам. Таким образом, по мнению Ф.Голотузова, обеспечивалась связь теории с практикой, грамматики с чтением в процессе изучения русского языка.

Но, что не менее существенно, Ф.Голотузов в этом новом издании своей хрестоматии все же учел замечания Е.Козина и значительно увеличил роль и место поэтического элемента. Уже в параграфы, состоявшие из отдельных фраз, он ввел цитаты из стихотворных текстов русских поэтов, вполне обоснованно мотивируя это тем, что примеры на грамматическое правило в стихотворной форме лучше запоминаются и помогают ученику тверже и на больший срок усвоить это правило. Ф.Голотузов исключил из прежнего издания более 90 номеров текстов, заменив их новыми. Среди новых произведений было значительно больше художественных текстов, чем в предыдущих изданиях. Так, в первый отдел оказались включенными пушкинские "Сказка о рыбаке и рыбке", сокращенные варианты "Сказки о Золотом петушке" и "Сказки о мертвой царевне", отрывки из "Сказки о царе Салтане" и "Руслана и Людмилы", отдельные стихотворения Н.М.Языкова и даже Н.А.Некрасова ("Школьник" и "Влас"), отрывок из "Фрегата Паллады" И.А.Гончарова, во второй отдел — отрывок из "Капитанской дочки" Пушкина ("Поимка Пугачева"); несколько дополнений того же рода было сделано и в третий отдел, в котором нельзя не отметить описаний Сибири, Кавказа, Урала, горы Арарат, рассказов о жизни тунгусов, украинцев, башкир, казахов, цыган, остяков.

Хрестоматия Ф.Голотузова как бы зажила новой жизнью, она вновь стала переиздаваться почти каждый год (уже в 1880 г. вышло ее 14-е издание), и популярность ее в школах Прибалтики не уменьшилась. Как мы уже отмечали, хрестоматия продержалась в учебных заведениях края до конца 1880-х — начала 1890-х гг.

В 1875 г. Ф.Голотузов выпустил вторую часть своей

"Русской хрестоматии",¹ предназначенную для средних классов прибалтийских гимназий, в которой художественный элемент стал уже преобладающим. В предисловии Ф.Голотузов отмечал, что хрестоматия "должна представлять собою сборник статей, пригодных для перевода с русского языка на немецкий и для изустных рассказов, а вместе с тем служить в некоторой степени и средством ознакомления для учащихся с их великим отечеством - Россией".² От словаря Ф.Голотузов отказался, но в подстрочных примечаниях объяснялись непонятные учащимся слова и обороты речи, давались понятия о незнакомых прибалтийцам предметах русского быта, упоминаемых в тексте личностях и т.д. "Наконец, в предлежащий учебник внесены в виде опыта также элементы из истории русской литературы, состоящие частью в небольших статейках, частью в кратких заметках под текстом о русских (впрочем, не обо всех) писателях, статьи которых в учебнике помещены или же имена которых в этих статьях упоминаются"³, - писал далее в предисловии Ф.Голотузов, указывая, что источником для него в данном случае послужили "Краткий очерк русской словесности" Шафранова и Николича и "Хрестоматия" Филонова.

Вторая часть "Русской хрестоматии" Ф.Голотузова состоит из 5 разделов. В первом отделе "Мелкие рассказы, сказки, предания и пр." (всего 23 номера) мы находим народные рассказы В.И.Даля, отрывок из "Героя нашего времени" М.Ю.Лермонтова, стихотворения В.А.Жуковского и А.Н.Плещеева и, между прочим, русский перевод знаменитого предания эстонского классика Ф.Р.Фальмана "Песнь Ванемуйне". Во втором отделе "Отрывки из русской истории, биографические очерки,

¹ Русская хрестоматия. Книга для переводов с русского языка на немецкий. Составил Ф.Голотузов. Часть вторая, приспособленная к употреблению в средних классах прибалтийских училищ. Ревель, 1875.

² Там же, стр. III-IV.

³ Там же, стр. IV.

воспоминания и пр." (49 номеров) – представлены отрывки из произведений Карамзина, Д.Давыдова, Корниловича, Н.Полевого, Забелина, Костомарова, Кулиша, из воспоминаний Плетнева о Крылове, Н.Берга о Гоголе, М.Дмитриева о Карамзине, А.Пушкина о Грибоедове и др. В этом же разделе мы встречаем отрывок из воспоминаний декабриста Н.И.Лорера и отрывок из записок И.И.Лажечникова, посвященный Белинскому, который назван в примечании "одним из замечательнейших русских литературных деятелей". Третий и четвертый отделы – "Из общественного и частного быта различных народов России и из русской природы" (27 №) и "Путешествия (за границей)" (10 №) – содержат отрывки из путевых очерков и других произведений А.Пушкина (описание бурана из "Капитанской дочки"), Д.Фонвизина, Н.Карамзина, С.Аксакова, И.Гончарова (из "Фрегата Паллады"), Д.Григоровича и др. Наконец, последний раздел – "Рассказ, повесть, роман" (13 №) – включает отрывки из "Капитанской дочки" Пушкина, "Тараса Бульбы" Гоголя, "Князя Серебряного" А.Толстого, из рассказа Тургенева "Ермолай и мельничиха" и др.

Во втором издании второй части "Русской хрестоматии" Ф.Голотузова, вышедшем в 1881 г., был сделан ряд изменений и дополнений, в частности внесено 28 новых стихотворений и отрывков из поэм, что еще больше усилило удельный вес художественного поэтического элемента в книге, хотя и несколько нарушило стройную и в целом удачную структуру первого издания. Среди включенных в издание 1881 г. произведений – басни И.Дмитриева и И.Крылова, стихотворения и отрывки из поэм А.Пушкина, М.Лермонтова, А.Майкова, И.Никитина, А.Толстого и Н.Некрасова ("Рассказ о двух великих грешниках"!).

Ф.Голотузов во второй части своей хрестоматии явно учел требования да и опыт составления книг для чтения Е.Козина. Впрочем, рост удельного веса художественных произведений в прибалтийских учебных книгах для чтения – это своего рода знамение эпохи. По-видимому, в 1870-е гг. передовые учителя окончательно приходят к выводу, что приобщение учащихся к миру русской словесности, к истории русской ли-

тературы, к великим творениям русских классиков может лишь способствовать усвоению русского языка, активизирует творческую мысль учащихся, вызывает и усиливает их интерес к изучаемому по языку материалу.

Вторая часть хрестоматии Ф.Голотузова, правда, не получила столь большого распространения, как первая, но все же во второй половине 1870-х - в 1880-е гг. она употреблялась в I и III классах некоторых гимназий, в частности в Тартуской, Цярунской и Вильяндиской.

Еще большее принципиальное значение имел выход в свет хрестоматий Е.В.Козина - в 1874 г. двух частей ("отделов") "Русской Хрестоматии для употребления в младших классах учебных заведений Прибалтийского края"¹ и в 1875 г. аналогичной хрестоматии для средних классов,² также состоявшей из двух отделов.

В предисловии к первому отделу своей "Русской Хрестоматии для употребления в младших классах учебных заведений Прибалтийского края" Е.Козин охарактеризовал принципы ее составления. За образец он взял "Родное слово" К.Ушинского, достоинства которого Е.Козин видит прежде всего в том, что все статьи в этой книге для чтения "заимствованы из русского детского мира, а потому читаются детьми с интересом и вполне доступны пониманию детей"; другим ее достоинством является краткость помещенных в "Родном слове" статей при разнообразии их содержания. К сожалению, превосходная книга К.Ушинского не вполне применима в учебных заведениях Прибалтики, поскольку содержание ее статей рассчитано на русских детей, в ней не расставлены

¹ Рига, 1874. 2-е изд. первого отдела - 1875, 3-е - 1875, 5-е - 1881. Первый и второй отделы выходили отдельными книжками и не всегда одновременно.

² Русская Хрестоматия для употребления в средних классах учебных заведений Прибалтийского края. Составил Е.Козин (Одобрена Ученым Комитетом Министерства Народного Просвещения). Рига - Москва - Одесса, <1875> (Цензурное разрешение - 1874). Сведений о том, переиздавался ли этот выпуск хрестоматии, у нас нет.

знаки ударения и слишком много чисто народных выражений, не поддающихся прямому переводу на другой язык. "Стараясь избежать всего этого, я позволил себе статьи, взятые из "Родного слова" и из других источников, сокращать, дополнять или и совершенно изменять - сообразно с местными условиями, - писал Е.Козин. - Между достоинствами "Родного слова" укажем еще на одно, а именно содержание статей его направлено к тому, чтобы развить в ребенке любовь к природе и ее явлениям; это достигается поэтическим представлением последних. Стремясь к той же цели, я дал в хрестоматии своей поэтическому элементу преобладание над прозаическим. Большая часть статей первого отдела если и не писана стихами, то все-таки по характеру своему относится скорее к поэзии, нежели к прозе.

В изложении и выражении мыслей я заботился о точности и ясности, избегая употребления конструкции, трудной для анализа, а также и причастных форм глагола".^I

В расположении статей в первом отделе Е.Козин придерживался лишь одного принципа - постепенного перехода от более легкого и простого к более трудному и сложному, не пытаясь систематизировать статьи по содержанию. Во втором отделе уже заметны попытки как-то систематизировать материал по тематическим группам: о явлениях природы и животном мире, о временах года, рассказы из истории и географии России, - хотя строгой системы нет и здесь.

Как известно, книги для чтения К.Ушинского "Детский мир" (1861) и "Родное слово" (чч. 1-2, 1864, ч. 3, 1870) произвели переворот в развитии русской учебной литературы. Простота, образность и эмоциональность изложения, разнообразие и богатство материала (художественная литература, география, история, естествознание), прекрасный язык, умение заинтересовать ребенка, богатство и разнообразие упражнений, сочетание образовательного и воспитательного элемен-

^I Русская Хрестоматия для употребления в младших классах учебных заведений Прибалтийского края. Составил Е.Козин. Отдел первый. Рига, 1874, стр. IУ.

тов — таковы достоинства "Родного слова" и "Детского мира" как учебных книг. Почти 60 лет эти книги были самыми лучшими и наиболее распространенными книгами для классного чтения и домашнего обучения в России", — справедливо отмечает Е.Н.Медынский.¹

Все эти достоинства учебных книг К.Ушинского, взятых за образец Е.Козиным, заметны и в "Русской Хрестоматии" последнего. Особенно надо отметить усиление художественного, поэтического элемента, чем "Русская Хрестоматия" Е.Козина принципиально отличается от подавляющего большинства аналогичных работ его предшественников, считавших поэтические тексты слишком сложными для учеников. В этом плане Е.Козин идет даже, пожалуй, дальше К.Ушинского. Уже в первый отдел своей хрестоматии, рассчитанный на самых младших школьников, еще только начинающих изучение русского языка, он включает отдельные стихотворения или отрывки из Пушкина, Жуковского, Дмитриева, Крылова (как правило, в собственной упрощенной переработке), Тютчева, А.Майкова, Полонского, Плещеева, сказки из сборников Афанасьева, рассказы Даля, отрывки из произведений Григоровича и Тургенева. Во втором же отделе художественные тексты, принадлежащие перу известных писателей, едва ли не преобладают. Даже о явлениях природы, о животном мире и истории Е.Козин предпочитает рассказывать языком художественных текстов, с помощью произведений крупных писателей или историков, умевших писать ярко и занимательно. Здесь мы встречаемся с отрывками из произведений Пушкина, Гоголя, Батюшкова, Козлова, С.Аксакова, Никитина, Тургенева, Григоровича, с переводами М.Михайлова и др. Правда, отбор текстов не отличается в целом особой прогрессивностью; Е.Козин ориентируется на официально признанные образцы, заимствованные из

¹ БСЭ. Изд. 2-е. Т. 44, <М., 1956>, стр. 470. Этим книгам К.Ушинского посвящена обширнейшая литература, см. обзор ее в приложениях к кн.: К.Д.Ушинский. Собрание сочинений, т. 5, М.-Л., 1949, стр. 515-569, т. 6, стр. 362-385.

других хрестоматий. Источником для него служили, кроме "Родного слова" и "Детского мира" К.Ушинского, "Книги для чтения" И.Паульсона и Иванова, "Хрестоматия" П.Басистова, "Детский мир" Пчельниковой, "Мир божий" А.Разина, "Звездочка" и др. Большинство текстов, как мы уже выше отмечали, было дано в собственной переработке составителя.

Отдельным изданием в 1874 г. вышел русско-немецкий "Словарь к Русской Хрестоматии для младших классов учебных заведений Прибалтийского края", составленный Е.Козиным и включивший около 3 000 слов.

Все, сказанное выше, относится и к "Русской Хрестоматии для употребления в средних классах учебных заведений Прибалтийского края" Е.Козина (первый раздел ее был предназначен для учеников Квинты, а второй — Кварты¹), состоящей уже почти исключительно из художественных текстов. В этой хрестоматии мы находим произведения более чем трех десятков авторов — всех крупнейших представителей русской литературы первой половины и середины XIX в., за исключением демократов-шестидесятников (из них в хрестоматии были представлены только Некрасов и Огарев, первый двумя, а второй — одним стихотворением). Особенно много в книге произведений Пушкина (22 из 120), Крылова (15), С.Аксакова (13) и Лермонтова (10). Е.Козин не прошел мимо новейшей литературы — тех авторов, которые лишь недавно выступили на литературной арене. В хрестоматию включено 7 отрывков из Д.Толстого, 6 стихотворений А.Фета и т.д. Стихотворения даются, как правило, полностью, из более же крупных по размеру прозаических и поэтических произведений выбираются небольшие отрывки. Так, мы встречаем отрывки из "Евгения Онегина", "Цыган" и "Капитанской дочки", из "Героя нашего времени", из ряда книг С.Аксакова, из "Детства", "Отрочества" и "Войны и мира". Во второй хрестоматии Е.Козин редко прибегает к переработке текста.

В целом хрестоматии Е.Козина давали прибалтийским школьникам сравнительно хорошо подобранный и обширный ма-

¹ "Рижский вестник", 13.У1 1875, № 132.

териал по русской словесности и, тем самым, готовили их к более углубленному восприятию истории русской литературы в трех старших классах гимназий. Правда, в отличие от второй части "Русской хрестоматии" Ф.Голотузова, никаких историко-литературных сведений книга для чтения в средних классах гимназий и в уездных училищах Е.Козина не содержала.

Хрестоматии Е.Козина еще до выхода их в свет были одобрены учебным начальством и разрешены к употреблению в местных школах. Впрочем, если судить по архивным документам и ежегодным печатным отчетам гимназий, они все же не получили особенно широкого распространения в учебных заведениях Эстонии. Известно лишь, что вторая хрестоматия Е.Козина с 1876 по 1889 г. применялась в Квинте Таллиннской гимназии, в 1876-1882 гг. - в Кварте Аренбургской гимназии, а первая - в 1876 г. (возможно, и позже) в младших классах Вильяндиской гимназии. Есть сведения об употреблении ее и в некоторых уездных училищах. Но это не снижает важного принципа и адекватного значения хрестоматии Е.Козина в развитии местной учебной литературы и методической мысли.

Сразу же после выхода в свет хрестоматий Е.Козина в печати появились очень положительные рецензии. В отзыве на первый выпуск хрестоматии отмечался удачный подбор текстов, очень разнообразных, интересных, вполне доступных пониманию ребенка и расположенных в строгом соответствии с принципом: от легкого к трудному. Рецензент указывал, что хрестоматия Е.Козина явно удачнее употреблявшихся ранее в местных школах учебных книг Медера и Паульсона.^I В рецензии, появившейся в "С.-Петербургских ведомостях" и затем перепечатанной в "Рижском вестнике", утверждалось: "Главное отличие хрестоматии Е.Козина от всех прочих хрестоматий, употреблявшихся до настоящего времени в Прибалтийском крае, состоит в том, что она русская - и по языку, и по со-

^I И. Д. Библиографическая заметка. - "Рижский вестник", 22.II 1874, № 43.

держанию".¹ Ее отличает простота и легкость стиля, разнообразие и занимательность содержания помещенных в ней статей. В книге проставлены ударения, а в конце имеется русско-немецкий словарь, что особенно облегчает использование новой хрестоматии местными школьниками. Отмечалась и умеренная цена книги.

Резким диссонансом на фоне этих хвалебных отзывов прозвучала рецензия Ф.Голотузова на первый отдел первой хрестоматии Е.Козина.² Конечно, в этом отзыве проявилось и то вполне естественное чувство недоброжелательства, которое испытывал Ф.Голотузов к недавнему критику своих учебных пособий, теперь выступающему в роли автора хрестоматий. Это помешало Ф.Голотузову увидеть то действительно ценное и новое, что было в труде его оппонента. Он не нашел в хрестоматии Е.Козина "ничего особенного, выдающегося: это такие же рассказы, анекдоты и описания (с прибавкою мелких стихотворений), какие встречаются, начиная с азбуки Благовещенского и кончая хрестоматией Меринова, во всех русских сборниках, составленных для младших классов прибалтийских училищ". Ф.Голотузов указывает, что и в книге Е.Козина есть неудачные рассказы, а сведений о России, за которые так ратует в своих выступлениях составитель, очень мало. В результате рецензент признал хрестоматию Е.Козина "не вполне соответствующей потребностям настоящего времени".

Эти выводы Ф.Голотузова вряд ли справедливы. Но ему, старому и опытному педагогу, пожалуй, удалось нащупать и действительно слабое место хрестоматии Е.Козина. Она построена в полном отрыве от изучения грамматики и норм языка в младших классах прибалтийских гимназий и уездных училищ. В Септиму, как отметил Ф.Голотузов, приходят ученики, умеющие лишь читать по складам и писать по-русски, но не имеющие ни малейшего представления о русской грамматике, способах изменения слов и т.д. И им, если они будут поль-

¹ "Рижский вестник", 13. I 1875, № 9.

² Там же, 11. III 1874, № 56.

зоваться хрестоматией Е.Козина, предлагается сразу же начать читать связанные тексты, в которых они не способны разобраться, которых они не понимают и которые могут в лучшем случае механически, бессмысленно заучить наизусть. Перевод учителем этих статей на уроке в данном случае мало поможет, поскольку ученик, не зная форм языка, не сможет разобраться в структуре текста. Лишь со временем, когда он научится применять свои знания по грамматике к чтению и переводу текстов из хрестоматии, для него начнет проясняться картина. "Но пока он дойдет до этого, сколько убито будет времени, сколько потрачено труда на бесплодное повторение объяснений форм и оборотов!" Это - следствие неправильного метода обучения школьников, очень затрудняющего овладение языком. Эту же "странную непоследовательность, беспрактичность и неопределенное шатанье в потемках, наудачу и авось" Ф.Голотузов видит и в методической системе, которой, по-видимому, придерживается Е.Козин.

Ф.Голотузов в своей рецензии не ограничился критикой, но и попытался изложить свою программу, кстати, положенную в основу его хрестоматий. Необходимо с самого начала параллельное изучение грамматики, с одной стороны, чтение и перевод текстов, с другой. Для этого необходимы два учебника: грамматика и "пособие", включающее также тексты; заученное в первой должно на практике применяться во второй. "Дело начинается с самых легких предложений, заключающих в себе только усвоенные уже учениками формы языка, и постепенно переходит к более трудным предложениям и формам, до тех пор, пока учащиеся не усвоят себе главнейших грамматических форм. Только тогда ученик принимается за чтение связанных статей". Соответствующим образом, по мнению Ф.Голотузова, надо строить и хрестоматии для младших классов местных учебных заведений, чтобы избежать ненужной зубрежки и добиться с самого начала сознательного изучения языка.

В этих замечаниях Ф.Голотузова было много справедливого, что признал и Е.Козин, учтя их в своих новых учебни-

ках. В ответе Голотузову "О преподавании русского языка в младших классах средних учебных заведений Прибалтийского края"¹ Козин согласился со своим критиком, что в местных школах нет "разумного соединения теории с практикой" при изучении русского языка: "Грамматика проходится сама по себе, а практические упражнения в языке сами по себе, — применение же теории к практике и вывод теории из практики предоставляется случаю". По мнению Е.Козина, это происходит "от неправильного употребления учебников". Впрочем, грамматика И.Николича и вообще слишком трудна и сложна для учеников младших классов. Ей Козин противопоставляет как наиболее удачный учебник И.Пилемана. Что касается метода, предлагаемого Голотузовым, то он тоже не исключает зубрежки. Не согласен Козин и с тем, что учащемуся надо сначала овладеть всеми грамматическими формами, прежде чем начинать читать связные тексты. В идеале, считает Козин, надо было бы соединить учебник грамматики и "пособие" воедино, в один учебник. Но на практике можно допустить и два учебника. Учебник "должен быть составлен концентрически, т.е. разделен на курсы... Первый курс, приуроченный приблизительно к требованиям Септими, должен заключать в себе основные этимологические и синтаксические правила и учение о правильных формах частей речи" с упражнениями в переводе с немецкого на русский и обратно. "...Одновременно с таким руководством ученики имеют еще одну книгу — хрестоматию, по которой они сначала упражняются в механическом чтении и списывании, а когда научатся порядочно читать, то, не ожидая окончания грамматического курса, приступают к переводу статей. Нечего смущаться, что ученик сразу встретится с исключительными формами слов, лишь бы эти формы не представляли особого затруднения к объяснению их".

Эти принципы Е.Козин решил воплотить в серии своих новых учебников, которые показывает, что он не прошел мимо замечаний Ф.Голотузова. В 1878 г. в Либаве вышел состав-

¹ "Рижский вестник", 9. III 1874, № 174.

ленный Е.Козиным учебник русской грамматики с многочисленными примерами - "Русское слово . Практическое руководство к изучению русского языка для младших классов средних учебных заведений Прибалтийского края". В качестве своеобразного дополнения к нему Е.Козин выпустил "Книгу для чтения и упражнений в русском языке" в двух частях (ч.І, Митава, 1879; ч.ІІ, Митава, 1878).

В предисловии к "Русскому слову" Е.Козин попытался развить свои представления о том, как надо преподавать русский язык в местной школе. "Преподавание русского языка в младших классах средних учебных заведений Прибалтийского края должно быть непременно практическим и при том прогрессивным: грамматический материал должен быть сообщаем учащимся не в систематической последовательности, а в том порядке, в каком те или иные сведения (все равно, будут ли то этимологические, синтаксические или даже стилистические) могут быть усвоены учениками сообразно с их возрастом, умственным развитием и степенью предварительной подготовки, и только уже в среднем классе (в кварте) приводится в строгую систему все, относящееся к этимологии и приобретаемое в младших классах путем практическим".^І Поэтому синтаксис не должен отделяться от изучения морфологии и фонетики, и весь этот общий практический курс грамматики должен представлять собой нечто целое, законченное. Для этого его лучше всего давать тремя концентрическими циклами, соответственно которым учебник Е.Козина разделяется на три курса, каждый из которых как бы развивает предыдущий.

Изучение грамматики должно подкрепляться чтением, переводом и заучиванием наизусть. На последнем Е.Козин останавливается особо, вновь возвращаясь к старой мысли, что стихи подходят для этого больше, чем проза, и подробно обосновывая это положение: "Стихам, как материалу для заучи-

^І Русское слово. Практическое руководство к изучению русского языка для младших классов средних учебных заведений Прибалтийского края. Составил Е.К о з и н. Либава, 1878, стр. У.

вания наизусть, мы отдаем предпочтение перед прозой потому, что а) стихи есть та форма речи, которая именно должна быть передаваема не своими словами, искажающими ее, а слово в слово: "из песни слова не выкинешь"; б) заучивая стихи, ученики лучше привыкают к правильной постановке грамматического ударения, и в) стихи заучиваются с большою охотою и большою легкостью".¹ Беда лишь в том, что русская детская поэзия очень бедна, "большая часть так называемых детских стихотворений и песенок представляют только какие-то продиные подделки под детский лад, зачастую безграмотные". Автор не нашел в детских книжках достаточно материала для диктантов и заучивания наизусть, который соответствовал бы познаниям прибалтийских учеников, и потому ему пришлось самому сочинять или переводить, или переделывать статьи и даже стихотворения.

Действительно, в этот учебник введены многочисленные примеры и упражнения, сочиненные самим автором, причем часто в стихах. Впрочем, кроме них, немало примеров и из Пушкина, Жуковского, Грибоедова, Лермонтова, Кольцова, Фета, Некрасова, из рассказов Даля и др.

Две части "Книги для чтения и упражнений в русском языке" Е.Козина служили дополнением к его "Русскому слову": тексты в них были подобраны соответственно проходным по грамматике темам (принцип, которого в свое время требовал Ф.Голотузов): специальные тексты для единственного и множественного числа существительных, для форм имен прилагательных, для склонения существительных и т.д., и т.д. В предисловии к первой части "Книги для чтения" Е.Козин даже специально подчеркивал, что при разборе текстов главное внимание должно быть обращено не на их содержание, а на те или иные грамматические формы, встречающиеся в них. Но это относится, в основном, лишь к первой части.

В первой части "Книги для чтения" даны только отдель-

¹ Там же, стр. IX.

ные фразы, связанные же тексты — во второй части, разделенной на три отдела по степени возрастания объема и сложности текстов. И здесь много текстов, принадлежащих перу составителя или переработанных им. В подборе текстов Е.Козин в значительной мере повторяет состав своей более ранней "Русской хрестоматии", не придерживаясь лишь принятого там порядка расположения материала, хотя композиционный принцип остался тем же: от простого к более сложному. В первом отделе, где встречаются только маленькие по размеру статейки и стихи с простыми глагольными формами, художественных произведений известных авторов еще мало. Зато во втором разделе (№№ 36—82) их уже значительно больше (стихи и отрывки из поэм Пушкина, Жуковского, А.Майкова, Калниста, Грота, Берга, пересказ одной басни Крылова), а в третьем (№№ 83—125) они преобладают. Подбор авторов уже знакомый: Пушкин, Лермонтов, Крылов, Жуковский, Козлов, Полонский, Никитин, Гончаров, сказки из сборников Афанасьева и т.д. В общем, вторая часть "Книги для чтения и упражнений" представляет собой сокращенный и несколько упрощенный вариант "Хрестоматии для употребления в младших классах" Е.Козина.

"Русское слово" Е.Козина было очень благожелательно встречено в печати. В рецензии, помещенной в "Рижском вестнике" (14.УШ 1878, № 182), отмечалось обилие материала в учебнике, что делает возможным для учителя выбор его в соответствии с возможностями учеников и его собственным вкусом, а также подчеркивался практический характер руководства Козина, где соединены воедино морфология с синтаксисом, безупречный язык примеров и т.д.

Положительно отозвался о новом пособии и рецензент "Филологических записок" А.Д.,¹ отметивший, что Е.Козин предлагает для практических упражнений не набор сухих и избитых фраз, а небольшую хрестоматию, свидетельствующую о литературном таланте составителя. Правда, рецензент все же не одобряет излишнего увлечения Е.Козина примерами собст-

¹ "Филологические записки", 1879, вып. I, стр. 4—15.

венного сочинения, не всегда удачными, и считает, что составитель мог бы найти необходимые ему примеры и у известных русских авторов, хотя бы у тех же Пушкина и Лермонтова. "Труд г. Козина принадлежит к числу редких в нашей бедной учебно-педагогической литературе. Грамматический материал изложен ясно, толково и весьма полно. Упражнения же, вокабулы и замечания внизу текста ясно говорят нам, что учебник этот — плод многолетней практики и самого кропотливого и усидчивого труда, — писал А.Д. — А потому думается мне, что учебник г. Козина получит не только употребление, но и будущность, и остзейскую школу можно поздравить с столь ценным приобретением".¹

Новые учебники Е.Козина в 1879 г. были допущены к употреблению в учебных заведениях Дерптского учебного округа, но в школах Эстонии широкого применения, по-видимому, не получили. Позже Е.Козин выпустил еще несколько пособий.²

Полемика 1870-х гг., обоснование новых методических принципов, опыты и эксперименты учителей привели к значительному сближению в позиции крупнейших авторов учебников и хрестоматий по русскому языку для младших классов прибалтийских школ. Ф.Голотузов, как мы видели, согласился с Е.Козиним в том, что поэтический художественный элемент, стихи должны играть важную роль в учебном процессе. В то же время Е.Козин, вначале явно преувеличивавший роль хрестоматии, чтения в процессе обучения русскому языку, теперь признал значение грамматики, важность установления тесной связи между ее изучением и чтением. Все это не могло не сказаться благотворно на преподавании русского языка.

Вслед за тем в прибалтийских книгах для чтения даже для младших классов вообще восторжествовал тип художественной хрестоматии, где преобладали тексты известных авторов.

¹ Там же, стр. 14-15.

² См., напр.: Пчелка. Для первоначального чтения и упражнений в языке. Сборник мелких рассказов и стихотворений. Составил Е.Козин. СПб., 1879. Это хрестоматия того же типа, что и "Книга для чтения и упражнений в русском языке".

Это, в частности, видно по следующей "Русской хрестоматии. Книге для чтения и переводов в низших классах гимназий, в уездных училищах и других учебных заведениях", составленной преподавателями русского языка В.И. Реймерсом и И.Н. Малиновским.¹ Свою задачу авторы видели в том, чтобы: 1) "дать полный сборник рассказов, расположенных в систематическом порядке, начиная с малых по объему и легких для переводов и восходя постепенно до рассказов и статей, довольно объемистых и сложных по содержанию"; 2) "представить большой выбор стихотворений лирических и стихотворений, содержащих в себе описания картин природы, народного быта и исторических происшествий, наиболее доступных пониманию учеников, начинающих знакомиться с русским языком"; 3) "изложить рассказы, особенно заключающиеся в первой части хрестоматии, языком простым, состоящим из коротких предложений, с устранением на первых порах деепричастий и причастий, идиотизмов русского языка и вообще всех тех форм, которые не могут быть в точности переведены на немецкий язык".² Все тексты в хрестоматии были снабжены ударениями, и в конце был дан словарь.

Еще ни одна хрестоматия, специально предназначенная для младших классов гимназий и уездных училищ, не давала такого обилия текстов — 365 номеров! Среди них мы видим много произведений — стихотворений или отрывков — русских классиков (Пушкин, Крылов, Жуковский, Козлов, Лермонтов, Кольцов, Никитин, Фет, Майков, Плещеев, С. Аксаков, Гоголь, Тургенев, Л. Толстой и др.). Правда, отбор текстов традиционный. К книге В. Реймерса и И. Малиновского в полной мере можно отнести неоднократно повторявшиеся иронические замечания рецензентов о том, что составители прибалтийских

¹ Рига, 1881. 2-е, пересмотренное и исправленное изд. — 1884, 3-е — 1887.

² Русская хрестоматия. Книга для чтения и переводов в низших классах гимназий, в уездных училищах и других учебных заведениях. Составили В.И. Реймерс и И.Н. Малиновский. Рига, 1881, стр. III-IV.

хрестоматий обычно не утруждают себя работой и широко заимствуют статьи из старых книг для чтения, из трудов своих предшественников. Действительно, почти все статьи, помещенные в хрестоматии В.Реймерса и И.Малиновского, мы можем найти в книгах для чтения К.Ушинского, И.Паульсона, Л.Толстого (отсюда взято весьма многое), Ф.Голотузова и др. В этом смысле ни о какой самостоятельности составителей говорить не приходится. Но, вместе с тем, нельзя не отметить, что включенные в хрестоматию тексты отличались разнообразием, были доступны учащимся и способны их заинтересовать. Они знакомили прибалтийских школьников с многочисленными образцами русской поэзии и классической прозы, в целом удачно подобранными. И в этом отношении хрестоматия В.Реймерса и И.Малиновского была полезна, нашла в 1880-е гг. применение в школе (в частности, она употреблялась в младших классах Аренбургской и в отдельные годы Тартуской гимназий).

Другим образцом откровенно компилятивной хрестоматии для младших классов местных учебных заведений может служить "Книга для чтения. Первая часть (после азбуки)" И.Аугенберга и М.Соостэ.^I В ней в третьем издании было всего 190 текстов, расположенных по степени трудности. Тексты, предназначенные для детей постарше, начинаются с № 104 (они напечатаны более мелким шрифтом). В заключение следуют постатейный и алфавитный русско-немецкий словари.

Тексты для хрестоматии И.Аугенберга и М.Соостэ были взяты из книг для чтения К.Ушинского, И.Паульсона, Л.Толстого, Ф.Голотузова, Е.Козина ("Книга для чтения" и "Пчелка"), В.Водовозова, из "Детских песен" Фаминцина, "Русско-славянской азбуки" Ф.Пуцковича, из книг Блинова, Бунакова, Иловайского, Корфа, Сердобольского и др. Среди включенных

^I Выходные данные первого издания нам неизвестны. 2-е изд. - 1886, 3-е, пересмотренное и дополненное - 1888, 4-е - 1891, 5-е - 1892. И.Аугенбергу и М.Соостэ принадлежит также "Азбука для обучения письму и чтению" (Либав, 1887; 2-е изд. - 1888, 3-е - 1890, 4-е - 1892, 5-е - 1896).

в хрестоматию текстов мы видим басни Крылова и Измайлова, стихотворения Жуковского, Кольцова, Тютчева, Никитина, Плещеева, А.Майкова, Некрасова, рассказы для детей Л.Толстого и т.д. Эти же произведения мы находим в других школьных хрестоматиях тех лет.

"Книга для чтения" И.Аугенберга и М.Соостэ довольно широко употреблялась во второй половине 1880-х — в начале 1890-х гг. в школах Латвии. О ее применении в учебных заведениях Эстонии точных данных нет.

Появление в 1872 г. новой программы по русскому языку, где для трех старших классов гимназии впервые был точно указан лектур, сразу же сделало старую хрестоматию С. Шафранова и И.Николича непригодной для употребления, поскольку в ней отсутствовало большинство программных произведений. Ее сменили три выпуска хрестоматии К.Галлера и А.Соколова, вышедшие в 1874-76 гг. Однако новая хрестоматия, как мы видим, появилась не сразу. Многие преподаватели предпочитали теперь пользоваться отдельными изданиями программных произведений. В 1870-1880-е гг. почти во всех гимназиях Эстонии наряду с хрестоматиями применялись и издания классиков в серии "Классная библиотека", издававшейся Я.Исаковым, "Русская библиотека" М.Стасклевича, школьные издания В.Стоюнина и др.¹ В 1877-78 гг. в Вильяндис-

¹Так, в Секунде и Приме Тартуской гимназии в 1873 г. занимались по изданиям "Классной библиотеки" Я.Исакова (ЦГИА ЭССР, ф. 386, оп. 4, 1873 г., ед.хр. 25, л. 34). В этом же году Дерптский директор училищ выписал 20 экземпляров первого выпуска ("Борис Годунов" Пушкина) и 25 экземпляров пятого выпуска "Классной библиотеки" ("Скупой рыцарь" Пушкина), а также по 10 экземпляров отдельных изданий "Царя Берендея" Жуковского и "Песни про купца Калашникова" Лермонтова (ЦГИА ЭССР, ф. 386, оп. 4, ед.хр. 57, лл. 2, 7, 20 об.). В 1876-78 гг. в Приме Пярнуской гимназии тексты читались как по хрестоматии Галлера и Соколова, так и по школьным изданиям Стасклевича и Стоюнина. В 1876 и 1878 гг. в Вильяндиской гимназии "Герой нашего времени" (в 1878 г. также "Дубровский", а в 1881 г. "Евгений Онегин") читался по изданию "Русской библиотеки" и т.д., и т.д. (данные взяты из ежегодных печатных отчетов гимназий).

кой гимназии пользовались даже народным изданием "Тараса Бульбы".¹

В Тарту в 1872 г. был предпринят выпуск специальной серии изданий русских классиков — "Русская классная библиотека для Дерптского учебного округа". Правда, с первым же ее выпуском — "Наталья, боярская дочь" Н.М.Карамзина — получился казус. Рецензент И.Сербов² вполне сочувственно отозвался об издании, хотя все же рекомендовал сделать некоторые разумные сокращения в тексте, снабдить издание комментариями и объяснением непонятных учащимся мест и не придерживаться устарелой орфографии и пунктуации подлинника. Но к попечителю поступила жалоба от одного из директоров гимназий, в которой указывалось "на многие неудобства и несообразности с целью употребления означенной книги в учебных заведениях вследствие того, что известная повесть Карамзина отпечатана без пропусков тех крайне сентиментальных мест, которые способны лишь раздражать чувствительность и даже чувственность учащегося юношества". Представленные директором выписки из повести убедили попечителя в том, что ее "решительно" нельзя употреблять в учебных заведениях округа, поэтому приказано было издание "Натальи, боярской дочери" Карамзина исключить из учебных руководств, допущенных к пользованию.³ В серии "Русская классная библиотека для Дерптского учебного округа" вышли еще в том же 1872 г. "Царь Берендей" В.Жуковского и "Письма русского путешественника" Н.Карамзина.

Выход в свет "Русской хрестоматии. Для употребления в высших классах средних учебных заведений Дерптского учебного округа" К.А.Галлера и А.А.Соколова⁴ в известной, хо-

¹ Bericht über den Bestand und die Thätigkeit des livländischen Landesgymnasiums zu Fellin... 1877, S.40.

² "Рижский вестник", 13. IX 1872, № 199.

³ ЦГИА ЭССР, ф.386, оп.4, 1873 г., ед.хр.25, л.48—48 об.

⁴ Т. I. Курс седьмого класса (Prima). Митава, 1874, изд. 2-е — 1884; т. II. Курс шестого класса (Secunda). Митава, 1876, изд. 2-е — 1883; т. III. Курс пятого класса (Tertia). Митава, 1875, изд. 2-е — 1883, изд. 3-е — 1887.

тя и не в полной мере удовлетворил потребность в книге для чтения и изучения словесности в Терции — Приме прибалтийских гимназий. Ее авторы были видными педагогами.

Карл Антонович Галлер (1829—1916), родом из Павловска, окончил историко-филологический факультет Петербургского университета и вслед за тем работал учителем русского языка в школе Хёршельманна в Виру (1853—56), в уездных училищах Таллина и Пярну (1856—60), старшим учителем русского языка в городской гимназии в Риге (1862—91) и по совместительству одновременно лектором этого же предмета в Рижском Политехническом институте (1868—97).¹ Кроме нескольких практических руководств по русскому языку, К. Галлер был также автором немецкоязычной "Истории русской литературы".² Правда, она представляет собою не плод самостоятельных разысканий К. Галлера, а слегка дополненную компиляцию из "Курса истории русской литературы" К. Петрова. В ней дан довольно основательный обзор и современной литературы. К. Галлер был переводчиком "Краледворской рукописи" В. Ганки на немецкий язык.

Аркадий Александрович Соколов (1848— ?), уроженец Пярну, высшее образование получил в Тартуском университете и позже усовершенствовался в Московском университете, где слушал лекции Буслаева, Тихонравова, Соловьева. В 1871—76 гг. он работал старшим учителем русского языка в Митавской гимназии, два года был в научной командировке за границей и в 1878 г. защитил *pro venia legendi* диссертацию "Зарождение литературы у словинцев" в Киевском университете и был назначен там приват-доцентом. В 1879 г. А. Соколов перешел в Тарту, где стал старшим учителем русского языка в гимназии и одновременно приват-доцентом русского языка и словесности в университете (до 1880 г., лек-

¹ О нем см.: *Album Academicum des Polytechnikums zu Riga. 1862—1912. Riga, 1912, S. 702*; "Рижский вестник", 5.II 1916, № 28 (некролог).

² К. H a l l e r. *Geschichte der russischen Literatur. Riga und Dorpat, 1882.*

ции по славянским языкам и литературе читал и позже - в 1881-82 гг.). В 1883 г. он переехал в Варшаву, где был затем директором гимназии.^I

"Русская хрестоматия" К. Галлера и А. Соколова была составлена в соответствии с новой программой 1872 г., которой и определялся выбор статей. Тексты обычно предваряются краткой биографией и обзором творчества автора, сделанными чаще всего на основе "Истории русской литературы" П. Полевого и "Курса истории русской литературы" К. Петрова. Крупные произведения, как правило, даются сокращенно, в отрывках, причем опущенные места нередко пересказываются составителями, чтобы учащиеся могли получить представление и о произведении в целом (так наз. "курсорный принцип"). Тексты в хрестоматии снабжены подстрочными примечаниями, в которых разъясняются или переводятся на немецкий язык непонятные гимназистам слова и выражения, а также дается краткий исторический и реальный комментарий.

В первом издании в курс Терции (том III) входили: "Марфа Посадница" и отрывки из "Писем русского путешественника" и "Истории государства Российского" Карамзина; подборка, включающая 34 басни Крылова, разбитых на 4 группы; "Сказка о царе Берендее" Жуковского, отрывок из "Писем русского офицера" и "Похвальное слово сну" Батшкова. В курс Секунды (т. II) - "Дубровский", "Медный всадник", "Евгений Онегин" (в сильном сокращении) и "Кавказский пленник" Пушкина, отрывки из "Юрия Милославского" Загоскина, "Семейной хроники" С. Аксакова и "Князя Серебряного" А. Толстого; в заключение же были даны большие разделы - "Мелкие стихотворения" (10 стихотворений Пушкина, 7 Лермонтова, а также Тютчева, Хомякова, Кольцова, Цыганова, Огарева, Розенгейма, А. Майкова, Никитина, 6 стихотворений Некрасова, в том числе "Муза", "Блажен незлобивый поэт", "Несжатая полоса", "Забятая деревня", "Влас") и "Образцы переводных стихотворений" (Жуковский, Курочкин, Вейнберг,

^I См. о нем: Е. В. Петухов. Кафедра русского языка и словесности..., стр. 83-84.

Михайлов). Наконец, курс Прими (том I) включал: "Старосветские помещики", "Майскую ночь", "Шинель" и 4 отрывка из "Мертвых душ" Гоголя, "Скупой рыцарь" Пушкина, отрывки из "Обломова", "Обыкновенной истории" и "Фрегата Паллады" Гончарова, "Уездный лекарь", "Бежин луг" и "Муму" Тургенева.

Хрестоматия в целом была выдержана в либеральном духе. Положительно надо оценить включение в нее произведений Некрасова, Огарева и Михайлова.

В рецензии, появившейся в "Рижском вестнике" (I.XI 1874, № 238) и принадлежащей, видимо, И.Малиновскому (подписана "М-ий"), был сделан ряд замечаний в адрес составителей хрестоматии: не всегда удачными показались рецензенту сокращения (в частности, в "Старосветских помещиках"), вместо непрограммной "Майской ночи" он рекомендовал включить "Тараса Бульбу", а вместо "Уездного лекаря" — "Хорь и Калиныч" или "Живые мощи". Рецензент хотел бы видеть в хрестоматии "Бориса Годунова" и отрывки из "Обрывка", указанные в программе. Компильативные по своему характеру краткие биографии Гоголя и Лермонтова также показались ему не вполне удачными. М-ий считал желательным давать в конце каждого произведения историко-литературный анализ его, хотя бы в сокращенном виде, а также вопросы для повторения. Почти во всех этих замечаниях был свой резон, и многие из них составители учли при подготовке второго издания. Но все же выполнение всех этих требований означало бы значительное увеличение объема книги (что вряд ли было целесообразно в условиях прибалтийских гимназий) и превращение ее в комплексный учебник-хрестоматию по русской словесности.

Во втором издании К.Галлер и А.Соколов значительно переделали свою хрестоматию, изменив в числе прочего расположение материала и перенеся ряд произведений из одной части в другую. В третий том (курс Терции) к уже имевшимся в первом издании произведениям были добавлены отдельные стихотворения Жуковского и Батюшкова, "Дубровский" и

"Выстрел" Пушкина, "Фаталист" Лермонтова и отрывки из "Юрия Милославского" Загоскина. В третье издание этого тома никаких изменений внесено не было. Во втором томе (курс Секунды) в новом издании оказались: "Кавказский пленник", "Евгений Онегин" и "Медный всадник" Пушкина, "Мцыри" и "Песня про купца Калашникова" Лермонтова, "Старосветские помещики", "Шинель" и "Мертвые души" Гоголя. Раздел же мелких стихотворений был резко сокращен, в нем осталось лишь 5 авторов (Пушкин, Лермонтов, Хомяков, Кольцов, Цыганов), раздел образцов переводных стихотворений был вовсе изъят. Как и во втором издании третьего тома, здесь нет больше и кратких биографических справок об авторах, но зато появились небольшие историко-литературные характеристики включенных в хрестоматию произведений, причем при характеристике "Евгения Онегина" имеется ссылка на В.Г. Белинского ("Это энциклопедия русской жизни"), а в справке о "Мертвых душах" использованы данные из "Новой русской литературы" В.Водовозова.

Том первый (курс Прима) открывался теперь статьей проф. П.Висковатова "О литературной связи важнейших типов в некоторых произведениях Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Тургенева и Некрасова" (стр. I-16), написанной специально для хрестоматии по личной просьбе составителей. Это своеобразный обзор типа "лишнего человека" в русской литературе (Онегин - Ленский - Чацкий - Печорин - Рудин - Обломов - Агарин) с попыткой выяснить ту историческую почву, которая породила этот тип, и отличий образов лишних людей у разных писателей. Статья вводила в книгу элемент историко-литературного анализа и отвечала интересу к сопоставлениям литературных типов при изучении словесности в тогдашней школе. Сразу же вслед за статьей, как бы в подтверждение мыслей П.Висковатова, идет поэма Н.Некрасова "Саша". В том включены произведения Некрасова ("Мороз Красный нос" и стихотворения), А.Толстого ("Князь Серебряный"), Гончарова (отрывки из "Обыкновенной истории", "Обломова", "Обрыва") и Тургенева ("Бежин луг", "Муму").

Во втором издании первого тома краткие биографические справки о писателях с общей характеристикой их творчества сохранились.

Как видим, составители учли многие замечания рецензента и во втором издании их труд стал значительно удачнее, что было признано и в критике. Рецензент "Рижского вестника" N. ^I (кто скрывается под этим криптонимом, мы не знаем) писал: "Одно уже поверхностное знакомство с хрестоматией гг. Галлера и Соколова приводит к убеждению, что она не принадлежит к числу тех коммерческих предприятий, коими полна литература русского языка, что она есть плод серьезных занятий и долговременного опыта". Рецензент отмечал удачный отбор образцов в хрестоматии, позволяющий, с одной стороны, углубить знания учащихся в языке, а с другой, ввести их в мир богатой русской литературы, "проложить учащимся путь к дальнейшему изучению ее". Правда, по его мнению, кое-какими произведениями хрестоматию можно было бы дополнить уже сейчас: "Следовало бы поместить побольше сочинений Тургенева, язык которого едва ли не самый легкий для немцев; кое-что из сочинений К. Аксакова, Достоевского (напр., "Мальчик у Христа на елке", "Бедные люди" и друг.), Льва Толстого, у которого есть рассказы, составленные преимущественно для школы, напр., "Бог правду видит, да не скоро скажет", "Детство и отрочество", и друг. писателей, отсутствие которых резко бросается в глаза каждому". Удачным признал рецензент и расположение материала по трем концентрическим кругам, в которых постепенно возрастает сложность изучаемых произведений, как и принятый составителями курсорный метод чтения образцов (впрочем, пересказы, порою весьма длинные, не всегда удовлетворяли критика). Поправились ему и историко-литературные заметки к отдельным произведениям, и подстрочные примечания. Вывод рецензента: "Хрестоматия вполне отвечает требованиям, предъявляемым дей-

^I "Рижский вестник", З.У 1884, № 100. Ср. рецензию Р. Цаддельмана - "Neue Dörptsche Zeitung", 27. IV 1883, № 96.

ставшей программой, и тем познаниям по русскому языку, которых возможно пока требовать от учеников, не имеющих обширной практики".

Этот вывод рецензента представляется справедливым. Действительно, хрестоматия К.Галлера и А.Соколова была неплохо приспособлена к условиям прибалтийской школы и давала местным учащимся довольно много материала по истории русской словесности, хотя в ней, конечно, могло бы быть больше произведений современных, больше образцов демократической литературы — идейная ограниченность составителей хрестоматии сомнению не подлежит. Учеников, проштудировавших под руководством хорошего учителя три курса хрестоматии Галлера и Соколова, уже никак нельзя было признать невеждами в русской литературе. Беда была лишь в том, что при недостаточном знании учащимися русского языка изучение всех или даже большинства текстов оказывалось не всегда возможным. Произведения рассматривались прежде всего как материал для овладения языком, а художественная эстетическая функция текстов игнорировалась или же оказывалась на втором плане. Надоброжелательное отношение учеников к предмету и не всегда высокая квалификация учителей тоже способствовали тому, что изучение литературных образцов в классе зачастую оказывалось весьма поверхностным. Но в этом, по крайней мере, хрестоматия (кстати, в конце 1870-х — в 1880-е гг. довольно широко употреблявшаяся в гимназиях Эстонии) не была виновата.

Изменения в программе, принятые в середине 1880-х гг., как и некоторое повышение требований к изучению русской словесности вообще в прибалтийских гимназиях в этот период, вновь поставили вопрос о необходимости выпуска в свет специальной серии изданий русских классиков, приспособленных к потребностям местной школы. Инициатором издания новой серии "Из области русской словесности" (издатель — Э.Д.Каров в Тарту) был профессор русского языка и словесности Тартуского университета, известный исследователь Лермонтова, уже неоднократно упоминавшийся нами

П.А.Висковатов. В предисловии к серии он писал, что предлагаемые сборники будут содержать "извлечения из лучших произведений русских писателей. Составители имели в виду гимназии и училища в крае, в которых общеупотребительный язык не русский. Здесь ученики редко встречают возможность без затруднения добыть себе издание сочинений писателя, отрывки из которых читаются преподавателями. Удовлетвориться же чтением отрывков, без ясного в учениках понятия о произведении во всей его целостности, едва ли целесообразно, потому что обучение языку, особенно новому, только тогда может идти успешно, когда изучающий его вводится в недра литературного мировоззрения, т.е. духа языка и народа". Но в то же время полные издания произведений русских классиков вряд ли помогут, если учесть уровень познаний учащихся в языке и их возможности.

"В виду всего сказанного, — продолжал далее П.А.Висковатов, — в среде преподавателей возникла идея подготовить ряд произведений писателей с сокращением текста, т.е. издание отдельных творений, в коих важнейшие отрывки связывались бы удобопонятным пересказом. Преподаватель, читая в классе избранные отрывки и обращая внимание слушателей на особенности языка писателя, или сообщает ученикам содержание связующего текст рассказа, или представляет чтение его самим ученикам. Для наглядности текст писателя и связующий отрывки рассказ напечатаны разным шрифтом. Текст для большего удобства учащихся снабжен подстрочными грамматическими и литературно-историческими примечаниями, которые каждый преподаватель по своему усмотрению может дополнять или оставлять без внимания".¹

В издании серии "Из области русской словесности" участвовала большая группа преподавателей русского языка из разных городов Прибалтики (Г.Г. фон Эльц, А.А.Аржавин, К.А.Галлер, А.И.Константиновский, А.А.Нейман, А.П.Павлов, И.П.Фуфаев, И.Л.Шаталов и др.) под руководством проф. П.А.Висковатова, который сам подготовил несколько выпусков.

¹ Предисловие издано в виде отдельного листка, прилагавшегося к первым выпускам серии, без выходных данных и без нумерации страниц.

В серии, издававшейся с 1886 по 1890 г., вышло 13 сборников: № 1 — "Капитанская дочка" Пушкина (1886, Г. фон Эльц), № 2 — "Евгений Онегин" Пушкина (1887, П.А. Висковатов), № 3 — "Бригадир" и "Недоросль" Фонвизина (1887, И.Д. Шаталов), № 4 — "Повести" Лермонтова (1887), № 5 — "Тарас Бульба" Гоголя (1887, П.А. Висковатов, Г. фон Эльц), № 6 — "Повести" ("Выстрел", "Барышня-крестьянка", "Дубровский") Пушкина (1887, Г. фон Эльц), № 7 — "Рассказы (из "Мертвых душ")" Гоголя (1887, А.И. Константиновский), № 8 — "Ревизор" Гоголя (1887, А.П. Павлов), № 9 — "Полтава" и "Медный всадник" Пушкина (1888, И.П. Фуфаев), № 10 — "Обломов" Гончарова (1889, А.А. Аржавин), № 11 — "Повести" ("Майская ночь", "Сорочинская ярмарка", "Старосветские помещики", "Шинель") Гоголя (1889, Г. фон Эльц и А.А. Нейман), № 12 — "Стихотворения" Жуковского (1890, А.А. Аржавин), № 13 — "Басни Крылова и Стихотворения Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Языкова, Кольцова и др." (1890, Г. фон Эльц и К.А. Галлер). Последний выпуск представлял собой небольшую антологию русской поэзии, в которой было представлено 45 басен Крылова и 53 стихотворения крупнейших русских поэтов XIX в. (кроме перечисленных в заглавии, — Глинки, Баратынского, Цыганова, Хомякова, Тютчева, Фета, Плещеева и др.).

Все эти издания были подготовлены в соответствии с принципами, изложенными в предисловии, т.е. тексты давались в сокращении, отдельные отрывки оригинала соединялись пересказом составителей, в подстрочных примечаниях или в примечаниях, помещенных в конце выпуска, разъяснялись (иногда переводились на немецкий язык) непонятные учащимся слова, фразы, реалии. Кроме того, в большинстве выпусков имелась еще небольшая вступительная статья, где давалась самая общая характеристика включенных в сборник произведений, выяснялось их историко-литературное значение, иногда рисовалась историческая обстановка. В отдельных случаях встречается и биография писателей. Некоторые предисловия, как, например, к "Ревизору" Гоголя (автор — А.П. Павлов, один из

лучших преподавателей русского языка тех лет¹), весьма содержательны, другие несколько поверхностны. В отдельных, к сожалению, редких примечаниях давался и историко-литературный комментарий к тексту.

Не все выпуски серии были подготовлены одинаково хорошо, среди них есть и более и менее удавшиеся; в частности, не все составители удачно сокращали текст, не во всех случаях был безукоризнен стиль пересказа, не всегда до конца была продумана система подстрочных примечаний и т.д. Но, безусловно, это было полезное издание, которое оказало существенную помощь преподавателям и учащимся в изучении русской словесности в четырех старших классах гимназии в сложный период перехода от немецкого к русскому преподавательскому языку в связи с русификацией учебных заведений Прибалтики.

К сожалению, первые сборники серии "Из области русской словесности" были недоброжелательно встречены в печати. В появившейся в "Рижском вестнике" рецензии² на первые пять выпусков они подверглись суровой и не вполне заслуженной критике. Собственно, критике был подвергнут лишь первый выпуск - "Капитанская дочка" Пушкина, - подготовленный Г. фон Эльцем. Рецензента не устраивал уже сам принцип сокращения текстов, положенный в основу издания. По его мнению, произведения надо было бы давать полностью, но с обширными историческими и историко-литературными комментариями, как это делалось в изданиях русской "Классной библиотеки". С этих позиций рецензент и обрушивается на первый выпуск серии. Некоторые конкретные замечания автора рецензии справедливы. Так, он обращает внимание на то, что в "Капитанской дочке" самое важное - картины эпохи, Пугачевщины, а не романтическая любовная линия. Между тем, Г. фон

¹ См. о нем: А. Н а н к о. Oli kord... Mālestusi. II. Tartu, 1941, lk. 98.

² Русский публицист. Педагогические заметки. - "Рижский вестник", 30.IV 1887, № 94, 4.V 1887, № 97, 9.V 1887, № 101, 12.V 1887, № 103.

Эльц сокращает как раз все картины, характеризующие эпоху, быт, человеческие характеры, Пугачевщину, и тщательно оставляет все, связанное с любовной интригой. К тому же Г. фон Эльц все время вставляет в текст отрывки от себя, собственный пересказ; даже в тот текст, который обозначен как пушкинский, нередко внесены его изменения и исправления. В результате, получается уже не Пушкин, а произведение г-на фон Эльца по Пушкину, весьма убого изложенное. Неудачные пропуски мешают читателю понять идею произведения. Все 547 подстрочных примечаний носят характер разъяснения слов и выражений, встречающихся в тексте, но среди них нет ни одного историко-литературного. По мнению рецензента, две трети этих примечаний вовсе не нужны, да и написаны они с ошибками, свидетельствующими о том, что Г. фон Эльц не владеет русским языком в совершенстве.

Но если отдельные конкретные замечания автора отзыва и справедливы, то его исходные положения вряд ли верны; он исходит из представлений о русской школе и не учитывает специфику прибалтийских учебных заведений, уровень знания русского языка местными учащимися. В подобных изданиях известная адаптация и сокращение текста, многочисленные подстрочные примечания все же желательны, если не необходимы, в противном случае произведения останутся не до конца понятыми учениками.

К тому же надо отметить, что в других изданиях серии сокращения были сделаны несравненно удачнее, в них появились и историко-литературные комментарии, а также вступительные статьи, разъяснявшие характер произведения. Составители других выпусков с большим пиететом относились к авторскому тексту. Неблагоприятный отзыв "Русского прибалтийца" не прекратил дальнейшего издания серии, и ее выпуски, судя по всему, нашли путь в гимназии и использовались при изучении русской словесности.

С наступлением, вернее, с завершением русификации во всех учебных заведениях Эстонии начинают употребляться общероссийские учебники и хрестоматии, рассмотрение которых не входит в задачу автора.

Глава VI. Преподавание русского языка и словесности
в высших учебных заведениях Эстонии
1860-1880-х гг.

Как же шло преподавание русского языка в высших учебных заведениях края – Тартуском университете и Ветеринарном институте?

В 1860 г. министерством было утверждено новое "Положение о преподавании русского языка и словесности в Императорском Дерптском университете", сохранявшее силу до 1893 г.

Согласно этому "Положению", курс русского языка в университете включал следующие предметы: 1) история русской словесности (два семестра по 3 часа в неделю); 2) история русского языка (один семестр по 2 ч. в нед.); 3) русские древности (I сем. по 1 ч. в нед.); 4) объяснения замечательных прозаиков и стихотворцев XVIII и XIX столетий (каждое в течение одного семестра по 3 ч. в нед.); 5) практические упражнения в письменных переводах (каждый семестр по 2 ч. в нед.); 6) упражнения в изустных переводах с русского языка на немецкий и обратно (каждый семестр по 3 ч. в нед.). Первые четыре предмета вел профессор русского языка и словесности, пятый – лектор этой же кафедры, а шестой – профессор и лектор (по соглашению).

Собственно, все эти предметы в комплексе были обязательны лишь для филологов-русистов, прочие студенты историко-филологического факультета, студенты камеральных и дипломатических наук были освобождены от истории русского языка и русских древностей (студенты древнеклассической филологии – только от последних). Для всех прочих студентов университета были обязательны "Объяснения замечательнейших прозаиков и стихотворцев XVIII и XIX столетий", "Письменные упражнения в русских переводах и сочинениях" и "Упражнения в переводах с русского языка на немецкий и об-

ратно". Для двух последних предметов назначалось: для студентов, принятых в университет с оценкой "отлично" (№ 1) по русскому языку, — два семестра, а для поступивших с оценкой "хорошо" (№ 2) — три семестра. Причем принятые с № 1 в течение первого семестра должны были участвовать в изустных и письменных упражнениях (всего 5 часов в неделю), а во втором семестре — только в письменных упражнениях (по 2 часа в неделю); поступившие же с оценкой № 2 в течение первых двух семестров принимали участие в изустных и письменных упражнениях в переводе (5 ч. в нед.), а в третьем семестре занимались одними письменными упражнениями (2 ч. в нед.).

В "Положении" были указаны и требования на окончательных испытаниях по русскому языку. Они были различными для студентов-филологов, студентов дипломатических и камеральных наук, казеннокоштных студентов и "прочих" (впрочем, требования для казеннокоштных студентов богословского и медицинского факультетов и для остальных студентов различались очень мало). От студентов дипломатических и камеральных наук требовалось: а) знание истории русской словесности от петровской эпохи до новейших времен со свободным объяснением замечательнейших прозаиков и стихотворцев XVIII и XIX столетий; б) письменное изложение мыслей, причем могут быть допускаемы некоторые синтаксические погрешности и обороты, не вполне русские; в) полное понимание языка разговорного и умение изъясняться по-русски.

Требования к основной массе студентов были следующими: а) ознакомление с лучшими представителями русской литературы XVIII и XIX столетий; б) свободный, точный перевод с русского языка на немецкий и обратно; в) "беззатруднительное понимание" разговорного языка; г) письменное изложение мыслей без значительных грамматических ошибок; причем рекомендовалось оказывать снисхождение к оборотам, не вполне русским и не вполне правильной конструкции.¹

¹ Е.В. Петухов. Кафедра русского языка и словесности..., стр. 16-20.

В 1863 г. ректор университета Ф.Биддер обратился к попечителю Дерптского учебного округа А.Кейзерлингу с письмом, в котором просил сделать русский язык предметом необязательным. Он мотивировал свое предложение тем, что университет не имеет возможности исправлять огрехи гимназического курса, а изучение русского языка входит в последний; с другой стороны, у студентов просто нет времени посещать помимо специальных предметов еще и занятия по русскому языку. Ф.Биддер признавал, что лекции по русскому языку и словесности очень слабо посещаются студентами, которые лишь для виду записываются на них и регулярно выплачивают гонорар профессору, чем дело и ограничивается. Попечитель, в общем, с сочувствием отнесся к предложению ректора, но не осмелился прямо его поддержать.^I

Впрочем, в изучении русского языка в университете с введением нового "Положения" практически ничего не изменилось: студенты его, как и прежде, не учили, знали его плохо (знание русского языка студентами повышалось с годами лишь в той мере, в какой улучшалось его преподавание в гимназиях округа), а экзамен по этому предмету, как и ранее, оставался чистой формальностью. Профессора и доценты (с 1865 г. должность лектора русского языка была заменена доцентом этого предмета), учитывая обстановку в крае и университете и понимая, что им не изменить создавшегося положения, бывали крайне снисходительны на экзамене по русскому языку. Их, пожалуй, и трудно за это упрекнуть.

Сохранилось немало ярких мемуарных зарисовок того, как происходил экзамен по русскому языку в университете и как вообще "изучался" этот предмет. Один из студентов вспоминал, что свидетельство об экзамене по русскому языку включало отметки по переводу с немецкого на русский, с русского на немецкий, по собеседованию, литературе, а также особую отметку о том, может ли экзаменуемый вести корреспонденцию на государственном языке. Для получения этих пяти

^I Там же, стр. 20-23. Ср. А.С.Б у д и л о в и ч. Цит. соч., стр. 49-52.

отметок у проф. М.П.Розберга хватало перевести одну страницу с русского на немецкий или обратно, и провалов на экзамене не случалось. Тот же мемуарист вспоминал, что в 1860-е гг. престарелый профессор вообще крайне небрежно относился к своим преподавательским обязанностям: в начале семестра он регулярно начинал лекции с рассказа о Кирилле и Мефодии, однако, после двух-трех занятий обычно говорил, что чувствует себя больным и несколько недель не сможет читать лекций. На этом дело и кончалось, чтобы со следующего семестра начаться заново.¹ О крайней снисходительности проф. М.П.Розберга на экзаменах по русскому языку было осведомлено и начальство.²

Занявшего в 1870-е гг. пост профессора русского языка и словесности проф. П.А.Висковатова в прибалтийско-немецкой и эстонской буржуазной историографии нередко именовали русификатором, посланным в Тарту для подготовки нового курса царизма. Однако этот "русификатор" тоже был известен своей редкой терпимостью на экзаменах.³ Как вспоминает один мемуарист, к его экзамену редко кто готовился, студенты лишь выучивали несколько ответов "на все случаи жизни". Спрашивал ли профессор о Пушкине или Лермонтове, о "Капитанской дочке" или Печорине, Гоголе или Чичикове, всегда можно было ответить - "это чисто русский тип", чтобы

¹ <Edward Heinrich>. Luźne kartki ze wspomnień uniwersyteckich, spisane przez starego Dorpatczyka. Warszawa, 1917, s. 70. Ср. в уже цитированном выше письме А.А.Котляревского к И.И.Срезневскому: "Скажу откровенно: если преподавание русского языка в остзейских гимназиях еще держится на порядочной степени, то этим они обязаны не университету, где Розберг 35 лет бездействовал" (Сборник ОРЯС, т. 50, 1895, стр. XC).

² См. пометку М.Могиланского на полях брошюры А.Кейзердинга (ЦГА СССР, ф. 733, оп. 193, ед.хр. 187, л.225 об.).

³ См. E. Heinrich. Op. cit., S. 71-72.

экзамен был бы сдан.¹ По-видимому, эти полуанекдотические истории - не преувеличение.

Несколько лучше обстояло дело в другом высшем учебном заведении Эстонии - в Тартуском Ветеринарном институте. Дело в том, что в преобразованном в 1873 г. из Ветеринарного училища институте преподавание должно было вестись на русском языке (переход от немецкого языка преподавания к русскому, правда, происходил постепенно), но значительную часть контингента студентов составляли немцы, эстонцы и латыши, как правило, русским языком владевшие плохо. Поэтому для них был предусмотрен специальный курс русского языка, в котором очень много места занимала и литература, хотя, казалось бы, знание ее для будущих ветеринаров не столь уж важно. Причина этого заключается, по-видимому, в том, что составителем программы был профессор русского языка и словесности Тартуского университета П.А.Висковатов, литературовед по специальности, для которого словесность всегда была ближе, нежели грамматика. Здесь, возможно, сказались и новые веяния в изучении русского языка в прибалтийских учебных заведениях, о которых мы уже говорили выше.

Утвержденная в 1875 г. "Программа занятий по русскому языку в Дерптском Ветеринарном институте"² предусматривала два этапа ("курса") в изучении этого предмета: низший (он охватывал I-II курсы) и высший (III-IV курсы). Низший курс (3 часа в неделю) предусматривал: а) синтаксис с письменными упражнениями (1 ч. в нед.), б) "чтение более легких отрывков или цельных сочинений из русских писателей с переводом на немецкий язык и пояснением прочитанного" (1 ч. в нед.), в) устные упражнения в переводах с немецкого язык-

¹ Dr. K. B e l d a v s. Mani kandidāta gadi. Rīgā, 1935. 41. lpp. Ср. Otto von Gr ü n e w a l d t. Erinnerungen. Studentenzei t. Reval, 1927, S. 108-111.

² Сборник распоряжений по МНЦ. Т. VI. 1874-1876. СПб., 1901, стлб. 716-719.

ка на русский (1 ч. в нед.). Для переводов с немецкого на русский рекомендовалось употреблять сочинения русских писателей (Пушкина, Лермонтова, Тургенева) в немецких переложениях, т.е. обратный перевод с немецкого языка на русский. В другом примечании специально указывалось: "Выбор отрывков из русских писателей должен быть сделан так, чтобы чтение в первый год не повторялось на следующий... Если, например, один год проходились известные сочинения Гоголя или Лермонтова или объяснялись некоторые басни Крылова, то на следующий год надо переводить другие сочинения тех же писателей (или вовсе обратиться к другим)... Сделанные же доцентом в предыдущем году замечания о жизни и деяниях писателя могут быть на этот год разъясняемы лучшими студентами при содействии преподавателя".¹ Это показывает, что в курсе уже на низшем этапе были предусмотрены и элементы историко-литературного анализа.

Высший курс (также 3 часа в неделю) предусматривал в первом полугодии: а) устные переводы с немецкого языка на русский (1 ч. в нед.), причем опять рекомендовался обратный перевод на русский немецких переложений сочинений Пушкина и Тургенева; б) чтение новейших русских писателей, пересказ и изъяснение прочитанного (1 ч. в нед.); в) письменные упражнения на темы прочитанного (при этих упражнениях рекомендовалось "обращать особенное внимание на то, чтобы слушатели выказали знание того, что преподаватель говорил о жизни и характере писателя и что в свое время должно было быть записано ими"); г) письменные упражнения в переводах с немецкого на русский по специальности (каждое по 1 ч. в две недели). Во втором полугодии отпадал пункт "а", а на чтение новейших русских писателей было предусмотрено 2 часа в неделю.

"Писатели, с жизнью, деятельностью и произведениями коих надо ознакомить слушателей, суть следующие: Карамзин, Лувовский, Крылов, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, — указывалось в примечании к программе. — Если окажется воз-

¹ Там же, стр. 717.

можным, то и с Кольцовым, Гончаровым и некоторыми другими, даже ознакомить с народною поэзией, например, с главными былинами и с "Словом о полку Игореве" в переводе А. Майкова (но отнюдь не со стороны языка, а только содержания...).

При ознакомлении с писателями необходимо обращать внимание слушателей на всю эпоху; так, например, при чтении "Тараса Бульбы" Гоголя коснуться истории Малороссии; при чтении "Мертвых душ" или "Евгения Онегина" объяснить современный быт; при чтении "Песни о Кирибеевиче и Каландникове" Лермонтова ознакомить с личностью и значением Ивана Грозного (причем обратить внимание на "Историю Государства Российского" Карамзина и таким образом указать и на деятельность этого славного писателя)".¹

На выпускном экзамене студенты Ветеринарного института должны были: а) доказать знание русского языка отчетливым толковым чтением с объяснением трудных мест при пересказе содержания прочитанного отрывка; б) показать знание русской словесности в объеме преподавания ее в институте; в) письменно перевести с немецкого языка отрывок из какой-нибудь книги специально-ветеринарного содержания; г) уметь письменно вести дела..., до обязанности ветеринара касающиеся".² В личных делах выпускников Тартуского Ветеринарного института сохранились и сочинения по истории русской литературы, по-видимому, позже также предусмотренные на выпускных экзаменах.

Воспитанники Ветеринарного института в большинстве отправлялись работать во внутренние губернии России и, как правило, русский язык они знали.

¹ Там же, стлб. 718-719.

² Там же, стлб. 719.

Глава VII. Преподавание русского языка и словесности
в учебных заведениях Эстонии в переходный
период (конец 1880-х - начало 1890-х гг.)

Нам осталось лишь рассмотреть в самых общих чертах переход к новой системе преподавания в учебных заведениях Прибалтики, который совершился в конце 1880-х - начале 1890-х гг., - переход к русскому языку обучения и к общероссийским учебным программам.

Как мы уже отметили, со вступления на престол Александра III политика властей на окраинах претерпела большие изменения: был взят курс на последовательную русификацию. К практическому осуществлению этой политики в Прибалтике царские власти приступили в середине 1880-х гг.

С точки зрения властей, новый политический курс должен был прежде всего ликвидировать обособленность Остзейского края от России, его немецкий характер, унифицировать Прибалтику с прочими частями Российской империи в плане административном. Это, в свою очередь, должно было подготовить почву для полного слияния края с Россией, под чем наиболее последовательные проводники новой политики, вроде эстляндского губернатора князя С.В.Наховского, подразумевали обрусение местного населения и его переход в православие.

Русификация, совпавшая с общим усилением реакции в России, что усугубляло тяжесть ее для края, включала большой комплекс правительственных мероприятий, разрушавших так называемый Особый остзейский режим. Сюда входили городская, полицейская и судебная реформы, реорганизация крестьянских учреждений и т.д. Однако в сознании большинства политика русификации ассоциировалась в первую очередь с введением русского языка в официальное делопроизводство и в школу.

Что же собой представляли правительственные мероприя-

тии по русификации учебных заведений Прибалтики, по их переходу на русский язык преподавания?

Остановимся прежде всего на сельских школах.

28 ноября 1885 г. на основе доклада министра внутренних дел последовало повеление Александра III о подчинении министерству народного просвещения евангелическо-лютеранских сельских школ и учительских семинарий, до тех пор управлявшихся местным лютеранским духовенством вкупе с дворянством.¹

Одновременно местное учебное начальство принимает меры к расширению сети сельских министерских школ в крае, которые должны были стать основным рассадником русского образования в латвийской и эстонской деревне. К 8 декабря 1886 г. относится важное распоряжение попечителя Дерптского учебного округа "По вопросу о сельских училищах министерства народного просвещения". В нем разъяснялось, как должно вестись преподавание в министерских школах Прибалтики. Курс обучения в них был рассчитан на 5 лет. В течение первых трех лет (т.е. в первом классе двухклассной министерской школы) преподавание происходит на латвийском или эстонском языках, причем одновременно учащиеся обучаются русскому языку. Во втором же классе в течение двух последних лет учения все предметы (за исключением закона божьего) преподаются уже по-русски. Таким образом министерские сельские училища, по мнению начальства, вполне сохраняя характер народной школы, должны добиться "разумного сочетания" родного и государственного языков. Первый класс министерских училищ предназначен был заменить прежнее волостную школу, и обучение в нем считалось обязательным. Второй же класс должен был соответствовать курсу приходской школы, и посещение его не было обязательным.²

Забегая вперед, отметим, что в Эстонии во второй по-

¹ Циркуляры по Дерптскому учебному округу, 1886, № I, стр. 5.

² Там же, № II, стр. 327-331.

ловине 1880-х гг. министерских школ было еще очень мало. На 1 января 1890 г. на русском языке в сельских министерских школах обучалось только 156 учащихся, причем в Тартуском и Аренсбургском инспекторских районах — ни одного.¹ Министерские школы в Эстонии лишь в 1890-е гг. стали важным фактором распространения знания русского языка.

26 января 1887 г. последовало "повеление" "Об устройстве надзора за начальными училищами Дерптского учебного округа",² которым для управления сельскими школами края, как православными, так и евангелическо-лютеранскими, были учреждены должности директора народных училищ округа и четырех инспекторов (сверх существующих двух должностей инспекторов православных сельских школ, которые также были превращены в инспекторов народных училищ). На территории Эстонии было создано 3 инспекторских района (позже четыре), что значительно усилило контроль за преподаванием русского языка в школах.

Наибольшее значение имело утвержденное Александром II 17 мая 1887 г. положение "О порядке заведывания начальными народными училищами в губерниях Лифляндской, Курляндской и Эстляндской".³ В него были включены "Временные дополнительные правила об управлении начальными училищами" в Прибалтике, в общих чертах регламентировавшие всю систему организации сельских школ, в том числе и учебного процесса. Хотя эти правила и были признаны временными "впредь до издания в законодательном порядке общего для означенных губерний положения об упомянутых учебных заведениях", они сохраняли силу вплоть до Великой Октябрьской революции.

Особенно важен § II "Временных правил", регламенти-

¹ См. "Циркуляры по Дерптскому учебному округу", 1890, № 2, стр. 145.

² Циркуляры по Дерптскому учебному округу, 1887, № 2, стр. 45-62.

³ Сборник постановлений по МНП, т. X, столб. 844-871; Циркуляры по Дерптскому учебному округу, 1887, № 7, стр. 311-334.

ровавший язык преподавания и вместе с тем сформулированный так, что он стал впоследствии объектом споров и дискуссий. В нем утверждалось: "В сельских училищах, именно в в волостных школах евангелическо-лютеранских и римско-католических и во вспомогательных православных школах, а равно в одноклассных училищах и в 1-м классе двухклассных училищ Министерства Народного Просвещения преподавание всех предметов производится на русском, эстонском или латышском языке, смотря по удобству, с тем, что в последний год обучения на русском языке должно производиться преподавание всех предметов, кроме закона божия и церковного пения, кои могут быть преподаваемы на природном языке учащихся, т.е. на русском, латышском или эстонском, смотря по населению, в приходских же сельских школах и во 2-м классе названных двухклассных училищ, независимо от исповедания и происхождения учащихся, преподавание всех предметов происходит на русском языке, кроме закона божьего и церковного пения, кои в сих училищах могут быть преподаваемы на природном языке учащихся".¹ Последнее относилось и к городским начальным училищам. Вся сложность заключалась в формулировке "смотря по удобству", поскольку не было ясно, что подразумевается под "удобством" преподавания и кто должен это определять.

В § 12 тех же "Правил" указывалось, что объем преподавания в низших учебных заведениях определяется программами, издаваемыми Министерством народного просвещения.

Новые постановления, в особенности распоряжение о русском языке преподавания в приходских школах, вызвали крайнее возмущение в среде остзейцев. Верховный комитет земских школ Лифляндии, возглавлявший до тех пор лютеранские сельские школы губернии, летом 1887 г. принял решение не возобновлять с нового учебного года занятий в приходских школах, всех учителей уволить, признав их этнические квестерами, а помещения школ отобрать для церковных

¹ Сборник постановлений по МНП, т. X, стлб. 868-869.

нужд. И, действительно, с осени 1887 г. учебные занятия в большинстве приходских училищ Лифляндии (частично и Эстляндии) не были начаты. Хотя власти признали это решение Верховного комитета неосновательным и незаконным и стали принимать энергичные меры к возобновлению занятий, тем не менее, 1887/88 учебный год в приходских школах был фактически сорван.

30 сентября 1887 г. последовало разъяснение министерства о том, что обучение на русском языке в приходских училищах должно начаться только через три года, после того, как в эти училища придут выпускники волостных школ, работающих по новой программе. До тех же пор разрешено продолжать преподавание в приходских школах и на местных языках.¹

Занятия в большинстве приходских школ возобновились с осени 1888 г., но, например, в училище в Курси лишь с января 1889 г. К началу 1889 г. в Тартуском инспекторском районе еще не были открыты приходские школы в Колга-Яани, Экси (Акви) и Харгла.²

6 ноября 1887 г. последовало разъяснение попечителем закона от 17 мая 1887 г. В нем было санкционировано, что преподавание в волостной школе в первые два года обучения и в низшем классе министерских училищ должно вестись на латышском или эстонском языках и лишь в последний год обучения в волостной школе, во втором классе министерского училища и в приходской школе постепенно должно вводиться преподавание на русском языке.³ Это находится в полном соответствии с личными убеждениями попечителя Дерптского учебного округа М.Н.Капустина, который и позже считал, что нельзя начинать обучение в сельской начальной школе прямо с русского языка.⁴ В попечительском разъясне-

¹ Циркуляр по Дерптскому учебному округу, 1887, № 10, стр. 481-483.

² Там же, 1889, № 2, стр. 141-142.

³ Там же, 1887, № 11, стр. 580-582.

⁴ "Русская старина", 1902, т. 109, март, стр. 538.

нии также отмечалось, что сейчас лишь немногие учителя в состоянии были бы начать преподавание на русском языке, поскольку большинство его не знает или знает слабо. Но учителя уже сейчас должны самым серьезным образом заняться им, чтобы через три года они смогли бы приступить к обучению на русском языке. Для учителей, начиная с 1888 г., каждое лето устраивались специальные курсы русского языка.

Вообще же по мере усиления русификации в Эстонии сложилось весьма трудное положение с учителями: почти все местные учительские семинарии, за исключением Второй Тартуской (русскоязычной) и Каармаской, были закрыты, поскольку руководившее ими лютеранское духовенство и местное дворянство воспротивилось переводу семинарий на русский язык преподавания. Выпуск дипломированных педагогов резко сократился, многие старые, опытные педагоги, не знавшие русского языка, вынуждены были покинуть свои места.

С назначением в 1890 г. на пост попечителя Дерптского учебного округа Н.А. Давровского русификация сельских школ несравнимо усилилась и стала проводиться грубыми, принудительными административными мерами. Постепенно вводится преподавание на русском языке с первого года обучения в волостной школе; рекомендуется изучение русского языка учащимися на основе так называемого "натурального" метода, полностью исключавшего родной язык.¹ В школе вводятся новые учебники (прежде всего букварь, книги для чтения и грамматика М. Вольпера). Эстонский язык изгоняется из учебных заведений.

Рассмотрение этого нового этапа в истории эстонской школы не входит в задачу автора спецкурса. Отметим лишь, что русификация школ очень затруднила получение образования для эстонских детей. Для многих из них она вообще стала труднопреодолимым препятствием на пути к знаниям: не понимая русского языка, на котором велось преподавание с первого дня обучения детей в школе, они были не в состо-

¹ См. Н. З а й о н ч к о в с к и й. К истории сельской народческой школы в Прибалтийских губерниях и ее реформы, стр. 62-72.

янии усвоить даже азы грамотности и вынуждены были бросать школу.¹ Не случайно количество учащихся в народных школах Эстляндской губернии сократилось с 25 646 человек в 1886 г. до 20 565 в 1892 г.²

Но, как бы то ни было, русификация привела все же в конечном итоге к значительному распространению знания русского языка в Эстонии, привела к тому, что многие учащиеся уже в начальной школе получили возможность с помощью книг для чтения знакомиться с образцами русской словесности. Приобретенное же в школе знание русского языка давало им возможность позже расширить свое знакомство с русской литературой.

Обратимся к городским начальным училищам.

19 апреля 1886 г. последовало распоряжение попечителя о том, чтобы, не дожидаясь новых учебных планов, во всех как мужских, так и женских начальных училищах с нового учебного года на русское чтение и письмо в первом, младшем, классе было назначено не менее 8 уроков в неделю.³

7 июня 1887 г. распоряжением попечителя предписывалось с нового учебного года начать преподавание на русском языке всех предметов (кроме закона божьего и церковного пения для лютеран) в правительственных начальных (элементарных) училищах. При этом родной язык учащихся допускался на первых порах обучения как вспомогательное средство. Программа должна была соответствовать курсу первого класса русских городских училищ (по положению 1872 г.).⁴ Это предписание, по-видимому, не было везде выполнено; так, учитель Хаапсалуского начального училища оказался не в со-

¹ На это справедливо указал Ф.Туглас, см.: Friedebert Tuglas. Mälestused. Tallinn, 1960, lk. 69-71. Ср.: Jaan Kõrge. Kaõunud aegade hõmarusest. Mälestuskilde lapse-, karjase- ja koolipõlvest. Tartu, 1935, lk. 91, 96.

² История Эстонской ССР. Т. II. Таллин, 1966, стр. 263.

³ Циркуляры по Дерптскому учебному округу, 1886, № 4, стр. II7.

⁴ Там же, 1887, № 6, стр. 269-270.

стоянии обучать детей на русском языке.¹

С августа 1888 г. на русский язык преподавания были переведены первые классы в тех городских начальных школ, которые содержались за счет городов без пособия от казны. Старшеклассникам же разрешено было закончить курс по прежним программам.²

Впрочем, как выясняется из одного более позднего распоряжения попечителя, на первых порах все же было признано возможным в первом, младшем, классе вести обучение в начальных городских училищах на родном языке учащихся и только на втором году переходить к преподаванию исключительно на русском. Лишь 5 марта 1891 г. попечитель приказал неукоснительно выполнять предписание о преподавании на русском языке, начиная уже с первого класса.³ По установленной в 1891 г. для начальных училищ сетке часов, на русский язык полагалось 10 часов в неделю в первом классе, 7 - во втором, по 6 - в третьем и четвертом; родной же язык учащихся мог преподаваться только в качестве факультативного предмета во внеурочное время по 2-3 часа в неделю.⁴

С конца 1885 г. началось преобразование немецкоязычных уездных училищ Прибалтики в русскоязычные городские училища, занятия в которых должны были идти в соответствии с общероссийским "Положением о городских училищах", утвержденным 31 мая 1872 г., на первых порах с некоторыми небольшими изменениями, ставившими целью помочь учащимся овладеть русским языком. Для этого в первом классе, кроме 8 уроков русского чтения в неделю, прибавлялось еще 3 урока русского письма; во втором и третьем классе учащиеся-детиране освобождались от изучения церковнославян-

¹ Там же, 1887, № 10, стр. 521.

² Там же, 1888, № 1, стр. 19-20.

³ Там же, 1891, № 3, стр. 150-152.

⁴ Там же, 1891, № 11, стр. 466.

ского языка, и часы его также должны были быть использованы для занятий русским. Родные же языки учащиеся могли изучать только факультативно.¹

23 декабря 1885 г. последовало распоряжение о преобразовании с июля 1886 г. Валкского, Раквереского, Хаалсауского и Вильяндского уездных училищ в трехклассные городские училища.² 15 декабря 1886 г. вышло аналогичное распоряжение о преобразовании с нового учебного года Выруского,³ 29 мая 1887 г. — Таллинского⁴ (в 1889 г. преобразовано в четырехклассное⁵) и 2 августа 1887 г. — Пайдеского уездных училищ⁶ (последнее вначале было превращено в двухклассное, а с 1889 г. стало трехклассным городским училищем⁷). С 1 июля 1890 г. решено было открыть трехклассное городское училище и в Аренсбурге (Курессааре).⁸ Правда, ученикам уездных училищ предоставлена была возможность закончить курс за два года по старой программе; попечитель, впрочем, требовал усилить преподавание русского языка.⁹

Срок обучения в городских училищах предусматривался в шесть лет; в трехклассном училище — а таких было большинство в Эстонии — курс каждого класса был двухгодичным. Программа по русскому языку городских училищ была весьма обширной. Занятия подразделялись на 4 главных "отдела": обучение грамоте (в первом классе), объяснительное чтение, изучение грамматики (начиная со второго класса) и церков-

¹ Там же, 1886, № 4, стр. 114-117.

² Там же, 1886, № 1, стр. 6-7.

³ Там же, 1887, № 1, стр. 3.

⁴ Там же, 1887, № 6, стр. 260-261.

⁵ Там же, 1889, № 1, стр. 3-4.

⁶ Там же, 1887, № 8, стр. 414-415.

⁷ Там же, 1889, № 1, стр. 3-4.

⁸ Там же, 1890, № 1, стр. 3-4.

⁹ Там же, 1886, № 6, стр. 165, 380-381.

нославянское чтение (в городских училищах Прибалтики — только для учащихся православного вероисповедания; литература в эти часы совершенствовались в русском языке). Для объяснительного чтения в первые два года обучения рекомендовалось "Родное слово" К.Д.Ушинского, причем уже со второго года предлагалось проходить и заучивать наизусть стихотворения. Во втором классе (третий и четвертый годы обучения) объяснительное чтение включало небольшие произведения "образцовых писателей" по "Родному слову" Ушинского и хрестоматиям Кузьмина и Басистова. С пятого года обучения (третий класс) вводился анализ литературных произведений по хрестоматиям Кузьмина и Басистова. В последний год обучения объектом разбора были уже "известнейшие образцовые произведения повествовательной и описательной формы", при этом учащиеся должны были знакомиться с биографиями виднейших писателей (Ломоносова, Державина, Карамзина, Жуковского, Крылова, Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Гоголя, С.Аксакова, Тургенева, Л.Толстого), со "свойствами образного языка и видами образных выражений", с жанрами литературных произведений, а также должны были писать сочинения. Учебниками служили вторая часть "Хрестоматии для употребления при преподавании русского языка" П. Басистова и обе части "Учебной русской хрестоматии с толкованиями" П.Полевого.¹

Эти книги включали многочисленные образцы русской классической литературы. В общем, выпускники городских училищ получали весьма основательную подготовку по литературе.

Поводом к преобразованию гимназий послужил отчет губернатора С.В.Шаховского о состоянии Эстляндской губернии за 1885 г., представленный императору. В нем С.В.Шаховской указывал на несовместимость с государственными ин-

¹ См.: Программа и устав городских училищ Министерства Народного Просвещения (по Положению 31 мая 1872 г.). С объяснительными записками к преподаванию, дополнениями и разъяснениями... Составил П.Горбунов. Изд. 3-е. М., 1891, стр. 13-14, 18, 21, 24, 27-28, 39, 46-47, 51-52.

тересами параллельного существования в Прибалтике немецких и русских учебных заведений, субсидируемых казной. Эти "правительство выступает в роли как бы конкурента с самим собой", оно финансирует немецкие гимназии, которые служат лишь тормозом для успешного проведения правительственной политики в крае.¹ Это место обратило на себя внимание Александра Ш, который снабдил его пометкой "К Мин. Нар. Просвещения". Последний запросил мнение по этому поводу попечителя Дерптского учебного округа М.Н.Капустина. В своем отношении министру в январе 1887 г. М.Н.Капустин высказал мысль о необходимости превратить немецкие средние учебные заведения Прибалтики в русские, что, по словам официального историка, совпало с предположением министерства начать преобразование всей системы школ Остзейского края.² Указав, что большинство учащихся в учебных заведениях округа - латыши и эстонцы, а не немцы (они составляют всего 1/13 часть населения края), М.Н.Капустин писал: "При указанных условиях содержание немецких учебных заведений на счет казны нельзя признать явлением нормальным. Оно противоречит требованиям русской государственности и не находит себе никакого оправдания в педагогических соображениях. Поддерживая немецкие училища преимущественно перед русскими, правительство тем самым воспитывает в народе мысль, что эсто-латышский край не есть русский, что он примыкает к иной чужеземной культуре. Эта мысль невольно усваивается самими учебными заведениями, весь внутренний строй которых получает характер отчуждения от России, на преподавание русского языка смотрят в этих училищах как уступку печальной необходимости; юноши воспитываются по немецким учебникам, читают только немецкие книги и почерпают в них свое мировоззрение. Особенно печально влияние такого порядка вещей на латышей и эстов".³

¹ Сборник постановлений по МНП. Т. X, стлб. 783-784.

² С.В.Рождественский. Цит. соч., стр.671

³ Сборник постановлений по МНП. Т. X, стлб. 787-788.

Результатом всего этого явился разработанный министерством народного просвещения на основе предложений попечителя закон "О введении преподавания на русском языке в правительственных средних учебных заведениях Дерптского учебного округа", 10 апреля 1887 г. утвержденный императором.¹ Согласно этому закону, начиная с 1887/88 учебного года, решено было вводить преподавание всех предметов (за исключением закона божиего) на русском языке в правительственных средних учебных заведениях округа, причем установление срока и порядка приведения этой меры в исполнение представлено было министерству народного просвещения.²

Закон вызвал ряд демаршей со стороны остзейского дворянства с выражением протеста и с просьбами если не отменить, то, по крайней мере, как-то смягчить или отсрочить выполнение этого закона.³ Лифляндское дворянство, в частности, пугало власти тем, что введение преподавания на русском языке уничтожит связь между школой и семьей и лишит родителей возможности следить за нравственным развитием ребенка. Представители рыцарства просили сохранить немецкий язык преподавания хотя бы в тех гимназиях, которые содержатся за его счет или за счет городов. Однако все просьбы остзейского дворянства были отклонены.⁴

Министерским распоряжением от 17 июля 1887 г. были конкретно определены меры по претворению в жизнь закона 10 апреля 1887 г. Согласно этому распоряжению, в правительственных гимназиях предлагалось: 1) определять только таких

¹ Об истории подготовки этого законопроекта см.: ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 165, ед.хр. 430, лл. 1-53 об. Ср. там же, ф. 1263, оп. 1, ед.хр. 4584, лл. 487-488 об.

² Сборник постановлений по МНП. Т. X, стлб. 799-800.

³ См. записку курляндского губернского предводителя дворянства А.Гейкинга от 30.V 1887 г. (ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 165, ед.хр. 430, лл. 61-64 об.) и лифляндского предводителя дворянства Мейендорфа (там же, лл. 68-82).

⁴ См. Сборник постановлений по МНП. Т. X, стлб. 919-924.

новых учителей, которые могут вести свой предмет по-русски; 2) оставлять на службе лишь тех педагогов, кто будет преподавать на русском языке; 3) чтобы дать возможность не владеющим этим языком учителям дослужиться до пенсии, в течение первых трех лет назначать для преподавания на русском языке сверхштатных учителей; 4) преподавание во всех классах правительственных гимназий на русском языке должно быть введено в течение 5 лет, считая с 1887/88 уч. года (срок для древних языков мог быть продлен еще на два года); 5) в Тартуской гимназии с нового учебного года должно было начаться преподавание всех предметов, кроме закона божьего, по-русски в первом классе с тем, чтобы ежегодно прибавлялось бы еще по одному классу; в Таллинской же гимназии вводить ежегодно преподавание одного нового предмета на русском языке. В других средних учебных заведениях также было предписано, начиная с 1888 г., вводить ежегодно преподавание одного нового предмета на русском языке в трех низших или в четырех высших классах.¹

В соответствии с распоряжением от 17 июля 1887 г. в Таллинской гимназии с осени было введено преподавание математики по-русски.²

Естественно, встал и вопрос об учебных планах и программах, по которым должно вестись преподавание в реформируемых гимназиях. Между принятыми в прибалтийских гимназиях учебными планами и общерусскими были большие расхождения,³ но учебное начальство, занятое переводом гимназий на русский язык преподавания, впопыхах не заметило этого. Повидимому, в 1887/88 учебном году гимназии работали еще по старым программам и учебным планам. Лишь 10 мая 1888 г. последовало распоряжение попечителя "О временном изменении учебных планов в средних учебных заведениях". Им вводилась новая сетка часов в трех низших классах тех гимназий,

¹ Циркуляры по Дерптскому учебному округу, 1887, № 8, стр. 410-412.

² Там же, 1887, № 7, стр. 378.

³ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 165, ед. хр. 430, лл. 143-144 об.

где перевод на русский язык преподавания осуществлялся с I класса. На русский язык в них полагалось:

классы	I	II	III
к-во часов	6	5	4

"Что касается программ по каждому предмету, — указывалось в распоряжении, — то предлагалось сообразоваться с учебными планами, которые утверждены министром для гимназий по уставу 1871 года, равно как покорно прошу вести преподавание по учебникам, министерством народного просвещения одобренными".¹

Предписанием попечителя от 18 февраля 1889 г. приказано было ускорить перевод отдельных классов и учебных предметов гимназий на русский язык преподавания с тем, чтобы с января 1892 г. все предметы (кроме древних языков и закона божьего) во всех классах велись бы по-русски.²

Если в казенных гимназиях переход к русскому языку преподавания в целом осуществлялся в соответствии с указанными распоряжениями,³ то этого нельзя сказать об учебных заведениях, содержавшихся на счет местного дворянства (Вильяндиская гимназия, Домское училище в Таллине). Сначала дворянство решило превратить их в частные училища, чтобы сохранить немецкий язык преподавания, но это не было разрешено начальством.⁴ Ввиду того, что Вильяндиская гимназия и Домское училище отказались перейти к русскому языку преподавания, в 1889 г. было принято решение об их закрытии⁵ (фактически занятия в них прекратились в 1892 г.).

¹ Циркуляры по Дерптскому учебному округу, 1888, № 5, стр. 234.

² Там же, 1889, № 2, стр. 125-129.

³ См. там же, 1889, № 4, стр. 242-251.

⁴ См. там же, 1888, № 7, стр. 347-350.

⁵ См. там же, 1889, № 6, стр. 318-319, № 8, стр. 444.

Завершением преобразования прибалтийских гимназий явилось утвержденное 24 апреля 1890 г. Александром III "повеление" "О применении к гимназиям Дерптского учебного округа устава и штата гимназий 30 июля 1871 года".¹ Этим повелением и на прибалтийские гимназии был распространен общероссийский устав гимназий, общерусские учебные планы и программы лишь с незначительными отступлениями, а именно: церковнославянский язык был сделан "обязательным только для учеников русского происхождения", на преподавание русского языка было назначено 27 уроков - на три больше, чем в общерусском плане.² Впрочем, уже 12 июня 1890 г. последовало изменение таблицы недельных уроков в мужских гимназиях всей империи (на русский язык с церковнославянским, словесность и логику полагалось теперь 29 часов),³ которое было введено и в гимназиях Дерптского учебного округа.⁴

8 января 1891 г. и к реальным училищам округа был применен общерусский устав и штаты реальных училищ.⁵ 16 апреля 1891 г. последовало разъяснение попечителя относительно распределения часов на русский язык в отдельных классах.⁶ По нему в 6 классах реальных училищ на русский язык полагалось всего 27 часов:

классы	I	II	III	IV	V	VI
к-во часов	7	6	5	3	3	3

17 апреля 1890 г. русский язык преподавания был введен и во всех женских учебных заведениях Дерптского учеб-

¹ Там же, 1890, № 5, стр. 246-260.

² Там же, стр. 247, 250.

³ Там же, 1890, № 7, стр. 329-330.

⁴ Там же, стр. 346-350.

⁵ Там же, 1891, № 1, стр. 10-12.

⁶ Там же, 1891, № 4, стр. 195.

ного округа.¹ По разъяснению министра, последовавшему 28 мая 1890 г., преподавание на русском языке должно было начаться в первом классе всех женских училищ округа с будущего 1890/91 учебного года. После этого следовало "ежегодно прибавлять по одному классу с русским преподавательским языком". Полный переход к преподаванию по-русски во всех классах должен был быть завершен к началу 1895/96 учебного года.²

Переход к общерусским программам учебникам по русскому языку и словесности в средних учебных заведениях Прибалтики в силу специфического состава учащихся, не владевших еще в совершенстве русским языком, все же не мог быть осуществлен сразу после указанного выше распоряжения попечителя от 10 мая 1888 г. и других предписаний учебного начальства. В конце 1880-х гг. в гимназиях, в соответствующих им женских учебных заведениях и реальных училищах делаются попытки как-то приспособить старые программы и учебники к новым, сочетать их. Переход к общерусским программам и учебным пособиям завершился лишь в начале 1890-х гг., а в женских и частных училищах и еще позже.

Нам осталось лишь сказать о весьма многочисленных в Прибалтике частных учебных заведениях.

Именно к ним в первую очередь относилось утвержденное Александром III министерское распоряжение от 28 февраля 1885 г. "Об обязательном обучении русскому языку в учебных заведениях Дерптского учебного округа".³ В нем обращалось внимание на то, что в частных женских училищах края учениц нередко освобождают от изучения русского языка. Новым распоряжением подтверждалось, что русский язык является обязательным для всех без исключения учебных заведений империи предметом и что "все желающие получить право на обучение, не исключая иностранцев и иностранок, обязаны под-

¹ Там же, 1890, № 5, стр. 242-245.

² Там же, 1890, № 6, стр. 293-294.

³ Сборник постановлений по МНП. Т. X, столб. 30-32.

вергаться испытанию" по этому предмету.

В начале 1886 г. последовало разъяснение попечителя, что в каждом классе или отделении частных училищ Дерптского учебного округа второго и третьего разрядов на русский язык должно быть положено не менее 6 уроков в неделю. Начиная же с третьего класса, в них обязательно преподавание русской истории, географии России и бесед о природе на русском языке, притом не менее 4 часов в неделю. В частных же учебных заведениях первого разряда преподавание русского языка, русской истории и географии России должно идти по учебным планам правительственных гимназий и реальных училищ.¹

12 января 1887 г. распоряжением попечителя число часов на русский язык в частных учебных заведениях, как мужских, так и женских, было еще более увеличено. В училищах второго и третьего разрядов с августа 1887 г. было положено не менее восьми недельных уроков русского языка в каждом классе, а в училищах первого разряда - не менее семи (включая преподавание русской истории и географии России).²

Наконец, 23 мая 1889 г. Александром III было утверждено постановление о переводе всех частных учебных заведений Дерптского учебного округа на русский язык преподавания.³ Конкретные мероприятия по претворению в жизнь этого постановления были намечены в распоряжении попечителя от 31 октября 1889 г.⁴ Согласно ему, в частных учебных заведениях первого и второго разряда, как мужских, так и женских, преподавание на русском языке предложено начать с 1 января 1890 г. с первого, младшего, класса, и затем надо было прибавлять каждый год по одному классу с русским преподавательским языком. Для училищ же третьего разряда был вве-

¹ Приложение к № 4 "Циркуляров по Дерптскому учебному округу" за 1886 год, стр. 5.

² Циркуляры по Дерптскому учебному округу, 1887, № 1, стр. 21-22.

³ Там же, 1889, № 6, стр. 318.

⁴ Там же, 1889, № 11, стр. 655-656. Ср. там же, 1889, № 12, стр. 714-715.

ден двухгодичный срок, считая с 1 июля 1890 г., перехода на русский язык преподавания всех предметов, за исключением закона божьего для лютеран.

С помощью всех указанных выше мер и был осуществлен переход учебных заведений Прибалтики на русский язык преподавания, по общерусским программам и учебникам. Вместе с этим начался новый этап в истории прибалтийской, и эстонской в том числе, школы, как и в истории преподавания в ней русского языка и словесности.

З а к л ю ч е н и е

Мы рассмотрели историю преподавания русского языка и литературы в учебных заведениях Эстонии ХУШ-ХІХ вв.

За этот большой период преподавание русского языка и словесности претерпело очень значительные изменения. В ХУШ столетии оно носило еще случайный характер. В учебных заведениях не было никакой разработанной системы обучения русскому языку; в лучшем случае можно говорить о том, что тогда были созданы только известные предпосылки и для более разумной организации преподавания этого предмета.

В первые два десятилетия ХІХ в. русский язык остается предметом факультативным или, точнее, полубязательным, но уже начинается выработка неких методических принципов его преподавания, на их основе создаются новые учебники. Во главу угла ставится изучение грамматики и наряду с ней — переводы с русского на немецкий. Роль художественной литературы в процессе обучения языку пока еще явно недооценивается: в учебниках художественные тексты русских авторов встречаются не слишком часто (укажем в этой связи на наиболее распространенные в школах учебные пособия А.В.Таппе), и используются они лишь как материал для переводов.

Преподавание русского языка, уже начиная с ХУШ в., стало в Прибалтике вопросом не только узко педагогическим, но

и сугубо политическим, вокруг которого на протяжении всего рассматриваемого нами периода шла напряженная, сложная, хотя чаще всего и скрытая для глаз борьба. Ее корни уходят в специфику общественно-политической обстановки Прибалтики с характерным для нее господством остзейцев - прибалтийских немцев - во всех сферах жизни. Верховная русская власть, правительственные органы (в первую очередь, министерство народного просвещения) неизменно стремились увеличить удельный вес русского языка в учебном процессе, сделать преподавание этого предмета более эффективным. Цель его видели в практическом овладении учащимися-остзейцами живой разговорной речью. По мнению властей, это должно было способствовать укреплению связей Остзейских губерний с Россией, унификации Прибалтики с другими частями государства, ликвидации опасной, с точки зрения государственного единства, обособленности края от империи. Остзейцы же, напротив, всячески стремились сохранить свое особое положение, господство немецкого начала в крае и поэтому крайне враждебно относились ко всяким попыткам властей усилить роль русского языка как в учебном процессе, так и в местном делопроизводстве. Для остзейцев вообще характерны антирусские настроения, презрительный взгляд на русскую культуру и литературу как явления отсталые, примитивные и неинтересные для цивилизованных и культурных немцев.

Всё это и делало русский язык объектом ожесточенной борьбы и, естественно, крайне отрицательно сказывалось на процессе обучения ему в местных учебных заведениях. Меры по усилению преподавания русского языка встречались в штыки учителями, порою даже местным учебным начальством, родителями учащихся и самими школьниками, они игнорировались и лишь в редких случаях в полной мере проводились в жизнь. Немецкие учащиеся не испытывали никакой любви к этому предмету, не считали его важным и необходимым, что также затрудняло процесс преподавания.

Правда, иным было отношение к русскому языку коренного населения края - эстонцев и латышей, но оно длитель-

ное время вообще было лишено возможности изучать этот предмет, поскольку в сельских школах он не преподавался, а в уездные училища и гимназии в первые две трети XIX в. его представители попадали редко.

Кстати, отношение коренного населения края к русскому языку может нам помочь дать более четкую, определенную политическую оценку той борьбы, которая велась в Прибалтике вокруг этого предмета. Не трудно заметить, что здесь сталкивались, в сущности, две реакционные силы: остзейцы, привилегированное немецкое меньшинство Прибалтики, с одной стороны, и русский царизм, с другой. В Прибалтике существовала, однако, еще и третья "сила", которая была носителем прогрессивных начал в общественно-политической борьбе в крае. Это - эстонцы и латыши, вплоть до середины XIX в. (да, в какой-то мере, и позже) представлявшие собой слабо дифференцированную крестьянскую массу. Их отношение к рассматриваемому нами вопросу показывает, что в реакционных установках русских властей, стремившихся расширить и улучшить преподавание русского языка в учебных заведениях Остзейских губерний, все же было и некое прогрессивное содержание: объективно осуществление политической линии властей должно было подорвать засилие немцев во всех областях жизни края, привести к сближению его коренного населения с русскими, в том числе - хотели того власти или нет - и с демократическим лагерем русского общества, в чем прежде всего были заинтересованы эстонцы и латыши. Распространение знания русского языка должно было помочь эстонцам приблизиться к миру русской культуры, причем не только культуры официальной, реакционной, но - в конечном итоге - и передовой. Это не могло не способствовать развитию эстонской национальной культуры, тем более, что в эпоху национального возрождения для многих эстонских деятелей уже стала очевидной ограниченность одной только немецкой ориентации в культурной жизни края. Однако все эти возможные последствия расширения преподавания русского языка остались в целом нереализованными из-за специфических условий Особого ост-

зейского режима.

И все же в этих нелегких условиях был достигнут известный прогресс в преподавании русского языка и словесности в учебных заведениях Прибалтики. В 1830-1840-е гг. окончательно вырабатываются принципы переводно-грамматического метода изучения русского языка, местными педагогами создаются вполне квалифицированные учебники этого предмета (процесс их создания был завершен в 1850-е - начале 1860-х гг.). Правда, инструкциями требовалось практическое овладение разговорной русской речью. Оно не достигалось не только в уездных училищах, но и даже в гимназиях и университете, не говоря уже об элементарных городских училищах или частных учебных заведениях низшего типа, где обучение ограничивалось лишь чтением и письмом. Перводно-грамматический метод, собственно, и не был приспособлен к овладению учащимися практической речью, но пассивное знание языка он давал. У лучших педагогов уездных училищ и гимназий учащиеся уже в такой степени овладевали языком, что могли читать и понимать несложные художественные тексты.

В плане нашей работы особенно важно, что именно во второй трети XIX в. окончательно была признана роль художественной литературы в процессе обучения русскому языку на том этапе, который соответствовал старшим классам уездных училищ и гимназий. Отсюда появление большого числа русских хрестоматий с достаточно разнообразным набором текстов. Художественные произведения русских классиков используются не только для перевода и пересказа, но в какой-то мере становятся уже и объектом разбора. В гимназическую программу вводится краткий курс истории русской словесности.

Необходимо подчеркнуть, что широкое использование литературного материала при изучении языка имело и более широкое общекультурное значение. Если русский язык насаждался свыше административным путем, овладение им имело, с точки зрения властей, прежде всего политический смысл, а в его преподавании длительное время господствовала зубрежка,

то изучение литературы в школе осуществлялось, скорее, по инициативе учителей, элемент механического запоминания не играл столь важной роли и овладение литературными материалами приобретало в числе прочего и общекультурный смысл: оно не только помогало овладеть языком, но и расширяло культурный кругозор учащихся, развивало их интеллект, их эмоциональный мир.

В то же время вопрос о том, в какой мере необходимы художественные тексты при изучении языка в младших классах гимназий и уездных училищ, оставался еще неясным и дискуссионным. Многие словесники (в том числе и такие видные, как Ф.Голотузов) считали, что художественные произведения, особенно творения классиков, сложны по своей структуре, часто содержат непонятные учащимся обороты речи, их стиль труден для восприятия школьников и поэтому их не следует вводить в учебники и книги для чтения.

Встал вопрос и о принципах отбора текстов для хрестоматий, предназначенных для средних и старших (в какой-то мере и младших) классов гимназий и соответствующих им классов уездных училищ. Здесь можно отметить две тенденции, впрочем, в силу крайне неблагоприятных внешних обстоятельств (специфика Особого острейского режима, николаевская реакция и т.д.), намеченные еще недостаточно отчетливо. Часть педагогов ратует за включение в хрестоматии, в первую очередь, образцов новейшей литературы, причем литературы "серьезной", так сказать, современной классики. Другие же считают, что в книги для чтения надо включать лишь уже общепризнанные, апробированные образцы классики прошлого, т.е. XVIII - начала XIX вв. Для учащихся младших и средних классов они были явно не под силу, и сторонники этой второй тенденции считали необходимым широко использовать в хрестоматиях и учебниках, рассчитанных на учащихся этих классов, русскую детскую литературу той поры, большей

часть реакционную и художественно слабую.¹ Первую из этих тенденций нельзя не охарактеризовать как прогрессивную, хотя в условиях Прибалтики она не выходила за пределы либеральных воззрений. Вторая же тенденция явно носила консервативный, если не реакционный характер и должна была способствовать воспитанию "послушного ребенка", усвоившего все принципы христианского смирения, покорности, повинности властям и т.д.

Само изучение словесности в старших классах уездных училищ и гимназий носило достаточно поверхностный и формальный характер, ориентировалось на устарелые и выдержанные в официальном реакционном духе учебники вроде "Краткого опыта" Н.И.Греча. Так было, впрочем, и в русских гимназиях 1830-1850-х гг. В Прибалтике изучение словесности, как мы уже неоднократно отмечали, к тому же было подчинено овладению языком, рассматривалось лишь как составная часть преподавания русского языка. Это еще более ограничивало разбор литературных образцов. Курс же истории русской словесности был очень краток, а в 1867 г. и вовсе отменен. В этих условиях отбор произведений для чтения, перевода и пересказа играл особую роль. Учащиеся знакомились, главным образом, с произведениями Карамзина, Дмитриева, Крылова, Жуковского, Пушкина и некоторых других авторов. Впрочем, к началу 1860-х гг. круг проходимых в уездных училищах и гимназиях авторов несколько расширился.

1860-1880-е гг. — последний из рассмотренных нами периодов — дает уже несколько иную картину. Постепенно вводится преподавание русского языка и в сельских школах, хотя уровень его до конца 1880-х гг. остается весьма низким. При продолжающемся господстве переводно-грамматического метода в 1880-е гг. предпринимаются первые попытки несколько расширить применение наглядного, "натурального" метода на

¹ Напомним в этой связи о глубокой неудовлетворенности Н.Г.Чернышевского и Н.А.Добролюбова тогдашней русской детской литературой и их неоднократно повторяемые высказывания о том, что детям нужно давать классику, серьезные образцы русской художественной литературы.

первых этапах обучения. Если 1860-1880-е гг. и не дадут нового качества в преподавании русского языка и в результатах его, то все же можно заметить некий, если так можно выразиться, количественный рост: более ровным становится состав преподавателей, стабилизируется система обучения, улучшатся учебники, общепризнанная методика преподавания и приемы обучения языку усваиваются большинством учителей, средний уровень знания русского языка учащимися слегка повышается, хотя практической речью они по-прежнему не овладевают, более широким становится круг проходимых в гимназиях и старших классах уездных училищ литературных образцов. Хотя курс истории русской словесности и был отменен, но анализ отдельных литературных произведений в процессе объяснительного чтения, перевода и пересказа в трех старших классах гимназий становится более осмысленным и глубоким: хрестоматии К.А.Галлера и А.А.Соколова, включавшие биографии или историко-литературный разбор отдельных произведений, в этом плане давали несравнимо больше старых пособий Греча, Пенинского и даже Шафранова и Николича. Если мы вспомним, что в русских гимназиях изучение русской литературы в 1870-е гг. было значительно сокращено и преимущественное внимание в них обращалось на древнюю словесность, то следует признать, что предусмотренный программой прибалтийских гимназий литературный материал был не так и мал по объему и даже более "современен", нежели тот, что изучался в соответствующих учебных заведениях внутренних губерний России.

В интересующем же нас аспекте особенно важна дискуссия начала 1870-х гг., начатая статьями Е.Козина, о роли художественного слова уже на первых этапах обучения русскому языку. Как можно предполагать, в 1870-е гг. передовые учителя-словесники окончательно приходят к выводу, что приобщение учащихся к миру русской словесности, к великим творениям русских классиков может лишь способствовать усвоению русского языка, активизирует творческую мысль учеников, вызывает и усиливает их интерес к изучаемому матери-

алу, в том числе и грамматическому. Возрастает удельный вес художественных текстов в прибалтийских учебных книгах для чтения, уже начиная с младших классов.

Следует также указать, что именно в эти годы делаются порою успешные попытки тесно увязать обучение грамматике с чтением, добиться некоего органического симтеза в изучении языка и словесности. Впрочем, такого рода попытки предпринимались еще в предыдущий период (Е.Козин именно в этом видел достоинство старого учебника И.Пилемана).

С конца же 1880-х - начала 1890-х гг. начался совершенно новый этап в истории преподавания русского языка и словесности в учебных заведениях Прибалтики.

Рассмотренные в данном спецкурсе методические проблемы преподавания русского языка и словесности прежде всего в немецкоязычных учебных заведениях Прибалтики, собственно, были актуальны не только для Остзейских губерний, но и для других населенных национальными меньшинствами областей Российской империи, и не только в XVIII-XIX вв., но и в начале текущего столетия. Прибалтийский опыт в этом смысле имел общероссийское значение. Более того, многие методические проблемы, волновавшие передовых учителей Остзейских губерний в XIX в., в дальнейшем - уже в новых условиях - встанут и перед эстонской школой, когда в ней вновь начнется преподавание русского языка. Из этого закономерно следует, что нам важно изучить опыт прошлого, опыт преподавания русского языка и словесности в учебных заведениях Эстонии XVIII-XIX вв., с тем, чтобы взять из него всё лучшее и не повторять старых ошибок, не идти путем, однажды уже испробованным и оказавшимся неудачным. Опыт прошлого, в частности, подсказывает нам, что преподавание русского языка в школе может быть успешным лишь в том случае, если оно дополняется изучением русской литературы, выдающихся образцов русской классики, если к изучению русского языка подходят не только как к проблеме лингвистической, но и общекультурной.

О г л а в л е н и е

Глава I. Обстановка в крае и правительственные мероприятия по усилению преподавания русского языка в учебных заведениях Прибалтики 1860-1880-х гг.	3
Глава II. Преподавание русского языка в сельских школах и учительских семинариях Эстонии 1860-1880-х гг.	33
Глава III. Учебники по русскому языку и словесности, употреблявшиеся в сельских школах Эстонии 1860-1880-х гг.	56
Глава IV. Преподавание русского языка и словесности в городских учебных заведениях Эстонии 1860-1880-х гг.	83
Глава V. Учебники по русскому языку и словесности, принятые в городских учебных заведениях Эстонии в 1860-1880-е гг.	146
Глава VI. Преподавание русского языка и словесности в высших учебных заведениях Эстонии 1860-1880-х гг.	194
Глава VII. Преподавание русского языка и словесности в учебных заведениях Эстонии в переходный период (конец 1880-х - начало 1890-х гг.)..	201
Заключение.....	218

С.Г. Исаков
РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА
В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ЭСТОНИИ
XVIII-XIX СТОЛЕТИЙ
Вып. II

На русском языке
Тартуский государственный университет
ЭССР, г. Тарту, ул. Пилкооли, 18.
Ответственный редактор Э. Мунд

Сдано в печать 24/IV 1974 г. Бумага печатная № 2.
30x42. 1/4. Печ. листов 15,5 (условных 14,4).

Учетно-издат. 12,2. Тираж 300.

МВ 00422 Зак. № 562.

Ротапринт ТГУ, ЭССР, г. Тарту, ул. Пялсона, 14.
Цена 43 коп.

43 КОП.